

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№2 (97)

2021

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 2 (97) 2021

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25 июня 2021 г. Дата выхода в свет 28 июня 2021 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,5.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 51

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (97) 2021

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: sir-vestnik@mvd.gov.ru
© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminology East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

V. V. Nikolyyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 25th June 2021. Publication date: 28th June 2021.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,5. Issue 1000 copies

First issue 60 copies. Order No 51

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Антонов Я.А. К вопросу о специфике деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав человека в условиях особых правовых режимов	9
Никулина А.В. Теоретико-правовые аспекты проблемы качества ведомственного нормотворчества	15

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Шаламова А.Н. Реализация принципов социального государства в аспекте конституционно-правового регулирования	24
--	----

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Горенская Е.В. Характеристика экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти.....	31
Жмуров Д.В. Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности	46
Поливанов А.В. Пранк как составообразующий признак хулиганства	57
Рогова Е.В., Гайдай М.К. Теоретико-правовое понимание уголовной ответственности несовершеннолетних	65
Скопинцева В.В. Необходимые условия для рассмотрения ходатайства о помиловании	75

Уголовный процесс

Загорьян С.Г., Котельникова О.А. Сокращенное дознание: некоторые проблемы и пути их решения.....	85
Макашова Т.П. Возбуждение уголовного дела и права потерпевшего: аргументы «за» и «против»	95
Мисник И.В., Перякина М.В. Возбуждение уголовного дела как стадия российского уголовного судопроизводства.....	104
Михайлова Т.Н. Принцип особого положения несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России.....	115
Смолькова И.В. Розыск и задержание подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования	129

**Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Безруков С.С., Сторчилова Н.В. Об опыте формирования сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения	139
Никитенко И.В., Бабак О.В. Обеспечение прав предпринимателей посредством реализации контрольно-надзорных функций государства.....	150

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Велиев Я.П. Особенности выявления и раскрытия мошенничеств, совершенных при оформлении сделок купли-продажи автотранспортных средств	160
Делов Н.С. Понятие, содержание криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества	174
Ищенко Е.П., Костюченко О.Г. Современные технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения доказательств на электронных носителях информации	181
Россинская Е.Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений	190
Черкашин Р.Н. Провокация в контексте оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»: теоретико-методологические проблемы.....	201
Щербаченко А.К. Устойчивость механизма мошенничеств, совершенных группой лиц	210

**Административное право,
административный процесс**

К 75-летию профессора Россинского Бориса Вульфовича

Грибунов О.П., Добров А.Н., Баранова С.А. О вкладе выдающегося ученого Россинского Бориса Вульфовича в отечественную административно-правовую науку	220
Анисифорова М.В. Особенности документирования сотрудниками полиции административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ	226
Власов П.Е., Машугина Е.В. Допинг в спорте: проблемы определения субъектов административных правонарушений и преступлений	235
Куцкель М.В. Вопросы содержания административной ответственности за незаконный оборот наркотиков	245
Новичкова Е.Е., Пестов Р. А. Повторность в административно-процессуальном праве	255
Информация для авторов	264

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Antonov J. A. On specific activities of the Internal Affairs bodies to ensure human rights during special legal regimes.....	9
Nikulina A.V. Theoretical and legal aspects of the quality of departmental rulemaking	15

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Shalamova A. N. Implementation of the principles of the social state in terms of constitutional and legal regulation	24
---	----

Criminal law and criminology; criminal executive law

Gorenskaya E. V. Characteristics of economic crimes In the field of oil production and transportation	31
Zhmurov D.V. Cyber victim: solving the problem of terminological uncertainty	46
Polivanov A. V. Prank as qualifying indicia of hooliganism	57
Rogova E.V., Gaidai M.K. Theoretical and legal interpretation of the criminal responsibility of juveniles.....	65
Skopintceva V.V. Necessary conditions for the consideration of clemency petition	75

Criminal proceeding

Zagoryan S.G., Kotelnikova O.A. Abridged form of inquiry: some problems and solutions	85
Makashova T.P. Initiation of criminal proceedings and the rights of the victim: pros and cons	95
Misnik I.V., Peryakina M.P. Initiation of a criminal case as a stage of russian criminal proceedings	104
Mikhailova T. N. The principle of the special status of a minor in the framework of criminal proceedings in Russia	115
Smolkova I.V. Tracing and apprehension of a suspect who has absconded during the preliminary investigation.....	129

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Bezrukov S.S., Storchilova N. V. Experience in drawing up a consolidated list of problems requiring scientific resolution faced by the internal Affairs agencies of the Russian Federation	139
Nikitenko N. C., Babak O. V. Ensuring the rights of entrepreneurs through the implementation of control and supervisory functions states	150

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Veliev Ya. P. Some peculiarities of detection and solution of fraud committed during executing purchase and sale transactions of motor vehicles	160
Delov N. S. The concept and content of the forensic characteristics of intentional destruction or damage to property	174
Ishchenko E.P., Kostyuchenko O. G. Modern technical and forensic tools used to detect evidence on electronic media	181
Rossinskaya E. R. The concept of the doctrine on information-computer forensic models as the basis of computer crime investigation techniques	190
Cherkashin R. N. Provocation in the context of the investigative and search event "Sting Operation": theoretical and methodological problems	201
Scherbachenko A. K. Sustainability of the fraud mechanism committed by a group of persons	210

Administrative law; administrative process

Gribunov O. P., Dobrov A. N., Baranova S. A. The contribution of outstanding scientist Rossinskiy Boris Vulfovich in the russian administrative science	220
Anisiforova M. V. Peculiarities of documenting by police officers of administrative offenses associated with illegal traffic of drug precursors and psychotropic substances	226
Vlasov P. E., Mashugina E. V. Doping in sports: problems of determining subjects of administrative offenses and crimes	235
Kutskel M. V. Issues relating to the content of administrative responsibility for drug trafficking	245
Novichkova E.E., Pestov R. A. Repetition in administrative procedural law	255
Information for autors	264

УДК 342.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-9-14

Антонов Ян Анатольевич

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: antonovyan9089@mail.ru

Antonov Jan Anatolyevich

Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs bodies, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: antonovyan9089@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Введение: в статье рассматриваются специфические черты деятельности органов и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, определяющие особенности нормативно-правового регулирования статуса органов внутренних дел, как основного государственного органа правоохранительной направленности, в экстремальных условиях, а также условия и пределы ограничения конституционных прав граждан, имеющие место в деятельности органов внутренних дел.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральное конституционное законодательство, административно-правовое и административно-процессуальное законодательство, локальные ведомственные нормативные акты, регламентирующие осуществление деятельности органов и подразделений органов внутренних дел по обеспечению и защите прав и законных интересов граждан в условиях введения на определённой территории особых правовых режимов. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы правового анализа логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили выделить отдельные положения, относящиеся к обеспечению прав и свобод человека, раскрыть специфические особенности деятельности органов и подразделений внутренних дел, а также принципы, пределы, функции деятельности в особых правовых режимах.

Выводы и заключения: В ходе анализа взаимосвязи между отдельными структурно-функциональными элементами деятельности органов внутренних дел и их нормативно-правовой регламентацией в условиях экстремальных режимов установлена прямая зависимость между ограничениями прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов и обеспечением этих прав органами внутренних дел.

Ключевые слова: особые правовые режимы, органы внутренних дел, права человека, специфика деятельности, обеспечение прав человека, режимы.

ON SPECIFIC ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES TO ENSURE HUMAN RIGHTS DURING SPECIAL LEGAL REGIMES

Introduction: the article considers the specific features of the activities of bodies and subdivisions of internal affairs bodies of the Russian Federation, which determine the features of the normative and legal regulation of the status of internal affairs bodies, as the main state body of law enforcement, in extreme conditions, as well as the conditions and limits of the restriction of constitutional rights of citizens that take place in the activities of internal affairs bodies.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional legislation, administrative-legal and administrative-procedural legislation, local departmental regulations governing the implementation of the activities of bodies and subdivisions of internal affairs bodies to ensure and protect the rights and legitimate interests of citizens under conditions of introduction in a certain territory special legal regimes. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of legal analysis of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: made it possible to single out certain provisions related to ensuring human rights and freedoms, to reveal the specific features of the activities of bodies and departments of internal affairs, as well as the principles, limits, functions of activity in special legal regimes.

Findings and Conclusions: the analyzed interrelationships between individual structural and functional elements of the activities of the internal affairs bodies and their normative legal regulation in conditions of extreme regimes revealed a direct correlation between the restrictions on the rights and freedoms of citizens under special legal regimes and the provision of these rights by the internal affairs bodies.

Key words: special legal regimes, internal affairs bodies, human rights, specificity of activities, ensuring human rights, regimes.

Незыблемость человеческих прав и свобод является константой, которая нерушима даже в случае наступления в стране чрезвычайных для нормального функционирования общества условий. Такие условия выделяются законодателем в правовую категорию, которая носит название особых правовых режимов.

Данная категория раскрывается документом высшей юридической силы — Конституцией Российской Федерации — в статьях 56 и 88 (правовой режим чрезвычайного положения) и в статье 87 (правовой режим военного положения). Исходя из сущности понятий, можно прийти к очевидному факту уязвимости прав человека в данных условиях, что влечёт за собой возникновение большего объёма ответственности у органов внутренних дел [6, с. 140].

Необходимость защиты и обеспечения прав человека и гражданина органами внутренних дел проистекает из указаний Конституции России. Так, статья 2 закрепляет в качестве одной из обязанностей Российской Федерации соблюдение и защиту прав и свобод гражданина, наряду с обязанностью по формированию штатов учреждений, которым будут делегированы данные функции.

Органы внутренних дел выступают в качестве системы учреждений, которые выполняют данную функцию на постоянной основе, в том числе и в случае введения в стране особых правовых режимов. Но в чём состоят особенности деятельности органов внутренних дел по защите прав и свобод в данном случае?

В первую очередь необходимо сказать о том, что характерной чертой особых правовых режимов является осуществляемые по факту их введения в стране ограничения прав и свобод человека и гражданина. Введение данных ограничений связано с необходимостью защиты прав и законных интересов других лиц после того, как режим будет снят.

Однако ограничение прав человека обязательно должно иметь границы, проверка соблюдения которых и является одной из задач органов внутренних дел в условиях особых правовых режимов. Определение черты, которую нельзя пересекать при ограничении прав и свобод человека и гражданина, должно происходить, исходя из определения соотношения применяемого ограничения и охраняемого таким образом блага [4, с. 104].

Как представляется, в данном случае установление границ соразмерности ограничений прав человека аналогично установлению пределов в уголовном праве — в случае признания наличия или отсутствия факта крайней необходимости. Субъект органов внутренних дел, применяя те или иные ограничения, уясняет степень реальной опасности охраняемого блага и «тяжесть» ограничений, налагаемых на права человека, и принимает соответствующие меры по ограничению этих прав, соразмерных возникшей угрозе [1, с. 83].

Данный факт также подтверждается и указаниями ст. 5 федерального закона «О полиции», которая предписывает немедленное прекращение ограничение прав и свобод человека и гражданина, если по факту их применения не удаётся достичь желаемого результата, который в данном случае состоит в защите охраняемого блага.

Таким образом, одной из специфических черт деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав человека условиях особых правовых режимов является необходимость руководствоваться принципом экономии вмешательства. Безусловно, данный принцип применяется рассматриваемыми властными субъектами и в их повседневной деятельности, но именно в условиях особых правовых режимов он приобретает особую актуальность, что было нами продемонстрировано.

При ограничении прав человека и гражданина органы внутренних дел руководствуются теми нормативно-правовыми актами, которые применяются и в

условиях отсутствия особых правовых режимов, а именно: Конституцией Российской Федерации, федеральным законом «О полиции», федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и рядом других законов и подзаконных нормативно-правовых актов.

Однако не возникает сомнений в том, что особые правовые режимы не всегда могут быть исчерпывающим образом урегулированы данными юридическими документами. Несмотря на то, что законодатель в статье 35 федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» приводит закрытый список особых условий, и каждая ситуация, влекущая введение такого режима, отличается своими качественными особенностями, которые невозможно урегулировать до её наступления.

Безусловно, ряд исследователей ссылается на возможность исчерпывающего правового регулирования каждого из типов «особых условий» в рамках отдельных федеральных законах по примеру ряда зарубежных исследователей. По нашему мнению, даже в случае конструирования данных нормативно-правовых актов всегда будут возникать специфические особенности, которые повлекут необходимость издания подзаконных нормативно-правовых актов [3, с. 97].

Тем не менее вернёмся к общему вопросу о нормативном регулировании особых правовых режимов.

Несмотря на то, что вопрос введения особых правовых режимов полномочен федеральным властям, он может быть введён на определённой территории, например в одном из субъектов Российской Федерации, что свидетельствует о возможности издания ряда указаний региональными властями.

Ряд указаний региональных органов власти может быть связан со спецификой возникшей ситуации, которая известна им в силу продолжительной работы на данном месте. Так, в случае обширных лесных пожаров именно региональные органы способны оперативно принять решение о необходимости гражданам покинуть жилища в случае нахождения в зоне поражения и дать указания органов внутренних дел по необходимости работы с населением в данном районе.

В заключение рассмотрения данного вопроса стоит отдельно отметить вопрос регулирования особого правового режима федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении». В положениях данного закона отсутствуют конкретные указания в отношении деятельности органов внутренних дел, однако статья 11 регламентирует общие меры и временные ограничения, которые могут быть применены, и часть из них осуществляется, в том числе, и органами внутренних дел.

Таким образом, можно выделить её одну специфическую черту деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав человека условиях особых правовых режимов, которая заключается в особенности использования в своей деятельности нормативно-правовой базы. А именно: субъекты органов внутренних дел руководствуются не только положениями Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных и иных законов и подзаконных нормативно-правовых актов, но и положениями региональных нормативно-правовых актов, которые могут быть применены с учётом специфики ситуации, в которой был введён особый правовой режим.

Стоит также упомянуть об особенностях формы деятельности органов внутренних дел в условиях особых правовых режимов.

В рамках своей повседневной деятельности субъектами осуществляется правоприменительная и организационная деятельность. Значение второй резко возрастает при введении чрезвычайного или военного положения для обеспечения прав граждан.

Данная деятельность раскрывается в процессе оказания различной помощи населению (спасение людей и имущества, проведение операций по освобождению заложников, задержание преступников), что способствует как разрешению краткосрочных задач по охране прав граждан, так и долгосрочных задач по устранению ситуации, которая повлекла введение на территории особого правового режима.

Ещё одной специфической чертой деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав человека условиях особых правовых режимов является комплексность задействованных в выполнении данной задачи структур правоохранительных органов. Несмотря на различные функции, возложенные на них законодателем в качестве первостепенных в рамках повседневной деятельности (превентивная, регулятивная, охранительная) все они находят своё выражение в деятельности по обеспечению прав граждан в особых правовых режимах.

Нельзя, однако, сказать о том, что каждая из структур органов внутренних дел работает одинаково, т. к. реализация упомянутой выше функции происходит с учётом тех функций, осуществляемых подразделением в рамках его повседневной деятельности.

Так, подразделение, в задачу которого входит осуществление оперативно-розыскных мероприятий, в случае введения на территории военного положения не возьмёт на себя функции следствия. Однако деятельность подразделения будет направлена на проведение лишь неотложных оперативно-розыскных мероприятий, которые будут способствовать обеспечению прав и свобод граждан в сложившихся условиях. Например, при обнаружении органами внутренних дел признаков участвовавших краж из закрытых (из-за введения особого правового режима в городе) магазинов, оперативно-розыскные мероприятия должны быть направлены на поиск и установление данных лиц, т. к. своими действиями они влекут нарушение и без того ограниченных прав владельцев магазинов.

Всё же, несмотря на то, что функции отдельных структур органов внутренних дел не могут быть кардинально изменены, это не нивелирует возможность наложения на них ряда дополнительных обязанностей [2, с. 69].

Таким образом, необходимо подвести итог рассмотрению нами института обеспечения прав человека органами внутренних дел в условиях особых правовых режимов.

Невзирая на то, что ограничения прав и свобод человека и гражданина, применяемые в условиях особого правового режима, являются одним из необходимых инструментов восстановления правопорядка, значение обеспечения прав человека в части, в которой они не ограничены, выступают в качестве первостепенной задачи всей государственной политики.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел по обеспечению порядка и безопасности в особых, экстремальных обстоятельствах позволяет предотвратить панику, спасти людей, не допустить совершения тяжких

преступлений, своевременно оказать помощь пострадавшим и в конечном счете гарантировать защиту прав и свобод граждан, их законных интересов [5, с. 55].

Российское законодательство достаточно подробно регламентирует возможность применения ограничений прав и свобод в условиях военного и чрезвычайного положения, в том числе в части деятельности органов внутренних дел, оставляя, однако, возможность урегулирования ряда аспектов региональным законодательством.

Кроме того, нами было отмечено, что несколько изменяются принципы и функции отдельных структур органов внутренних дел в условиях особых правовых режимов. В некоторых случаях на первый план выходят те или иные принципы, в других корректируются функции, но данные процессы осуществляются лишь с одной целью — обеспечение прав человека даже в условиях военного и чрезвычайного времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зиборов О. В. Нормативная основа деятельности ОВД в особых условиях / О. В. Зиборов, И. С. Павличев // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 2. — С. 82—85.
2. Константинов А. В. Реализация органами внутренних дел чрезвычайного законодательства Российской Федерации / А. В. Константинов, С. П. Стащенко // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 3. — С. 68—73.
3. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации / А. А. Подмарев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. — 2018. — № 1. — С. 96—100.
4. Потапов Ю. А. Ограничение прав человека в период действия особых правовых режимов / Ю. А. Потапов // Образование и право. — 2019. — № 8. — С. 101—107.
5. Харитонов С. И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов / С. И. Харитонов // Юрист. — 2020. — № 12. — С. 53—58.
6. Шурухнова Д. Н. Особенности реализации специальных административно-правовых режимов в деятельности органов внутренних дел / Д. Н. Шурухнова, Л. С. Комовкина // Вестник экономической безопасности. — 2017. — № 2. — С. 138—142.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ziborov O. V. Normative basis of the activity of the Department of Internal Affairs in special conditions / O. V. Ziborov, I. S. Pavlichev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 2. - pp. 82-85.
2. Konstantinov A.V. Implementation of the emergency legislation of the Russian Federation by the internal affairs bodies / A.V. Konstantinov, S. P. Stashchenko // Bulletin of Economic Security. - 2016. - No. 3. - pp. 68-73.
3. Podmarev A. A. Restriction of human and civil rights and freedoms under conditions of martial law in the Russian Federation / A. A. Podmarev // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Ekonomika. Management. Right. - 2018. - No. 1. - p. 96-100.
4. Potapov Yu. A. Restriction of human rights during the period of special legal regimes / Yu. A. Potapov // Education and Law. — 2019. — No. 8. - p. 101 -107.
5. Kharitonov S. I. Guarantees of constitutional rights and freedoms of citizens in the conditions of special legal regimes / S. I. Kharitonov // Yurist. -2020. - No. 12. - p. 53 -58.
6. Shurukhnova D. N. Features of the implementation of special administrative and legal regimes in the activities of internal affairs bodies / D. N. Shurukhnova, L. S. Komovkina // Bulletin of Economic Security. - 2017. - No. 2. - pp. 138-142.

УДК 340.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-15-23

Никулина Алевтина Викторовна
адъюнкт Барнаульского юридического
института МВД России
E-mail: alik-112@yandex.ru

Nikulina Alevtina Viktorovna
Post-graduate student of the Barnaul
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
E-mail: alik-112@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Введение: статья посвящена теоретико-правовым аспектам проблемы качества ведомственного нормотворчества. Цель статьи — дефинировать понятие «качество ведомственного нормотворчества» на основе анализа имеющихся теоретических разработок в рамках обозначенной темы.

Материалы и методы: проведен общетеоретический анализ понятий «эффективность» и «качество», использован системный подход к пониманию качества ведомственного нормотворчества. Материалами исследования послужили разработки зарубежных и отечественных ученых, касающиеся проблемы качества нормотворчества и качества закона.

Результаты исследования позволили раскрыть содержание системного подхода к проблеме понимания категории «качество» применительно к такому правовому явлению, как ведомственное нормотворчество.

Выводы и заключения: на основе исследования существующих теоретико-правовых положений в рамках темы настоящей статьи дефинируется понятие «качество ведомственного нормотворчества».

Ключевые слова: правовое регулирование, эффективность, качество, ведомственное нормотворчество.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE QUALITY OF DEPARTMENTAL RULEMAKING

Introduction: the article is devoted to theoretical and legal aspects of the problem of quality of departmental rulemaking. The purpose of the article is to define the concept of “quality of departmental rulemaking” based on the analysis of existing theoretical developments in the framework of this topic.

Materials and Methods: a general theoretical analysis of the concepts of “efficiency” and “quality” was carried out, a systematic approach to understanding the quality of departmental rulemaking was used. The research materials were the developments of foreign

and domestic scientists concerning the problem of the quality of rule-making and the quality of the law.

Results of the Study: allowed us to reveal the content of a systematic approach to the problem of understanding the category “quality” in relation to such a legal phenomenon as departmental rulemaking.

Findings and Conclusions: based on the study of existing theoretical and legal provisions, the concept of “quality of departmental rulemaking” is defined in the framework of the topic of this article.

Keywords: legal regulation, efficiency, quality, departmental rulemaking.

Общественные отношения на современном этапе своего развития отличаются сложностью и многообразием. Сложившаяся ситуация ставит государство в достаточно непростые условия, требующие от него эффективной политики, в том числе в области правового регулирования. Продуктивность такого регулирования во многом зависит от качества издаваемых соответствующими компетентными государственными органами нормативных правовых актов. В этой связи вопросы качества, как нормотворчества в целом, так и ведомственного нормотворчества в частности, представляются весьма актуальными.

Несомненно, всякая норма права, являющаяся результатом нормотворчества, должна отвечать условиям реализуемости, иначе зачем «нормотворцу» прилагать столько усилий к её созданию? Свойством реализуемости правовой нормы обуславливается корреляция таких категорий, как «качество» и «эффективность» нормотворчества. В юридической литературе, как правило, эти категории отождествляются, однако, представляется, стоит придерживаться мнения, согласно которому качество и эффективность выступают различными понятиями как по содержанию, так и по смысловой нагрузке.

В подтверждение сказанного выше следует рассмотреть понятие «качество» в лексикографическом ракурсе: «Качество — это совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, которые отличают предмет или явление от других, придают ему определенность и показывают его достоинства» [15, с. 272]. Понятие «эффективность», в свою очередь, трактуется как «действенность использования чего-либо, возможность достижения желаемого эффекта» [15, с. 910].

О том, что категории «качество» и «эффективность» следует дифференцировать, свидетельствуют также моменты, связанные с правоприменением, когда правовые нормы могут быть реализованы на практике независимо от их качества. Однако некачественное нормотворчество исключает его эффективность даже при условии реализации созданных правовых норм. Таким образом, качество нормотворчества выступает необходимым условием его эффективности, что само по себе способствует повышению эффективности всего механизма государственного регулирования.

Применительно к сложившейся ситуации следует привести высказывание М. Б. Румянцева, который полагает, что «качество нормотворчества отражает его внутреннюю, содержательную сторону, а эффективность — внешнюю, которая указывает

на возможности реализации нормотворческих предписаний в процессе правоприменения» [13, с. 278].

Теоретико-правовое осмысление качества ведомственного нормотворчества следует начать с характеристики эволюционных представлений о понимании категории «качество» в его самом общем смысле, ведь на сегодняшний день оно имеет огромное значение для осознания сущности человеческого общежития и является главным фактором социального устройства современного общества при всей сложности организации взаимодействия его членов.

История исследований категории «качество» не прекращается на протяжении уже многих столетий, однако до сих пор ученые продолжают вести оживленную дискуссию относительно понимания этой многогранной категории. В этой связи американский специалист в области управления качеством Дж. Харрингтон обозначил свою точку зрения следующим образом: «Качество — вещь забавная. Все о нем говорят, все с ним живут, и каждый думает, что знает, что это такое. Но лишь немногие придут к единому мнению об определении качества» [16, с. 12]. Высказывание Дж. Харрингтона, на наш взгляд, лишь подтверждает необходимость более детального освещения теоретических аспектов, связанных с проблемой понимания категории «качество».

Постепенно в ходе развития общественных отношений происходит и процесс осознания глубинного смысла этого понятия. Так, в отечественной истории человеческой мысли необходимо отметить работы таких философов, как Ю. В. Крянев и М. А. Кузнецов. Ученые предлагают несколько подходов к пониманию категории «качество», основанных на периодизации истории познания мира человеком [9, с. 34].

Первый подход предполагает самое примитивное представление о качестве по аналогии с субстратным миропониманием, характерным еще для древнего человека, когда осознание им свойств любых предметов окружающей действительности происходило с точки зрения их подобия свойствам основных природных стихий, таких как воздух, огонь, вода и земля.

Поэтапное развитие науки и техники обусловило формирование второго подхода к пониманию категории «качество», который Ю. В. Крянев и М. А. Кузнецов обозначили как предметный. Осмысление человеком того факта, что любой предмет неотделим от бытия и обладает специфическими, свойственными только ему качествами, подтолкнули человеческую мысль к тому, что предметы и их свойства могут выступать объектами изучения и оценки. На данном этапе развития понятие «качество» стало формироваться как философская категория.

В виду всё большего усложнения общественных отношений авторы предлагают рассматривать категорию «качество» с позиции третьего — системного подхода. Так, по их мнению, «качество каждого объекта формируется в результате взаимодействия его многообразных свойств и таким образом тоже выступает системной категорией» [9, с. 34].

Четвертый подход обусловлен тенденцией к определению качественных характеристик через количественные показатели. Подобные тенденции приводят научную мысль к интегральному пониманию категории «качество», которое предполагает ком-

плексный подход, ориентированный на целостный охват всех сторон и факторов качества.

Помимо точек зрения, обозначенных Ю. В. Кряневым и М. А. Кузнецовым, для всестороннего понимания категории «качество», как видится автору настоящей статьи, необходимо использование философской трактовки этого понятия; это даст нам несомненные преимущества, которые позволят познать его глубинную сущность.

В этой связи следует начать с характеристики взглядов древнегреческого философа Аристотеля, которого по праву считают основоположником исследований категории «качество». Видение качества Аристотелем представляется в трех проекциях: как видовое отличие сущности; как характеристика состояний сущности; как свойство вещи. В первом значении Аристотель понимает под качеством то, благодаря чему предмет называется таким-то. Во втором значении Аристотель качеством называет «состояние сущностей, находящихся в движении, например, теплота и холодность, белизна и чернота, тяжесть и легкость и равно другие определения» [2, с. 47]. Поскольку состояния и свойства предметов могут изменяться, такое толкование качества дает возможность говорить о его динамических характеристиках, его изменчивости, способности к преобразованию.

Заложив первоосновы предметного понимания категории «качество», Аристотель определил базис для дальнейших философских изысканий для представителей школ механистического мировоззрения, немецкой классической философии и марксистско-материалистического направления.

Рассматривать категорию «качество» с точки зрения философского подхода предлагает профессор В. В. Игнатенко, который полагает, что это понятие раскрывается как совокупность всеобщих признаков, составляющих качество любого явления, процесса природы, общества или мышления, и закладывает методологические основы для изучения качества конкретного явления.

Авторы краткого философского словаря отмечают, что «качество есть существенная определенность предмета, определенность органических его свойств, признаков, черт, в силу которых он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов». Несмотря на то, что все объекты мироздания находятся в постоянном движении и развитии, всегда что-то отмирает и возникает, представляется некорректным считать, что предметы и явления постоянно находятся в неустойчивом состоянии и не имеют определенного содержания и определенной формы существования. По нашему мнению, скорее наоборот, «их качественная определенность и есть то, что делает их устойчивыми, что разграничивает и создает их конкретное множество» [8, с. 190].

В рамках настоящей статьи не ставится целью отразить все многообразие философских взглядов на категорию «качество»; нам необходим лишь «философская основа», без которой, и это очевидно, было бы методологически неправильно продолжать системное исследование понятия «качество» применительно к такому правовому явлению, как ведомственное нормотворчество.

В этой связи предлагается выделить два основных положения, касающихся фундаментальных основ понимания категории «качество»:

1) качество — это конкретность и определенность какого-либо объекта или явления, обусловленная объективными условиями;

2) качество — это совокупность свойств конкретного явления или объекта, которая отличает его от других объектов или явлений либо делает схожим с ними.

Как правило, в современной научной и учебной литературе мы сталкиваемся с различными точками зрения, которые прямо или косвенно перекликаются с приведенными выше положениями. Так, большинство исследователей отождествляет качество с совокупностью свойств вещи. Например, Е. З. Волчек понимает под качеством «определенность объекта, которая представляется как целостная и относительно устойчивая совокупность его специфических признаков, характеристик, черт сходства с другими объектами» [3, с. 119].

Множественность трактовок категории «качество» приводит нас к необходимости её системного понимания, и для этого нужно учесть ряд важных моментов. Так, когда говорим о качестве, то должны подразумевать не только совокупность специфических признаков и свойств объекта, его конкретность и объективную обусловленность, но и их динамические характеристики. Это связано с тем, что оценка совокупности свойств какого-либо объекта может меняться всякий раз, как она стала совокупностью иных свойств. Сложно не согласиться с тем, что с развитием, например, института прав человека меняются общественные потребности, соответственно меняются и взгляды на оценку качества нормотворчества.

Попытка перевести определение категории «качество» на такое правовое явление, как ведомственное нормотворчество, приводит нас к некой неопределенности. Если под качеством понимаем объективно обусловленную совокупность свойств объекта, то, говоря о нормотворчестве, подразумеваем явление, обусловленное потребностями, возникающими в обществе на том или ином этапе его развития. Соответственно, качественное нормотворчество должно обладать таким набором свойств, которые могли бы удовлетворять эти потребности.

В этой связи не совсем корректно говорить, что ведомственное нормотворчество как специфический вид деятельности само по себе способно удовлетворять те или иные потребности; оно ставит своей целью официальное закрепление правовых норм в нормативных правовых актах, качество которых уже можно оценить по способности удовлетворять потребности как отдельного человека, так и общества в целом. Отсюда возникает целая цепь причинно-следственных связей «качество ведомственного нормотворчества — качество нормативного правового акта — качество правовой нормы». Поэтому рассматривать качество ведомственного нормотворчества, на наш взгляд, необходимо в совокупности с качеством его результата.

Например, ведя речь об эффективности законотворческой деятельности, невозможно не учесть моменты, связанные с качеством закона как результата этой деятельности. В правовой теории существует довольно много работ, которые посвящены проблеме качества закона. Обобщив мнения ученых по данному вопросу, можно выделить три позиции. Большинство теоретиков права обуславливают качество закона, равно как и качество ведомственного нормотворчества, теми или иными общественными потребностями, поэтому первая позиция предполагает, что качество закона проявляется, преж-

де всего, в формулировке общественных потребностей, при этом внимание акцентируется на юридической форме закона. Например, В. И. Гойман под качеством закона понимает «совокупность свойств, обуславливающих пригодность закона удовлетворять как определенные потребности общества, так и отдельной личности соответственно его назначению и природе права» [5, с. 27].

Ученые, придерживающиеся второй позиции, под качеством закона понимают его способность соответствовать условиям социальной реальности (экономическим, политическим и др.). Здесь авторами делается акцент на содержании закона. Так, по мнению С. В. Полениной, закон считается качественным, «если он отвечает общественным потребностям и реально регулирует общественные отношения в соответствии с поставленными при его издании целями и задачами» [12, с. 12].

Третья позиция предполагает понимание качества закона через совокупность его свойств, которые касаются как формы, так и содержания. Например, В. В. Игнатенко полагает, что «целостная устойчивая совокупность свойств правовой легальности, инструментально-правовых и технико-юридических свойств, характеризующих правовое качество закона, является одной из предпосылок его эффективного действия» [6, с. 20].

Множество точек зрения детерминировано сложностью и многогранностью такого правового явления, как качество закона. Наиболее содержательной, на наш взгляд, является позиция Т. В. Кашаниной, которая дает следующее определение: «Качество закона — это внутренне присущая его форме и содержанию совокупность социальных и юридических свойств, обуславливающих пригодность закона удовлетворять определенные потребности общества» [7, с. 144].

Как правило, в юридической литературе качественным называется такой закон, который применяется [4, с. 58]. Нам это утверждение видится весьма оправданным, поскольку качественный — значит, пригодный к чему-либо, и если закон принят, то он должен работать. Закон, непригодный для реализации, качественным называться не должен. По справедливому замечанию А. В. Скоробогатова и А. В. Краснова «происходит разрыв между правовыми (определяемыми законами) и фактическими (существующими в реальной действительности) общественными отношениями» [14, с. 163].

Говоря о соотношении закона и ведомственного акта, следует исходить из принципа строгих иерархических отношений «по вертикали». В настоящее время в условиях модернизации механизма российского государства изменены подходы и к ведомственному нормотворчеству, и к его результатам — ведомственным нормативным правовым актам. Благодаря ведомственному нормотворчеству закон освободился от деталей, стал менее загружен тонкостями технического порядка. Вопросы детализирования были перенесены в акты органов исполнительной власти [10, с. 114].

По своей юридической природе ведомственное нормотворчество направлено на содействие в создании условий и технологий реализации нормативных правовых актов, обладающих более высокой юридической силой, в частности законов. На сегодняшний день ведомственное нормотворчество является эффективным средством формирования правовой базы, регламентирующей в той или иной степени большинство отношений в социуме; именно оно способствует наделению российского законодательства регулятивной энергией, ведь законы сами по себе действуют крайне редко [1, с. 27].

Отсутствие того или иного ведомственного нормативного акта, как правило, задерживает реализацию положений норм федерального законодательства. При этом результаты ведомственного нормотворчества регламентируют как внутриведомственные отношения, так и обеспечивают целый ряд личных, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод граждан.

Путь к качественному нормотворчеству очень сложен, и не всегда результаты ведомственного нормотворчества являлись образцом законности. Так, во времена тоталитарного государственного режима в ведомственных актах часто содержались установления, направленные на ущемление человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина; о качестве нормотворчества не могло быть и речи.

В современном обществе борьба за право на справедливое распределение материальных благ, свободу передвижения и плюрализм мнений уступает место отстаиванию прав на уважение достоинства личности, на высокое качество жизни и свободу слова. Важной проблемой сегодняшнего дня стала переориентация содержания ведомственных нормативных правовых актов, которая должна заключаться в защите и обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

В современных научных изысканиях в зависимости от того или иного классификационного признака выделяют различные типы качества. В рамках выбранного нами системного подхода предлагаем рассматривать качество ведомственного нормотворчества как системный тип качества, в котором ведущее значение отводится его целостности и характеру взаимосвязи составляющих его свойств.

Как уже отмечалось выше, качество ведомственного нормотворчества определяется качеством его результата, и оно должно достигаться путем последовательного поэтапного научно обоснованного наполнения нормотворчества теми свойствами, которые в итоге придадут ему потенциальную возможность создавать правовые нормы, отвечающие современным критериям качества. Автор придерживается мнения о том, что немаловажная роль формирования «качественных азоров» ведомственного нормотворчества должна отводиться первоначальному этапу нормотворческого процесса.

В современных условиях демократизации правовых процессов, протекающих в обществе, на первоначальном этапе ведомственного нормотворчества всё более значимую роль играет правовая инициатива, исходящая от граждан и организаций, не наделенных указанным правом. Эволюция прав человека создает «благоприятную почву» для использования возможностей нормотворческой инициативы гражданами и институтами гражданского общества, что может стать основой будущего наиболее объективно обоснованного правового решения субъекта нормотворчества. На наш взгляд, без учета мнения граждан, без эффективно функционирующего гражданского общества государство ущербно, т. к. нарушается принцип полноты системы, и не могут быть учтены реально существующие потребности как социума, так и отдельно взятого индивида.

Объективное правовое решение субъекта нормотворчества должно приводить к тому, чтобы результат максимально отвечал соответствующим критериям качества. Вместе с тем, по мнению В. С. Афанасьева и И. Ю. Остаповича, нормативный правовой акт можно назвать качественным, если правовые нормы, содержащиеся в нем, соответ-

ствуют прогрессивно развивающимся общественным отношениям, социальным интересам и потребностям, не противоречат нормам международного права, конституции, другим вышестоящим актам, отвечают принципу законности и непротиворечивости [11, с. 294].

Как нам представляется, следует согласиться с мнением авторов, ведь наполнение в процессе нормотворчества нормативных правовых актов указанными качественными свойствами задача непростая, требующая от субъектов нормотворчества не только глубокого познания регулируемых общественных отношений и средств правового инструментария. При этом достижение качественного уровня в нормотворчестве невозможно без наличия компромисса между сталкивающимися социальными интересами членов общества и интересами государства.

Однако удовлетворенность человека условиями жизни, той социальной основой, в которой он живет, теми условиями, которые «предлагает» ему государство, не всегда совпадают с его мировоззренческими установками, особенно в современных условиях так называемого перехода. Качественное нормотворчество должно быть максимально направлено на разрешение подобных противоречий с целью улучшения условий жизни человека и создания основ для более плодотворной деятельности государства.

Таким образом, предпринятая в настоящей статье попытка осветить теоретические аспекты проблемы качества ведомственного нормотворчества приводит к следующему умозаключению: качество ведомственного нормотворчества выражается в совокупности социальных и юридических свойств ведомственных актов, обуславливающих их возможность и возможности иных нормативных правовых актов, обладающих более высокой юридической силой, удовлетворять истинные общественные потребности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России: моногр. / Ю. Г. Арзамасов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 480 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель (пер. А. В. Кубицкого). — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 600 с.
3. Волчек Е. З. Философия: учеб. пособ. / Е. З. Волчек. — Минск, 1995. — 544 с.
4. Воробьева С. А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2014. — 225 с.
5. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1992. — 42 с.
6. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: моногр. / В. В. Игнатенко. — Иркутск: ИГЭА, 1998. — 310 с.
7. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учеб. пособ. / Т. В. Кашанина. — М.: Эксмо, 2011. — 496 с.
8. Краткий философский словарь / гл. ред. М. Розенталь. — М., 1995. — 704 с.
9. Крянев Ю. В. Философия качества / Ю. В. Крянев, М. А. Кузнецов. — М., 2004. — 303 с.
10. Лещева М. С. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации / М. С. Лещева. // Молодой ученый. — 2019. — № 15 (253). — С. 114—116.

11. Остапович И. Ю. Сущность и особенности юридической формы воздействия на правотворчество / И. Ю. Остапович. // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 4 (29). — С. 292—294.
12. Поленина С. В. Качество закона и совершенствование правотворчества / С. В. Поленина. // Советское государство и право. — 1987. — № 7. — С. 12—19.
13. Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации: моногр. / М. Б. Румянцев. — Чебоксары: ИД «Среда», 2019. — 325 с.
14. Скоробогатов А. В. Правовая реальность России: константы и переменные. / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 2. — С. 161—170.
15. Словарь русского языка / гл. ред. С. И. Ожегов. — М., 1990. — 915 с.
16. Харрингтон Дж. Управление качеством в американских корпорациях / Дж. Харрингтон (пер. с англ. А. Конарева). — М.: Экономика, 1990. — 272 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Arzamasov Yu.G. Theory and practice of departmental rule-making in Russia: monograph / Yu.G. Arzamasov. - M.: Yurlitinform, 2013. - 480 p.
2. Aristotle. Metaphysics / Aristotle (translated by A.V. Kubitsky). - Rostov: Feniks, 1999. - 600 p.
3. Volchek E.Z. Philosophy: textbook. manual. / E.Z. Volchek. - Minsk, 1995. - 544 p.
4. Vorobyova S.A. Quality of the law and its role in ensuring human rights: thesis of the Candidate of Law. - Omsk, 2014. - 225 p.
5. Goyman V.I. Action of law (methodological analysis): author's thesis of Doctor of Law. - Moscow, 1992. - 42 p.
6. Ignatenko V.V. Legal quality of laws on administrative offenses: monograph / V.V. Ignatenko. - Irkutsk, 1998. - 310 p.
7. Kashanina T.V. Legal technique: textbook. manual / T.V. Kashanina. - Moscow: Eksmo, 2011. - 496 p.
8. Short philosophical dictionary / Ed. by M. Rosenthal. - M., 1995. - 704 p.
9. Kryanev Yu.V. Philosophy of quality / Yu.V. Kryanev, M.A. Kuznetsov. - M., 2004. - 303 p.
10. Leshcheva, M.S. Departmental rule-making: current state, problems of modernization / M.S. Leshcheva. // Young scientist. - 2019. - №. 15 (253). - Pp. 114-116.
11. Ostapovich I.Y. Essence and features of legal forms of influence on law making / I.U. Ostapovich. // World of science, culture, education. - 2011. - №. 4 (29). - Pp. 292-294.
12. Polenina S.V. Quality of law and improvement of law-making / S.V. Polenina. // Soviet state and law. - 1987. - №. 7. - Pp. 12-19.
13. Rumyantsev M.B. Law-making in the Russian Federation: monograph / M.B. Rumyantsev. - Cheboksary: Wednesday publishing house, 2019. - 325 p.
14. Skorobogatov A.V. Legal reality of Russia: constants and variables / A.V. Skorobogatov, A.V. Krasnov // Actual problems of Economics and law. - 2015. - №. 2. - Pp. 161-170.
15. Dictionary of the Russian language / Ed. by S.I. Ozhegov. - M., 1990. - 915 p.
16. Harrington J. Quality management in American corporations / J. Harrington (translated from English by A. Konarev). - Moscow: Ekonomika, 1990. - 272 p.

УДК 342.4

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-24-30

Шаламова Алиса Наильевна

начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Shalamova Alisa Nailiyevna

Head of the Department of State and Legal Dis-
ciplines of the East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: в статье последовательно рассмотрены основные положения, характеризующие социальное государство как правовую и социальную реальность. В работе осуществлен анализ воззрений отечественных и зарубежных ученых на проблематику и теоретический концепт социального государства. Сравнительный анализ генезиса правового феномена «социального государства» позволил автору выявить ряд закономерностей, демонстрирующих конституционно-правовой аспект государства социальной направленности. Положения статьи, затрагивающие проблематику социального государства, позволят существенно улучшить сферу социального обеспечения в случае реализации их на практике.

Материалы и методы: нормативную основу работы составляют Конституция Российской Федерации, а также основные законы других государств, регулирующих сферу социального обеспечения. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез и другой инструментарий, позволяющий эффективно исследовать правовую реальность в сфере социальной ориентированности государства.

Результаты исследования позволили исследовать конституционные правоотношения в социальной сфере и в аспектах принципов перераспределения на государственном уровне. Осуществлена попытка познать характерные черты социального государства как правовой категории.

Выводы и заключения: выявлены основные принципы построения социального государства как правовой и социальной реальности.

Ключевые слова: социальное государство, Конституция, перераспределение, пособия, справедливость, социальное партнерство, равноправие, социальная ответственность.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE SOCIAL STATE IN TERMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

Introduction: the article consistently considers the main provisions that characterize the social state as a legal and social reality. The paper analyzes the views of scientists on the problems and theoretical concept of the social state. Comparative analysis of the genesis of the legal phenomenon of the “social state” allowed the author to identify a number of patterns that demonstrate the constitutional and legal aspect of the state of social orientation. The provisions of the article, that address the problems of the social state, will significantly improve the sphere of social security if they are implemented in practice.

Materials and Methods: the normative basis of the work is the Constitution of the Russian Federation, as well as the basic laws of other states regulating the sphere of social security. The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of logical deduction, comparative legal method, analysis, synthesis and other tools that allow us to investigate the legal reality effectively in the sphere of social orientation of the state.

Results of the Study: allowed us to study the constitutional legal relations in the social sphere and in the aspects of the principles of redistribution at the state level. An attempt is made to identify the characteristic features of the social state as a legal category.

Findings and Conclusions: the basic principles of building a social state as a legal and social reality are revealed.

Key words: social state, Constitution, redistribution, benefits, justice, social partnership, equality, social responsibility.

Любое государство в той или иной мере имеет социальную направленность. Государство, постепенно проявляющееся на фундаменте протогосударственных образований, берет на себя функции арбитра, разрешая споры различных социальных групп, противодействует анархии, стремясь сохранить стабильность и целостность всего сообщества. У любого государства, даже самого недемократичного, можно наблюдать функциональные элементы общесоциальной пользы и принципов патернализма. Например, в азиатских деспотиях осуществлялось широкое строительство оросительных сооружений, а в мусульманских странах существовал закят — пятипроцентный налог с имущества обеспеченных людей в пользу беднейших слоев населения. В странах Запада исторически также наблюдались зачатки социальной политики. Так, в Великобритании существует восходящая к XIII в. традиция, согласно которой в обязанность правящего монарха входит раздача милостыни на церковной паперти один раз в год в Чистый четверг. Тем не менее стоит отметить, что такая социальная политика ставилась в обязанность скорее общества, а не государства.

По прошествии длительного времени идея социального государства всё же постепенно сформировалась в логическую и стройную концепцию, которую связывают, прежде всего, с воззрениями немецких гегельянцев левого толка. Некоторые из этой плеяды мыслителей пришли к концептуальной модели, предполагающей диктатуру пролетариата и социализм (К. Маркс, Ф. Энгельс и др.), иные же опираясь

на религиозные постулаты, обосновали необходимость построения государства, которое будет иметь целью использовать властные ресурсы для борьбы с социально-экономическим неравенством. К числу последних, в частности, принадлежит выдающийся немецкий ученый Лоренц фон Штейн [9, с. 60].

Среди российских ученых одним из первых сформулировал идею социального государства П. И. Новгородцев, который подчеркнул, что социальные права человека обладают особой важностью и значением для устойчивого существования и развития государства [6].

Стоит отметить, что, невзирая на длительную дискуссию в среде ученых, понятие социального государства в нормативной интерпретации появилось лишь в 1949 г. в Конституции ФРГ (ст. 20 и 28). Безусловно, та или иная функциональная составляющая социального государства отражалась и в Конституции Веймарской республики 1919 г. (ст. 158), и в Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г. (ст. 3, 25), и в Конституции Ирландии 1937 г. (ст. 45) [10, с. 25] и иных основных законах различных государств.

В настоящее время социальные функции государства нормативно закреплены в большинстве конституций мира. Стоит отметить, что в исламских странах конституционно-правовое регулирование в сфере государственного патернализма обладает своими особенностями. В странах мусульманской правовой семьи социальная функция государства выражается, прежде всего, в определении правительственной политики, а не прямых обязанностях государства. Разница здесь в том, что, например, в Европе социальные права человека напрямую защищаются судами, а в странах ислама, таких как ОАЭ, Саудовская Аравия и др., социальная сфера находится больше в плоскости этических норм, и суды защищают не права индивида, а производные от этих прав. Возможно, это связано с тем, что священное право собственности в мусульманских странах признаётся не за человеком, а за общиной (уммой), и подлинной конституцией там является Коран, а производный закон (Основной низам) выступает в форме октроированного монархом акта [3].

Применительно к Российской Федерации термин «социальное государство» раскрывается посредством принципиального определения в Конституции целей социальной политики государства, и прежде всего, создания условий для достойной жизни человека и обеспечения его свободного развития (ст. 7).

Стоит отметить, что отечественные и зарубежные ученые в вопросах анализа сущности социального государства не пришли к единому мнению. Дискуссионным также остается вопрос отождествления понятий «социальное государство» и «государство всеобщего благоденствия». Так, В. А. Торлопов полагает, что указанные понятия тождественны [8, с. 8]. В свою очередь, И. А. Честнов усматривает в проблематике социального государства ярко выраженный дрейф социальной составляющей государства в плоскость легитимной государственности [9, с. 62—63]. Также имеется мнение о том, что «государство всеобщего благоденствия» завершило свое развитие, и наступает эпоха государства «селективного», настроенного на внедрении элементов народовластия в сферу экономики [7, с. 70, 85, 90].

Стоит отметить, что концепция социальной функции государства посредством позиционирования государства как поставщика услуг и социальных благ для населения

приобретает всё большую популярность в зарубежной научной среде [4, с. 161]. Тем не менее отечественные ученые склонны концепцию социального государства отождествлять с идеей демократического правового государства [2, с. 20], совершая, по нашему мнению, методологическую ошибку. Полагаем, что сущность социального государства как правовой конструкции находится, прежде всего, в сфере масштабов государственного регулирования социально-экономической сферы и механизмов финансового перераспределения через сферу налогообложения. Как правило, любое государство, даже самое демократическое, выражает политическую волю экономически доминирующих в нем социальных групп. В связи с этим указанные группы обладают сильным влиянием в правовой и политической сферах государства. В этом аспекте основной задачей государства в направлении борьбы с социально-экономическим неравенством должна выступать продуманная политика государственного регулирования экономики и механизма перераспределения. В этом контексте не идет речь о силовом регулировании экономических процессов, например, в кластере ценообразования и вливаний огромных средств в социальный сектор, собранных посредством налогообложения. Государственное вмешательство в экономику в целях сглаживания фактического социально-экономического неравенства должно основываться на стимулировании граждан к активной трудовой и экономической деятельности, поощрению предпринимательства, введению прогрессивной шкалы налогообложения, внедрению широкого спектра пособий и т. д. В целом социальное государство видится не только правовым и демократическим, но и социально ориентированным, создающим условия для достижения всеми гражданами минимально-допустимого объема потребления, достаточного для удовлетворения всех необходимых потребностей, обеспечивающих достойную жизнь индивида. При этом речь не идет о примитивном государственном патернализме, а, прежде всего, о партнерстве государства и личности.

Осуществляя анализ правовой конструкции «социального государства», можно выделить ряд его характерных признаков.

Первым положением, которое характеризует государство как социальное, выступает пересмотр тезиса о незыблемости права частной собственности. Закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 г. и ФРГ 1949 г. принципа социальной ориентированности права частной собственности заложило основу для воплощения в жизнь принципов социального государства. С указанными конституционными принципами теперь стали возможны и борьба с монополиями, и национализация частной собственности, и тарифное регулирование. В настоящее время принцип социальной ориентации частной собственности успешно применяется в США, в странах Западной Европы, и частично в Российской Федерации.

Второе положение, характеризующее государство как социальное, демонстрирует практическую реализацию принципа социального партнерства. Создание на государственном уровне условий для диалога между работниками и работодателями выступает неременным условием социального консенсуса и устойчивого развития экономической, социальной и правовой сфер. В аспекте конституционно-правового регулирования социальное партнерство понимается еще шире. Так, в социальный диалог и сотрудничество включаются не только работодатели и наемные работники, но и политические партии и движения, профсоюзы, религиозные конфессии,

организации, представляющие интересы различных национальных групп. Социальное партнерство выражается, прежде всего, в заключенных и, главное, реализованных на практике соглашениях. В частности, на основе принципов социальной солидарности была принята Конституция Королевства Испания 1978 г. Проблема национального характера в Македонии также была успешно нивелирована в начале 2000-х с помощью реализации политики консенсуса. Посредством предоставления права религиозным конфессиям заседать в парламенте и замещать важнейшие государственные должности была решена проблема политической нестабильности в Ливане в конце 80-х. Принцип социального партнерства реализуется на практике, прежде всего, через политику мирного разрешения конфликтов, не исключая при этом элемента состязательности различных партий, движений и социально-экономических групп. В частности, норма о состязательности закреплена в ст. 5 Конституции Чехии 1992 г.

Третье положение, демонстрирующее в государстве элемент социальной направленности, выражается в принципе социально-экономического равноправия и минимально-допустимых размеров экономического потребления. Ведя речь о равенстве, необходимо четко понимать, что фактическое равенство в обществе невозможно, но достижение равенства возможностей, так называемого формального равенства, — это вполне реальная и достижимая цель, которую и обязано преследовать социальное государство. Весь спектр льгот и пособий социально уязвимым и нуждающимся категориям граждан государство должно направлять лишь с одной целью — поддержания минимального, но достаточного уровня жизни людей. Мало того, цель, выраженная в принципе равноправия, должна обзреваться и в аспектах поддержания динамики развития экономической активности населения [5]. В любом случае потакание желаниям индивидов получать доходы, ничего не производя, не приводит к процветанию общества, а напротив, стимулирует в личности пассивность и безответственность перед собой, обществом и государством.

Четвертое положение — конституционно-правовое закрепление и фактическая реализация принципа социальной справедливости. Указанный принцип подразумевает определенные минимальные гарантии в сфере оплаты труда, позволяющие человеку реализовать свое право на достойную жизнь. Социальная справедливость, как принцип, в плане реализации также зависит и от определения так называемой черты бедности и введения понятия «потребительская корзина». В случае же объективной невозможности у гражданина получить минимальные блага, социальное государство обязано оказать ему материальную помощь. Необходимо подчеркнуть, что реализация принципов социальной справедливости теснейшим образом связана с государственным регулированием трудовых, пенсионных, образовательных, медицинских и жилищных правоотношений. В целом же реализовать принцип социальной справедливости возможно лишь в том государстве, где существует социально ориентированная экономика [10, с. 34].

Пятое положение, характеризующее государство как социальное, укладывается в тезис о взаимной ответственности личности, общества и государства. Без активных взаимных связей, основанных на принципе социальной ответственности, невозможна эффективная экономическая деятельность, а политический диалог между властью и гражданским обществом уходит в плоскость конфронтации и попытки решения той

или иной проблемы с помощью силовых, не правовых методов. В рамки указанного положения о взаимной социальной ответственности входит и проблематика борьбы с коррупцией, которая в России приобрела угрожающие масштабы.

В заключение полагаем необходимым сделать ряд выводов.

Ведя речь о социальном государстве, мы подразумеваем всестороннюю заботу государства о личности, ведь именно человек в положениях Конституции Российской Федерации признан высшей ценностью. Достойная жизнь и свободное развитие личности в социальном государстве выступают нормой, а не исключением. Социальное иждивенчество и примитивный государственный патернализм не являются признаком социального государства, т.к. целью всего государственного механизма видится развитие трудовой, экономической и творческой активности гражданина. Именно в этих аспектах содержатся основные признаки социально ориентированного государства, которым и должна стать Россия в обозримом будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // *Pro et Contra*. — 2001. — Том 6. — № 3. — С. 128—157.
2. Волгин И. А. Социальное государство: учеб. / И. А. Волгин, Н. Н. Гриценко, Ф. И. Шарков. — М., 2003. — 416 с.
3. Евстратов А. Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2005. — 234 с.
4. Каслс Ф. Дж. Собака, которая не залаяла: экономическое развитие и послевоенное государство благосостояния / Ф. Дж. Каслс // *Pro et Contra*. — 2001. — Т. 6. — № 3. — С. 158—186.
5. Мационашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // *Pro et Contra*. — 2001. — Т. 6. — № 3. — С. 105—106.
6. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания / [соч.] П. Новгородцева. — М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. — XII. — 393 с.
7. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния: пер. с фр. — М., 1997. — 188 с.
8. Торлопов В. А. Социальное государство в России: анализ социально-политических аспектов: дис. ... д-ра социол. наук. — СПб., 1999. — 362 с.
9. Честнов И. Л. Легитимность как критерий социального государства в эпоху постмодернизма // *Социальное правовое государство. Вопросы теории и практики: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. 21 июня 2003 г.* — СПб., 2003. — С. 59—65.
10. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // *Журнал российского права*. — № 12. — 2008. — С. 24—37.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Veit-Wilson J. The welfare state: the problem is in the concept itself // *Pro et Contra*. - 2001, Volume 6, No. 3, pp. 128-157.
2. Volgin I. A., Gritsenko N. N., Sharkov F. I. Social state: textbook. M., 2003. 416 p.
3. Evstratov A. E. Genesis of the idea of the social state: Historical and theoretical problems: thesis for a Candidate Degree in Law Sciences: 12.00.01: Omsk, 2005. 234 p.
4. Castles F. J. The Dog that didn't bark: economic Development and the post-war welfare state // *Pro et Contra*. - 2001, Volume 6, No. 3, pp. 158-186.

5. Matsonashvili T. Problems of perestroika of the social state in Western Europe. // Pro et Contra. - 2001, Volume 6, No. 3, pp. 105-127.
6. Novgorodtsev P. I. The crisis of modern legal consciousness / [Op.] P. Novgorodtseva. - M.: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev and Co., 1909 – - XII. 393 p.
7. Rozanvallon P. A new social question. Revisiting the welfare state: per. s fr. M., 1997. 188 p.
8. Torlopov V. A. Social state in Russia: analysis of socio-political aspects. Doctoral thesis for a Degree in Social Sciences: 22.00.01: St. Petersburg, 1999. 362 p.
9. Chestnov I. L. Legitimacy as a criterion of the social state in the era of postmodernism. Voprosy teorii i praktiki: Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 21 jun 2003. SPb., 2003. p. 59-65.
10. Chirkin V. E. Kotsutsiya i sotsialnoe gosudarstvo: yuridicheskie i dektivnye pokazateli [The Constitution and the social state: legal and factual indicators]. No. 12, 2008. pp. 24-37.

УДК 343.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-31-45

Горенская Елена Владимировна
старший научный сотрудник
Института законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: elle1508@rambler.ru

Gorenskaya Elena Vladimirovna
Senior researcher Institute of Legislation
and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation
Candidate of law, associate professor
E-mail: elle1508@rambler.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ И ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕФТИ

Введение: обеспечение экономической безопасности топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), в том числе сферы добычи и транспортировки нефти, от преступных посягательств является глобальной задачей государства и общества а также одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел. Для эффективного противодействия экономическим преступлениям в сфере добычи и транспортировки нефти необходимо иметь четкое представление об особенностях функционирования сферы добычи и транспортировки нефти, об экономических преступлениях в данной сфере и лицах (группах), их совершающих, об ущербе от таких преступлений.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования выступает комплекс общих и частных научных методов познания общественных процессов, в том числе обобщение теоретического материала, сравнительно-правовой метод, метод системного анализа.

Результаты исследования: на общероссийском уровне проанализирована практика выявления органами внутренних дел экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти, исследованы виды экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти (приведены примеры), обстоятельства их совершения, лица и группы, их совершившие.

Выводы и заключения: разработана современная характеристика экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти; выделены проблемные вопросы, возникающие в деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности в сфере добычи и транспортировки нефти, предложены пути их решения, в том числе меры по повышению эффективности правового и организационного регулирования сферы добычи и транспортировки нефти и деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности в сфере добычи и транспортировки нефти и в целом в **топливно-энергетическом комплексе**.

Ключевые слова: нефть, нефтяная отрасль, добыча нефти, транспортировка нефти, магистральный трубопровод, нефтепровод, экономические преступления, кража, самовольное подключение, врезка.

CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF OIL PRODUCTION AND TRANSPORTATION

Introduction: ensuring the economic security of the fuel and energy complex (FEC), including the sphere of oil production and transportation, from criminal encroachments is a global task of the state and society, as well as one of the priorities of the internal affairs bodies. To effectively counteract economic crimes in the field of oil production and transportation, it is necessary to have a clear understanding of the specifics of the functioning of the oil production and transportation sector, about economic crimes in this area and the persons (groups) who commit them, and about the damage caused by such crimes.

Materials and methods: the methodological basis of the research is a set of general and particular scientific methods of cognition of social processes, including the generalization of theoretical material, the comparative legal method, the method of system analysis.

Results of the study: at the all-Russian level, the practice of detecting economic crimes in the field of oil production and transportation by the internal affairs bodies was analyzed, the types of economic crimes in the field of oil production and transportation were studied (examples are given), the circumstances of their commission, the persons and groups who committed them.

Findings and conclusions: a modern description of economic crimes in the field of oil production and transportation has been developed; the problematic issues that arise in the activities of internal affairs bodies to ensure economic security in the field of oil production and transportation are identified, and ways to solve them are proposed, including measures to improve the effectiveness of legal and organizational regulation of the field of oil production and transportation and the activities of internal affairs bodies to ensure economic security in the field of oil production and transportation and in the fuel and energy complex as a whole.

Keywords: oil, oil industry, oil production, oil transportation, trunk pipeline, oil pipeline, economic crimes, theft, unauthorized connection, inset.

В обеспечении развития экономики Российской Федерации ведущую роль играет минерально-сырьевая база. За счет ее разработки и использования формируется более трети валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Одно из важнейших полезных ископаемых – нефть. Нефть сырая необработанная (сырая нефть) представляет собой жидкое минеральное сырье, состоящее из смеси углеводородов широкого физико-химического состава, которое содержит растворенный газ, воду, минеральные соли, механические примеси и другие химические соединения (п. 3.11 ГОСТ Р 8.615-2005). Согласно Перечню стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 13.09.2012 № 923, она является стратегически важным ресурсом (раздел II, п. 10, 2709 00-271).

Из российских недр извлекается 10 % мировой добычи нефти. По разведанным запасам нефти Россия занимает второе место в мире. По данным Минприроды России, 69 % запасов нефти сосредоточено на Урале и в Западной Сибири. Наиболее крупные месторождения нефти сосредоточены в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре (например, Салымская группа нефтяных месторождений: Ваделъпское, Верхне-Салымское и Западно-Салымское, а также Тянское, Приобское, Краснотенинское и другие). Добыча нефти представляет собой комплекс технологических и производственных процессов по извлечению нефти из недр на земную поверхность, ее сбору и подготовке к транспортировке к месту переработки либо хранения. По итогам 2020 г. объем национальной добычи нефтяного сырья составил 512,1 млн т (- 8,7% к аппг). Из них объем экспортируемой нефти составил 238,6 млн т (-11,3 %).

Под транспортировкой нефти понимается доставка сырой нефти от места производства (добычи) до пункта потребления. Транспортировку нефти и полученных из нее нефтепродуктов осуществляют различными видами транспорта: трубопроводным, морским (танкерным), железнодорожным или автомобильным транспортом.

В России транспортировку нефти посредством трубопроводного транспорта осуществляет ПАО «Транснефть». Такой вид транспортировки – самый дешевый и безопасный, не зависит от времени года или времени суток. Для транспортировки сырой нефти используются магистральные нефтепроводы, для транспортировки нефтепродуктов (дизельного топлива, бензинов, керосина) – нефтепродуктопроводы.

Эффективный и относительно недорогой способ транспортировки нефти – специальные водные суда (танкеры). Танкерными перевозками нефти занимаются крупные компании: Teekay Shipping; Overseas Shipholding Group; A/S Steamship Company Torm; General Maritime; OMI; Kirby. В России большинство танкеров ходят под флагом других стран, чаще всего, либерийским. Исключение – нефтяной танкер «Михаил Лазарев», обслуживающий «Газпром нефть».

Наиболее дорогим способом транспортировки нефти является ее перевозка автомобильным транспортом. Его единственное преимущество – маневренность, но и она ограничена наличием транспортных путей. Автомобильный транспорт, как правило, используют для доставки нефтепродуктов на автозаправочные станции (АЗС). Иногда в качестве временного средства транспортировки им пользуются на нефтепромыслах в начальной стадии разработки месторождений.

Перевозка нефти и нефтепродуктов железнодорожным транспортом – менее затратный способ транспортировки, но и менее гибкий. Железнодорожный транспорт используется для перевозки нефти, а также нефтепродуктов, которые сложно транспортировать по трубам (битум, смазки, машинное масло).

В целом нефтяная отрасль представляет собой совокупность предприятий и организаций по добыче, транспортировке и переработке нефти, реализации нефти и нефтепродуктов, в том числе на экспорт. По данным Минэнерго России, на начало 2020 г. добычу нефти и газового конденсата (нефтяного сырья) на территории Российской Федерации осуществляли 292 организации, имеющие лицензии на право пользования недрами.

Обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации, основой которой является топливно-энергетический комплекс (ТЭК), от любых преступных посягательств, будь то акты незаконного вмешательства либо экономические преступ-

ления, является глобальной задачей государства и общества [1], а также одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел.

В системе органов внутренних дел задача обеспечения экономической безопасности в топливно-энергетическом комплексе, в том числе в сфере добычи и транспортировки нефти, возложена на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России и подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел МВД России (далее – ЭБиПК ТО МВД России).

О важности рассматриваемой сферы для экономики России свидетельствует и то, что к приоритетным направлениям деятельности подразделений ЭБиПК ТО МВД России по рассматриваемому направлению в 2019-2020 гг. были отнесены: выявление, пресечение, предупреждение и раскрытие хищений углеводородов из трубопроводной системы, и их незаконной переработки; противодействие хищениям активов предприятий ТЭК, фактам незаконного перемещения стратегических топливно-энергетических ресурсов через российскую Государственную границу, противоправной деятельности преступных сообществ (организаций), в том числе созданных по этническому признаку, занимающихся незаконной разработкой недр; фактам уклонения от уплаты налогов на добычу полезных ископаемых путем искусственного занижения объемов добычи полезных ископаемых; и т.п.

Еще в 2019 г. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В.А. Колокольцев в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля отметил высокий уровень криминализации топливно-энергетического комплекса и назвал количество врезок в трубопроводы значительным. Именно борьба с незаконными «врезками» является основной задачей органов внутренних дел в сфере добычи и транспортировки нефти.

Следует отметить, что в официальной ведомственной статистике не ведется учет преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти, только в целом по ТЭК.

Так, по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2020 г. в топливно-энергетическом комплексе было зарегистрировано 1597 преступлений экономической направленности, следствие по которым обязательно (в том числе 471 – коррупционной направленности). Из них 891 – против собственности, 252 – в сфере экономической деятельности, 123 – против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, 123 – против интересов службы в коммерческих и иных организациях¹. Уголовные дела по 1067 преступлениям окончены расследованием, по 798 из них – направлены в суд. Выявлено 1 056 лиц, совершивших преступления. Размер установленного материального ущерба по окончанным уголовным делам составил 15563667 тыс. рублей. Наложено арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег, ценностей на сумму 8802230 тыс. рублей. Предметами преступных посягательств в ТЭК чаще всего выступали: нефть, нефтепродукты, газ, уголь, электроэнергия, денежные средства, ценные бумаги и иное имущество энергетических компаний.

---

¹ Ф.5 (050). Сводный отчет по России. Сведения о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности за 2020 год. Том 2. Л. 72-79. – М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2021.

При этом анализ практики выявления экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти, проведенный на общероссийском уровне, показал, что такая практика имеется в 36-ти (42,4 %) ТО МВД России по субъектам Российской Федерации: 8-ми республиках из 22 (36,4 %); 5-ти краях из 9 (56 %); 21-ой области из 46-ти (45,7 %); 2-х автономных округах из 4-х (50 %).

В массиве рассматриваемых преступлений наибольшее количество составляют преступления против собственности и в сфере экономической деятельности. Среди преступлений против собственности лидируют кражи (ст. 158 УК РФ), совершенные:

1. При добыче нефти:

путем хищения нефти со сборного пункта нефти:

Например, в ноябре 2019 г. в результате проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) сотрудники отдела УУР ГУ МВД по Волгоградской области задержали подозреваемых в хищении сырой нефти со сборного пункта, расположенного в Даниловском районе. Установлено, что в группу входили четверо мужчин: ранее судимый житель Фроловского района, оператор по добыче нефти и газа нефтяной компании, директор коммерческой организации по перевозке нефтепродуктов, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности за совершение аналогичного преступления в составе организованной группы (ОГ), и водитель этой коммерческой организации. В ночное время преступники проникли на территорию, принадлежащую нефтяной компании, похитили около 20 т сырой нефти со сборного пункта и пытались вывезти ее в г. Волгоград с целью дальнейшей продажи третьим лицам. Ущерб составил почти 500 тыс. рублей. Водитель нефтевоза был задержан на трассе в Городищенском районе в момент перевозки похищенной нефти. По данному факту ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ.

путем хищения нефти из технологического трубопровода пункта налива нефти на территории месторождения:

В августе 2019 г. в ходе отработки оперативных мероприятий сотрудниками УУР УМВД России по ХМАО – Югре, ОМВД России по Советскому району при силовой поддержке ОМОН Росгвардии задержана группа лиц, которые, действуя по предварительному сговору, путем несанкционированного подключения к технологическому нефтепроводу, расположенному в пункте налива нефти на территории одного из месторождений Советского района, похитили подготовленную нефть объемом не менее 15 кубометров. Предварительный материальный ущерб нефтяной компании, осуществляющей добычу нефти на данном месторождении, составил свыше 250 тыс. рублей. СО ОМВД России по Советскому району доказана причастность к совершению данного преступления двух жителей Курганской области, двух жителей ХМАО и одного жителя г. Екатеринбурга. Всем пятерым фигурантам предъявлено обвинение по п.п. «б, в» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе следствия установлена причастность к кражам нефти семи участников организованной группы. Под предлогом осуществления предпринимательской деятельности в сфере ремонта техники и оказания транспортных услуг они систематически похищали нефтяное сырье из пункта налива нефти. Общий объем похищенной нефти превысил 740 т. Ущерб, нанесенный нефтяной компании, составил 18 млн рублей. Организаторам ОГ предъявлено обвинение по п.п. «а,

б» ч. 4 ст. 158, ч. 3 ст. 30 – п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, остальным фигурантам - по п.п. «а, б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. В июле 2020 г. уголовное дело направлено в суд.

2. При транспортировке нефти:

путем незаконного подключения к магистральным трубопроводам – нефтепроводам (т.н. незаконных «врезок»):

В марте 2020 г. СО ОМВД России по Буденновскому району Ставропольского края окончено расследование уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. п. «а, б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. В 2018 г. в дежурную часть районного отдела полиции с заявлением о краже нефтяного сырья обратился представитель ресурсодобывающей организации. При проведении ОРМ сотрудницы УЭБиПК ГУ МВД по Ставропольскому краю пресекли противоправную деятельность ОГ, участники которой (все – жители соседних регионов) совершили восемь эпизодов краж сырой нефти в Буденновском районе. Действовали они по заранее подготовленному плану согласно распределенным между собой ролям. Организатор подыскивал и вовлекал пособников, привлекал к совершению противоправной деятельности ничего не подозревающих третьих лиц, а также приобретал инструменты, необходимые для бурения почвы и последующей установки изготовленных приспособлений несанкционированной врезки. Роль исполнителей заключалась в подборе места врезки в нефтепровод, осуществлении врезки в трубу и приготовлении к хищению нефти. Пособник ОГ, являясь директором топливной компании и имея возможность для сокрытия противоправных деяний, оказывал содействие в переработке и дальнейшем сбыте похищенного, а также предоставлял специализированный автотранспорт для перевозки сырой нефти. Он же предоставил организатору фиктивные документы о законности владения нефтью на случай их задержания сотрудниками правоохранительных органов или службой безопасности нефтедобывающей организации. Обвиняемые арендовали земельный участок в с. Покойном, через которое проходил нефтепровод, изготовили устройства и приспособления для хищения нефти и осуществили незаконную врезку. В ночное время, используя инструменты и специализированный автотранспорт, участники ОГ похитили более 400 т нефтяного сырья на сумму более 10 млн рублей. Сырье обвиняемые перевозили в топливную компанию пособника и хранили в специализированных резервуарах для дальнейшей продажи. Деятельность ОГ пресечена сотрудниками полиции в момент совершения преступления. В ходе обысков на арендуемой участками ОГ территории и по месту их жительства изъяты грузовые и легковые автомобили, документация, приспособления, а также одежда со следами нефти и иное имущество.

Мы согласны с учеными [3], что при кажущемся «однообразии» противоправных действий по краже нефти из магистральных трубопроводов, во многих конкретных случаях можно говорить об особенностях того или иного преступления (лица, способ и обстоятельства совершения, наличие совокупности преступлений и т.п.).

Например, на практике выявлено несколько фактов совершения таких преступлений *одним лицом (единолично)*. В январе 2019 г. ОМВД России по Омскому району завершено расследование уголовного дела, возбужденного по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ по факту незаконной врезки в нефтепровод. В ходе предварительного следствия установлено, что 52-летний мужчина неоднократно производил забор сырья из магистрального нефтепровода АО «Транснефть-Западная Сибирь», для чего с помощью

заранее подготовленных инструментов и деталей просверлил сквозное отверстие в теле трубы, осуществив тем самым несанкционированную врезку в магистральный нефтепровод в районе 82-го и 99-го километров. Место врезки подозреваемый тщательно замаскировал. Нефть вывозил на грузовых автомобилях в металлических цистернах. Похищенное сырье перекачивал в емкости с мазутом и продавал незнакомым лицам. От продажи нефти выручил более 244 тыс. рублей. В августе 2018 г. мужчина был задержан оперативными сотрудниками непосредственно после совершения преступления и заключен под стражу. Всего следствием доказано 7 фактов хищения, в результате которых обвиняемым было вывезено 111 т нефти. Общий ущерб, причиненный нефтяной компании, составил 2,3 млн рублей.

Довольно часто кражи нефти путем врезки в нефтепровод совершаются *группой лиц по предварительному сговору*. Здесь можно привести пример из практики УМВД России по Оренбургской области. В данном случае представляет интерес сложная схема хищений, разработанная участниками преступной группы. Так, в марте 2020 г. сотрудниками УМВД России по Оренбургской области при содействии УФСБ России по Оренбургской области, служб корпоративной безопасности компаний «Газпром» и «Роснефть» задержаны трое граждан по подозрению в совершении краж нефти. Несколько месяцев назад эти лица в районе 383-го километра автомобильной дороги М-5 «Урал» Оренбургской области осуществили незаконную врезку в нефтепровод. Установлено, что похищенная нефть сначала поступала в спрятанные под землей емкости, а затем вывозилась грузовым транспортом. Вторая врезка была выявлена в районе 26-го километра автодороги Оренбург-Самара. Из нее нефть поставлялась на обустроенный поблизости нелегальный перерабатывающий мини-завод. Там сырье проходило необходимую обработку, после чего отправлялось потребителям. Предварительно энергетические компании заявили об ущербе около 300 млн рублей. СЧ СУ УМВД России по Оренбургской области возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 158 УК РФ. Сотрудниками УМВД России по Оренбургской области и УФСБ России по Оренбургской области при силовой поддержке сотрудников Росгвардии проведены обыски, изъято оборудование, необходимое для откачки сырья, грузовые автомобили, документация, системные блоки и другие предметы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела. Расследование продолжается.

Также органами внутренних дел активизирована работа по борьбе с *организованными группами (ОГ)*, занимающимися хищением нефти, в том числе в сфере ее добычи и транспортировки. Подразделениями УР и ЭБиПК ТО МВД России нарабатана значительная практика противодействия указанным ОГ. Например, в августе 2018 г. СЧ ГСУ ГУ МВД России по Самарской области окончено расследование уголовного дела в отношении участников организованной группы, специализировавшейся на хищениях нефти. По делу установлено, что к противоправной деятельности причастны девять жителей Самарской области, которые совершали неоднократные хищения нефти из нефтепровода, расположенного в Нефтегорском районе. Общая масса похищенного составила более 143 т нефти. Причиненный ущерб составил более 1,7 млн рублей. В ходе проведенных ОРМ участники ОГ были задержаны на месте преступления. Организаторами преступной деятельности являлись три жителя Самарской области. Один из участников ОГ работал в организации охранником. За денеж-

ное вознаграждение обвиняемый сообщал информацию о месте нахождения патрулирующих мобильных групп охраны нефтепровода, что позволяло преступникам сохранять свою деятельность в тайне и избегать разоблачения.

Помимо вышеперечисленных, выявлены факты краж, совершенных в совокупности с другим преступлением:

с легализацией похищенного (ст. 174.1 УК РФ):

В марте 2020 г. СЧ по расследованию организованной преступной деятельности СУ УМВД России по Сахалинской области окончено предварительное расследование уголовного дела в отношении 11 обвиняемых в хищении нефти на территории Ногликского района. В числе фигурантов – бывшие сотрудники нефтедобывающей компании. Организация противоправной деятельности инкриминируется 60-летнему жителю г. Сахалина. Именно ему недобросовестные работники нефтедобывающего предприятия сообщали время, когда можно беспрепятственно подъехать к магистральному нефтепроводу, после чего другие участники группы приезжали на грузовом автотранспорте и наполняли цистерны нефтью. Похищенная нефть либо сразу доставлялись покупателям, либо хранились в специальных емкостях на заброшенных складах в различных районах области. Кроме того, сообщники зарегистрировали две фирмы по продаже горюче-смазочных материалов, в которых оформляли необходимую документацию для придания криминальной деятельности легального статуса предпринимательских сделок. В общей сложности организованной группой было похищено около 1 тыс. т сырой нефти. В результате ее перепродажи ими получен незаконный доход в размере свыше 20 млн рублей.

Противоправная деятельность пресечена сотрудниками УЭБиПК УМВД России по Сахалинской области. СЧ было возбуждено шесть уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 158 и ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, которые соединены в одно производство. Уголовное дело направлено в суд.

с самовольным подключением к нефтепроводам (ст. 215.3 УК РФ):

В июле 2020 г. сотрудниками УУР УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу и СУ СК РФ по ЯНАО при взаимодействии с РУ ФСБ России по Тюменской области пресечена деятельность группы лиц, в начале июня т.г. осуществивших незаконную врезку в магистральный трубопровод на территории Пуровского района и похитивших 480 т нефти. Предприятию нанесен ущерб в особо крупном размере в сумме более 10 млн рублей. По данному факту СУ СК РФ по ЯНАО возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 215.3 УК РФ и ч. 4 ст. 158 УК РФ. В ходе ОРМ установлен организатор преступления, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

с иными преступлениями (210, 215.3, 158, 174 и 165 УК РФ):

В ноябре 2018 г. сотрудники ГУ МВД России по Московской области и ГУ МВД России по ХМАО-Югре задержали в Московской области предполагаемого организатора преступного сообщества (ПС) и его сообщника, которые скрывались на дачных участках. Задержанные находились в международном розыске по уголовному делу, возбужденному СУ МВД по Республике Коми по статьям 210, 215.3, 158, 174 и 165 УК РФ. Установлено, что участники ПС, в которое входили 11 человек, путем повреждения нефтепровода на территории Усинского района Республики Коми, похитили порядка 22 тыс. т нефти стоимостью более 290 млн рублей. В ночное время к

месту незаконной врезки подъезжали бензовозы, в которые перекачивалось нефтяное сырье. На перевалочной базе оно помещалось во врытые в землю емкости объемом 40 кубометров каждая. В дальнейшем нефть по поддельным документам перевозилась железнодорожным транспортом под видом газового конденсата.

Помимо краж в сфере добычи и транспортировки нефти выявлены следующие виды преступлений:

1) *уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов (ст.199 УК РФ)*, которое совершалось путем представления декларации по налогу на добавленную стоимость (НДС) с заведомо недостоверными данными. В июле 2020 г. сотрудники УЭБиПК УМВД России по ХМАО – Югре при проведении в г. Нижневартовске оперативно-розыскных мероприятий выявили факт уклонения от уплаты НДС в особо крупном размере. Установлено, что 61-летний житель Ростовской области, являясь генеральным директором коммерческой организации, предоставляющей услуги по бурению, связанному с добычей нефти и газа, предоставлял в налоговые органы г. Нижневартовска декларации по НДС с заведомо недостоверными данными. В результате противоправных действий в бюджет не поступило 80 млн рублей. На основании собранных материалов СУ СК России по ХМАО – Югре в отношении фигуранта возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199 УК РФ;

2) *сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ)*. В сентябре 2019 г. СО по Московскому району г. Калининграда СУ СК РФ возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 199.2 УК РФ в отношении генерального директора ОАО «Калининграднефть» (одной из двух организаций, осуществляющих добычу сырой нефти на территории Калининградской области) Т., который сокрыл денежные средства организации в сумме 3 млн 708 тыс. рублей, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам.

Однако по фактам налоговых и иных преступлений эмпирическая база для проведения более глубокого анализа все же недостаточна [4].

Анализ практики обеспечения экономической безопасности в сфере добычи и транспортировки нефти позволяет нам дать следующую характеристику экономических преступлений в рассматриваемой сфере и лиц, их совершающих.

В указанной сфере подавляющее большинство таких преступлений совершается против собственности – более 80 % из них – хищения нефти из нефтепровода путем несанкционированного подключения («врезки»). Для таких преступлений характерно совершение их группой по предварительному сговору (74 %), а также организованной группой (11 %). По количеству участников группы включали: 3-5 человек (82 %), 5-10 человек (12 %), 10-15 (5 %), 15 человек и более (1 %). Следует отметить, что налоговые преступления в рассматриваемой сфере совершаются, в основном, единолично путем представления в налоговые органы недостоверной декларации по налогу (6 %).

Наличие факультативных признаков свидетельствует о неослабевающем интересе преступной среды к нефтяной отрасли. Так, при совершении врезок в 80 % слу-

чаев использовался специальный автотранспорт для перевозки нефти, в 72 % – специальные приспособления, приборы, материалы (как для осуществления врезки, так и для ее маскировки и сокрытия следов. При перевозке похищенного использовались поддельные либо фальсифицированные документы.

Приведем пример из практики, в котором присутствует большинство из вышеперечисленных характеристик преступлений. В декабре 2019 г. в ходе отработки оперативной информации сотрудниками ОМВД России по г. Мегиону ХМАО – Югра совместно с УФСБ России по Тюменской области в момент совершения противоправного деяния была задержана группа лиц, подозреваемых в хищении нефти. В ходе предварительного следствия установлено, что подозреваемые путем *несанкционированного подключения* к напорному нефтепроводу, расположенному в пригороде г. Мегиона, осуществляли откачку нефти, которую хранили неподалеку на бывшей заправочной базе грузовой техники. От места врезки до базы хранения она перегонялась посредством проложенной по земле *бытовой полимерной трубы высокого давления*. Похищенное закачивали в *специальный транспорт и по подложным документам под видом бурового шлама* транспортировали для дальнейшей реализации. На базе разлива нефтепродуктов сотрудниками правоохранительных органов задержаны трое подозреваемых мужчин 1978, 1977 и 1987 годов рождения, осуществлявших круглосуточный процесс закачки и транспортировки углеводородного сырья. Необходимо отметить, что двое из них ранее уже были судимы. Предварительный материальный ущерб, нанесенный нефтяной компании, составил свыше 1 млн рублей. СО ОМВД России по г. Мегиону возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п. «б» ч.3 ст. 158 УК РФ.

Немаловажной составляющей характеристики экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти является характеристика лиц, совершивших данные преступления. Анализ показал, что за последние три года деления лиц, подозреваемых в совершении рассматриваемых преступлений, по гендерному признаку не наблюдалось – они совершались только мужчинами (даже налоговые). В более ранних исследованиях учеными изучены факты наличия женщин – соучастников, однако не в таком узком сегменте ТЭК как добыча и транспортировка нефти [6]. Также среди них не выявлено лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, либо лиц без гражданства (граждане других государств привлекались за хищения нефтепродуктов, угля). Помимо этого, что подозреваемые, как правило, являются жителями региона, где совершено преступление (35 %) либо жителями соседнего региона (60 %).

Интересным представляется «разброс» лиц, подозреваемых в совершении преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти, по возрастным группам: от 20 до 30 лет (7 %), от 30 до 40 лет (42 %), от 40 до 50 лет (36 %), от 50 и старше – 15 % (самому младшему было 24, самому старшему – 61 год). Среди данных лиц почти треть были ранее судимыми. Возраст организаторов преступной деятельности колеблется от 38 до 42 лет (единичный случай – старше 60 лет). В отличие от других сфер экономики, в рассматриваемой сфере к совершению преступлений не привлекались несовершеннолетние и пожилые граждане.

Также показательно, что у большинства участников преступных групп имелись специальные умения и навыки. Как правило, такие умения распространялись на бу-

рильные и сварочные работы, вождение специальных автотранспортных средств (бензовозов, иного грузового автотранспорта).

Приведем пример, наглядно демонстрирующий большинство вышеперечисленных показателей: в апреле 2019 г. в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УЭБиПК УМВД России по Оренбургской области совместно с УФСБ России по Оренбургской области, при поддержке ОМОНа и СОБРа Росгвардии на территории Новосергиевского района пресечена деятельность организованной группы (большинство членов которой являются жителями Самарской области), осуществляющей хищение нефти с использованием несанкционированной врезки в нефтепровод. В ходе операции несколько участников преступной группы задержаны на месте совершения преступления. Несколько членов группы совершили попытку скрыться на автомобиле. При этом они стали на ходу выбрасывать из автомобиля инструменты и оборудование, предназначенное для совершения хищения. В ходе преследования по проселочной дороге участники преступной группы создали аварийную ситуацию, протаранив служебный автомобиль полиции, однако были задержаны. Предотвращено хищение нефти на сумму более 500 тыс. рублей. В состав преступной группы входили 8 человек, в том числе организатор, сварщик, осуществлявший врезку, группа людей, отвечающих за налив нефти, наблюдатели, предупреждающие о приближении посторонних, водитель. Среди участников был сотрудник охраны нефтепровода, который сообщал организатору о наличии или отсутствии других сотрудников охраны. Следствием доказано, что подозреваемыми сделано две несанкционированные врезки, которые они неоднократно использовали для хищений нефти. Участникам организованной группы предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 158 УК РФ. Уголовное дело направлено в суд.

Здесь уместно сказать, что без объединения усилий нескольких ведомств задержания участников организованных групп, специализирующихся на хищениях нефти, было бы затруднительным. В ряде случаев только совместными усилиями подразделений МВД России, ФСБ России, Росгвардии становится реальным задержание группы преступников на месте преступления.

На сегодняшний день органами внутренних дел нарабатан большой положительный опыт противодействия экономическим преступлениям в сфере добычи и транспортировки нефти, достигнуты хорошие результаты выявления и раскрытия таких преступлений. Подразделения ЭБиПК ТО МВД России осуществляют планомерную и эффективную работу по декриминализации сферы добычи и транспортировки нефти и в целом топливно-энергетического комплекса. Активную поддержку им оказывает Управление «Р» ГУЭБиПК МВД России, сотрудники которого выезжают в служебные командировки в ГУ МВД (УМВД) по субъектам Российской Федерации в целях оказания практической помощи, а также проведения комплекса совместных оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, можно высоко оценить организацию межведомственного взаимодействия по указанному направлению с органами Федеральной службы безопасности, Росгвардии, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры совместных оперативных мероприятий. Также органы внутренних дел обеспечены аналитической и научно-методической литературой по рассматриваемым проблемам, то есть наука и практика находятся в тесной взаимосвязи [10].

Однако, несмотря на хорошие результаты работы, проблему незаконных врезок в нефтепроводы (и в целом в магистральные трубопроводы) решить не удастся. Существует ряд проблемных вопросов различного характера, связанного с деятельностью органов внутренних дел по данному направлению:

степень уголовной ответственности за хищения и приведение в негодность магистральных трубопроводов, а также предусмотренные санкции, не соответствуют степени вины лиц, совершающих такие деяния, а наказания, назначенные преступникам, не способствуют достижению целей исправления и предупреждения новых преступлений [9] (так, несмотря на существенный экономический и экологический вред, наступающий в результате совершения таких преступлений, на усилия правоохранительных органов и служб безопасности подразделений ПАО «Транснефть», большая часть наказаний назначается судами в виде лишения свободы условно с различным испытательным сроком (от 1 года до 4 лет). Обвиняемые часто соглашаются дать признательные показания и заявляют ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в расчете на получение условной меры наказания. По мнению специалистов, более 60 % лиц, получивших условные наказания или штраф и т.п., возвращаются к своей противоправной деятельности).

преступные группы имеют возможность, прежде всего, материальную, привлечь сотрудников охраны нефтепровода для получения необходимой информации о месте расположения нефтепровода, о графиках прохождения мобильных групп охраны, о графиках движения сырья в нефтепроводе; исследование показало, что в более чем 50 % случаев в группу входил действующий или бывший работник предприятия, в 10-15 % случаев прослеживается участие пособников, осведомленных об особенностях деятельности предприятия;

сложности выявления и доказывания совершения подозреваемыми нескольких преступлений, например, систематических хищений нефти из нефтепровода (как пишут специалисты, фактически доказательственная база по этим преступлениям формируется только на основе признательных показаний задержанных. В большинстве случаев при активном вмешательстве защитников в суде в деле остается последний эпизод – покушение на хищение нефти) [3];

на месте незаконных врезок, в основном, задерживаются лишь рядовые исполнители, наливщики, водители (в случаях задержания лиц и транспорта на некотором расстоянии от места хищения, зачастую, не удается доказать их причастность к преступлению; в суд по-прежнему направляются те уголовные дела, по которым преступники задерживаются на месте совершения хищения); и т.д.

Однако решение самых важных вопросов представляется возможным в случае принятия мер по совершенствованию правовых, организационных и тактических мер обеспечения экономической безопасности в сфере добычи и транспортировки нефти, а также по повышению эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями по данному направлению. Полагаем, одними из первых должны стать меры, направленные на совершенствование правового регулирования добычи и транспортировки нефти, а также, если потребуется, то всего топливно-энергетического комплекса.

Для повышения эффективности правового и организационного регулирования сферы добычи и транспортировки нефти необходимо:

законодательно закрепить льготы для хозяйствующих субъектов, проводящих активную инновационную политику, поиск самых эффективных современных технологий добычи и переработки нефти, а также разработку и использование защитных механизмов и материалов при транспортировке нефти;

обеспечить внедрение методов дистанционного контроля основных территорий добычи и транспортировки нефти, в том числе с целью предотвращения и пресечения незаконного пользования недрами;

рассмотреть на федеральном уровне возможность и целесообразность возврата к практике лицензирования деятельности по реализации углеводородного сырья и продуктов его переработки;

разработать и утвердить в установленном порядке: методики расчета ущерба, причиненного государству при самовольном пользовании недрами, а также нанесенного недрам при несоблюдении правил разработки месторождений [2]; порядок взаимодействия органов внутренних дел и прокуратуры с ТО Роснедр, Ростехнадзора по вопросам выдачи лицензий на недропользование; ужесточить контроль за исполнением лицензионных соглашений в части выполнения объемов добычи нефтяного сырья и геологоразведочных работ, а также повышения их экономической эффективности; и т.д.

Для повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности в сфере добычи и транспортировки нефти (и в целом в топливно-энергетическом комплексе), необходимо:

осуществлять мониторинг социально-экономических и правовых причин преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти [7];

проанализировать эффективность уголовно-правового воздействия на лиц (группы), совершающих преступления в рассматриваемой сфере [5], а также эффективность правового, организационного, тактико-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности ОВД потребностям практики;

во взаимодействии с другими правоохранительными и контролирующими органами обеспечить комплексную отработку объектов и территорий топливно-энергетического комплекса, наиболее подверженных криминальному влиянию, организовать проведение оперативно-профилактических операций (из приведенных выше примеров видно, что такие операции очень результативны);

внедрять методы дистанционного контроля за основными объектами добычи и транспортировки нефти, в том числе для целей предотвращения фактов незаконного недропользования и выявления незаконных врезок (с этой целью целесообразно использовать опыт ГУ МВД России по Кемеровской области по организации авиарейдов, использованию беспилотных летательных аппаратов с целью выявления незаконных угольных мини-разрезов);

проводить периодически мониторинг региональных ценовых предложений на нефтяное сырье с целью выявления продажи похищенной нефти [8];

привлекать к предотвращению и пресечению экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти население муниципальных образований, на территории которых расположены объекты по добыче и транспортировке нефти, а также магистральные нефтепроводы, путем организации работы телефонов доверия, по которым от населения принималась бы информация о фактах совершения таких

преступлений (призывать сообщать о ставших им известными случаях проведения каких-либо (строительных, ремонтных, озеленительных и др.) работ неизвестными лицами вблизи охранных зон магистральных трубопроводов, при проведении прокладки отводов, кабелей в сторону трубопроводов, перевозке транспортом емкостей с запахом нефтепродуктов, особенно в ночное время, с учетом, что такие работы в большинстве случаев проводятся мигрантами, в том числе нелегальными);

активизировать информационно-аналитическую работу по выявлению и обобщению факторов, способствующих совершению преступлений в рассматриваемой сфере, и наметить основные пути (меры) их нейтрализации; организовать проведение профилактических мероприятий, направленных на отработку частного жилого, коммунального, строительного секторов участковыми уполномоченными по выявлению наличия на участках мест «отстоя» и хранения похищенной нефти и установлению правомерности, как их приобретения, так и реализации покупателю;

проводить с личным составом учебные занятия в рамках служебной подготовки с целью изучения нормативных актов и специальной литературы, возможно с привлечением специалистов в сфере добычи и транспортировки нефти с целью получения знаний, необходимых в осуществлении практической деятельности по противодействию преступлениям экономической направленности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зайцев, О. А. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности / О. А. Зайцев, В. П. Кашепов, С. Л. Нудель // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 40-56. – DOI 10.17223/22253513/37/4.

2. Капустюк П. А., Антонов В. А., Пермяков А. Л. Проблемы определения материального ущерба при расследовании мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С.23-26.

3. Лопатин Д.А. Основные криминологические аспекты современных покушений на нефтепроводы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – С. 158. – ISSN: 2587-9820.

4. Научно-практический комментарий к главе 22 "Преступления в сфере экономической деятельности" Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 томах / А. А. Гравина, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин [и др.]. – Москва : Юридическая фирма "Контракт", 2020. – 400 с. – ISBN 9785604481660.

5. Нудель, С. Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) / С. Л. Нудель // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 106-119. – DOI 10.12737/JRL.2020.070.

6. Преступность в сфере оборота нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации : Научно-практическое пособие / С. Л. Нудель, С. В. Маликов, Е. В. Горенская, И. М. Исрафилов. – Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. – 60 с. – (Библиотека криминолога).

7. Рогова Е. В., Капустюк П. А. Экономическая составляющая оптимизации уголовного законодательства Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 48-53.

8. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов) : научно-практическое пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правитель-

стве Российской Федерации. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2020. – 392 с. – ISBN 9785160164755. – DOI 10.12737/1160944.

9. Хабриева, Т. Я. Юридическая наука и практика / Т. Я. Хабриева // Как обеспечить эффективность закона : Научное издание / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Московская областная Дума. – Москва : ООО "Сенат-Пресс", 2019. – С. 19-38.

10. Хабриева, Т. Я. Право и экономическая деятельность / Т. Я. Хабриева, В. Ю. Лукьянова // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 5-21.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Zaitsev, O. A. Criminal policy in relation to crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity / O. A. Zaitsev, V. P. Kashepov, S. L. Nudel // Bulletin of the Tomsk State University. Pravo. - 2020. - No. 37. - pp. 40-56. - DOI 10.17223/22253513/37/4.

2. Kapustyuk P. A., Antonov V. A., Permyakov A. L. Problems of determining material damage in the investigation of fraud in the field of entrepreneurial activity // Expert-criminalist. 2019. No. 1. pp. 23-26.

3. Lopatin D. A. The main criminological aspects of modern attacks on oil pipelines // Criminologicals: yesterday, today, tomorrow. – 2017. – P. 158. ISSN: 2587-9820.

4. Scientific and practical commentary to Chapter 22 of "Crimes in the sphere of economic activity" of the Criminal code of the Russian Federation : in 2 volumes / by A. A. Gravina, O. Zaitsev, M. G. Zhilkin [and others]. – Moscow : Yuridicheskaya firma "Contract", 2020. – 400 p. – ISBN 9785604481660. 5. Nudel, S. L.

5. Nudel, S. L. Criminal-legal impact in the mechanism of ensuring economic security (problems and trends of legislative regulation) / S. L. Nudel // Journal of Russian Law. - 2020. - No. 6. - pp. 106-119. - DOI 10.12737/JRL. 2020. 070.

6. Crime in the sphere of turnover of oil and petroleum products in the Russian Federation: A scientific and practical guide / S. L. Nudel, S. V. Malikov, E. V. Goren-skaya, I. M. Israfilov. - Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. - 60 p – - (Biblioteka criminologa).

7. Rogova E. V., Kapustyuk P. A. The economic component of optimization of the criminal legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. - No. 3. - pp. 48-53.

8. Criminal law and economic activity (the ratio of private and public interests): a scientific and practical guide / V. Yu. Artemov, N. A. Golova, A. A. Gravina [et al.]; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow: Publishing House "Infra-M", 2020. - 392 p. - ISBN 9785160164755 – - DOI 10.12737/1160944.

9. Khabrieva T. Ya. Yuridicheskaya nauka i praktika [Legal science and Practice] // How to ensure the effectiveness of the law : A scientific publication / Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, Moscow Regional Duma. - Moscow: ООО "Сенат-Пресс", 2019. - p. 19-38.

10. Khabrieva T. Ya. Pravo i ekonomicheskaya deyatel'nost ' / T. Ya. Khabrieva, V. Yu. Lukyanova // Social Sciences and Modernity. - 2016. - No. 3. - p. 5-21.

Жмуров Дмитрий Витальевич
доцент кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Института государства и права
Байкальского государственного
университета
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zdevraz@ya.ru

Zhmurov Dmitriy Vitalievich
Associate Professor of Criminal Law,
Criminology and Criminal Procedure De-
partment, Institute of State and Law, Baikal
State University
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: zdevraz@ya.ru

КИБЕРЖЕРТВА: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Введение: в статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы научного понимания кибержертвы, т.е. лица, пострадавшего в результате цифрового преступления. Вопрос отнесения той или иной категории потерпевших к кибержертвам представляется весьма непростым ввиду отсутствия единства в понимании проблемы, а также нехватки унифицированных методологических подходов к оценке и содержательному наполнению данного термина. Все это осложняется дефицитом нормативно-правовых ориентиров, либо избирательным вниманием законодателя к отдельным аспектам виктимизации в виртуальной среде.

Материалы и методы: концептуальную основу исследования составили научные публикации, посвященные проблемам кибервиктимологии, осмыслению места и роли виртуальной жертвы в информационных структурах современного общества. В процессе исследования использовалась совокупность методов: диалектический материализм, общенаучные и частные методы познания (наблюдение, сравнение, описание, аналогия, формальная классификация), а также традиционные логические приемы и способы.

Результаты исследования: предложено авторское определение кибержертвы, описаны ее сущностные характеристики, отличающие от традиционных жертв преступлений; произведено разграничение со смежными понятиями, например, лицами, пострадавшими на фоне персональной интернет-активности, потерпевшими от преступлений в сфере компьютерной информации. Кроме того, разработана классификация кибержертв, включающая цифровых, комбинированных и неvirtуальных потерпевших.

Выводы и заключения: под кибержертвой может пониматься организация, группа или человек, пострадавшие от уголовно-наказуемых актов, реализованных преимущественно в цифровой среде. Этот специфический тип пострадавшего отличает то, что вред личности причиняется посредством компрометации ее цифровой идентичности или в ходе негативного взаимодействия с ней; акт виктимизации происхо-

дит в условно-цифровом пространстве виртуальной компьютерной реальности, а жертвы зачастую демонстрируют паттерны поведения не сопоставимые с их образом действий офф-лайн.

Ключевые слова: кибервиктимизация, жертвы в интернете, кибервиктимность, кибервиктимология, интернет-потерпевший, жертвы цифровых преступлений, кибержертва, личность потерпевшего в виртуальном пространстве

CYBER VICTIM: SOLVING THE PROBLEM OF TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY

Introduction: some controversial issues of the scientific understanding of the cyber victim, i.e. a person who is affected by a digital crime, are discussed in the article. The issue of classifying a particular category of victims as cyber victims seems to be very difficult due to the lack of unity in understanding of the problem, as well as the lack of unified methodological approaches to the assessment and substantive content of this term. It all gets complicated by the lack of laws and regulatory guidelines, or the legislator's selective attention to certain aspects of victimization in the virtual environment.

Materials and Methods: the conceptual basis of the study was formed by scientific publications devoted to the problems of cyber-victimology, understanding of the place and role of a virtual victim in the information structures of modern society. During the study a set of methods was used: dialectical materialism, general scientific and private methods of cognition (observation, comparison, description, analogy, formal classification), as well as traditional logical methods and techniques.

Results of the Study: the author's definition of a cyber-victim is proposed, its essential characteristics distinguishing them from traditional victims of crimes are described; a distinction with related concepts was made, for example, people who suffered against the background of personal Internet activity, victims of crimes in the field of computer information. A classification of cyber victims has been developed, including digital, combined and non-virtual victims.

Findings and Conclusions: A cyber victim can be understood as an organization, group or person who are affected by criminal acts primarily implemented in the digital environment. This specific type of victim is distinguished by the fact that personal harm is caused through the compromise of his digital identity or in the course of negative interaction with it; the act of victimization takes place in the conditionally digital space of virtual computer reality, and victims often demonstrate behavioral patterns that are not comparable to their offline behavior.

Keywords: cyber victimization, victims on the Internet, cyber victimhood, cyber victimology, Internet victim, victims of digital crimes, cyber victim, the personality of the victim in the virtual space

Эра Интернета, вселявшая поначалу оптимистические ожидания, породила ряд серьезных противоречий. Блестящее, как казалось, будущее было омрачено человеческими пороками, которые всемирная сеть отразила словно зеркало. Парадокс ситуации проявился в том, что величайшее изобретение человечества, одновременно стало претендовать на роль «информационной помойки» и места особой опасности. Оно стало убежищем и одновременно рупором девиантов, растлителей, социопатов, душевнобольных и иных лиц. В этом смысле преступники не стали исключением - они заняли там свое «справедливое» место.

Сегодня почти половина населения Земли использует интернет [1], а значит рискует стать жертвами киберпреступников. Реальное число пострадавших измеряется миллионами людей, организаций и представителей власти конкретных государств [2]. Другая половина также не застрахована от виртуальных преступлений, особенно, если они вызовут серьёзные экономические, инфраструктурные или информационные последствия. Ведь атакуя банки, хакеры, в конечном счете, похищают деньги обычных людей, в т.ч. не являющихся пользователями глобальной сети. Приходится констатировать, что всеохватность технологий и тотальная цифровизация поставили под удар всех без исключения. Ситуация, по меньшей мере, удивляет: жертвой киберпреступления можно оказаться и без индивидуального использования соответствующих технологий. И что нам точно неизвестно, так это то, какая часть населения становится потерпевшими от подобных инцидентов.

Киберпреступность - широкое и неточное понятие, вместе с тем изученное довольно подробно. Контингент ее жертв, напротив, исследован менее детально и обстоятельно. В этой связи на 15-м симпозиуме Всемирного общества виктимологии в Перте (Западная Австралия) была предложена субдисциплина получившая название *кибервиктимология*. Ее определили как *изучение форм онлайн-виктимизации, ее влияния на жертв, общество и социальные системы* (Jaishankar, 2015). Это было еще одним важным шагом в углубленном исследовании корпуса жертв киберпреступности.

Поскольку кибервиктимология только зарождается, вокруг ее предмета возникает много споров. Не совсем понятно, кого считать кибержертвой, чем отличается обычная виктимизация от того же процесса с приставкой «кибер...», какие формы виктимизирующего воздействия надлежит изучать: одни утверждают, что кибервиктимизация исчерпывается кибербуллингом или киберсталкингом (Burgess-Proctor et al. 2010; Finn 2004; Hinduja and Patchin 2005, 2007, 2008, 2009, 2012; Landoll 2012; Li 2007; Lipton 2011; Perreault 2011; Şahin et al. 2012; Sakellariou et al. 2012; Schiller and Gradinger 2013); другие не ограничиваются этими рамками и расширяют границы исследуемого явления (Alshalan 2006; Halder and Jaishankar 2008, 2009, 2011, 2015; McQuade 2009; Ngo and Paternoster 2011; Roberts 2008, 2009).

Нельзя сказать, что данный вопрос интересует только зарубежных ученых. В терминологическом поле отечественных наук встречаются разнообразные варианты постановки проблемы. Исследователи то и дело обращаются к теме *кибержертв* (Кан, 2017; Бовть, 2019; Колесник, Новоселова, 2019; Гуляев, 2019), *личности потерпевшего в интернете* (Русаков, 2015; Гильфанова, 2017), *потерпевшего в сфере компьютерной информации* (Шустов, Шустова, 2017), *жертвы противоправных посяга-*

тельств в интернете (Сафуанов, Докучаева, 2015), лиц, склонных к виктимному поведению в интернет-среде (Сенченко, 2018; Данилова, Горелова, 2018), жертв компьютерных преступлений (Туктаров, Логинов, 2016; Скурихина, Ронжина, 2014), жертв преступлений в цифровом обществе (Гаджиева, Синодов, 2020), жертв киберпреступлений (Простосердов, 2015; Органов, 2019; Берестень, 2019) и проч. В публицистической литературе иногда встречаются понятия «цифровая жертва», «жертва цифровых преступлений», «виртуальный потерпевший», «интернет-жертва» и т.п.

Несмотря на интерес к заявленной проблеме, зарубежные и отечественные авторы зачастую не разъясняют используемой терминологии. Какого-либо родового понятия применительно к данной категории потерпевших пока не выработано, а те, что имеются – весьма неоднозначны.

Вместе с тем, очевидно, что терминологические трудности возникли не на пустом месте и имеют свои причины. Проблемное поле «кибержертвы» весьма обширно.

Во-первых, актуален вопрос о том, нужно ли вообще использовать этот термин (вопрос целесообразности)?

Звучат мнения, что говорить об особом типе потерпевшего в данном контексте преждевременно. Это такая же жертва кражи, мошенничества, оскорбления, домогательства и проч., но не в реальной жизни, а в виртуальной среде. Высказываются мысли о том, что общеуголовные преступления, совершаемые при помощи интернета, не могут быть признаны киберпреступностью в чистом виде, поскольку это обычные уголовно-противоправные деяния, но только происходящие в сети. К примеру, вполне обоснована точка зрения согласно которой неверно смешивать киберпреступников и террористов, использующих интернет для пропаганды и вовлечения лиц в реальные террористические преступления [3]. Следовательно, кибербуллинг, киберсталкинг, груминг и другие «модные» термины есть ничто иное, как давно знакомые клевета, угрозы убийством, развратные действия, нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и т.д. Следуя этой логике значительная часть киберпреступности - это традиционные преступления, совершаемые посредством интернета. А если так, то и кибержертва – это обычный потерпевший, получивший свой статус не на улице, а в мировой сети. Казалось бы, особых вопросов тут возникать не должно.

Вместе с тем, данная логика не всегда безупречна. Отказывая киберпреступности и ее жертвам в самостоятельности, под сомнение тем самым ставится ряд других видов криминальной активности, выделенных по признаку локализации или места совершения. Что делать с пенитенциарной, транспортной, уличной и другими видами преступности? Это такие же традиционные виды криминала, происходящего в тюрьме, на объектах грузопассажирских перевозок, в общественных местах. В предмете изучения криминологии перечисленные отрасли научно самостоятельны и почему тогда возникают сомнения в киберпреступности, как общности криминальных актов, сосредоточенных в net-пространстве. Быть может интернет – не средство, а место совершения правонарушений?

Помимо сказанного, нельзя не отметить ряд особенностей виртуальных жертв, подчеркивающих их специфику.

Первое. Процесс кибервиктимизации чаще всего - это причинение вреда физической личности посредством компрометации ее цифровой идентичности или в ходе негативного взаимодействия с этой идентичностью (в чате или социальной сети, на форуме, ином медийном пространстве). Т.е. криминальные усилия прилагаются не столько к самому индивиду, сколько к его цифровой субличности (ее визуализации; информационному полю; программному коду; образу и репутации; репрезентации в сетевом окружении; финансовым, дигитальным, личным правам; системам жизнеобеспечения). Бывает так, что цифровая идентичность напрямую привязана к человеку, обеспечивая его физическое существование (например, электронная карта пациента с назначенными ему витальными лекарствами; кардиостимулятор с беспроводной передачей данных на медицинский сервер; системы автоматического управления транспортом и проч.).

Второе. Деяние, причиняющее ущерб кибержертве, осуществляется в условно-цифровом пространстве виртуальной компьютерной реальности. Акт криминальной коммуникации выступает как двухсторонняя или односторонняя связь преступника и потерпевшего в особом топосе. Иначе его именуют net-бытие, т.е. пространственно-временной континуум компьютерных сетей, состоящий из наборов информации и отчасти реализуемый в психике индивида.

Третье. Сами кибержертвы демонстрируют паттерны поведения не сопоставимые с их образом действий офф-лайн (чрезмерная репрезентация в интернет-пространстве, противоправное поведение; несдержанность, подогретая ощущением анонимности и проч.), т.е. бытийствование человека в net-парадигме радикально трансформирует его на онтологическом, антропологическом, социальном и аксиологическом уровнях [4]. Следовательно, мы имеем дело с индивидом, который думает и действует несколько иначе, чем в реальной жизни. Это ключевой вопрос соотношения сетевой и реальной идентичности. Первая легко корректируется и изменяется, ей доступен совершенно иной набор поведенческих стратегий, а также мнимое ощущение безнаказанности и недостижимости. И если, проявление альтернативной идентичности в жизни чаще предмет психиатрических изысканий, то в виртуальной среде – это стандартная практика, не свидетельствующая о душевном заболевании.

Четвертое. Кибержертв, по-видимому, отличают некоторые специфические черты. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. в своих исследованиях приходят к выводу, что жертвы противоправных посягательств в интернете имеют специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, и определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию [5].

Во-вторых, если термин «кибержертва» получит признание, то кого считать таковой (вопрос содержания)?

Это достаточно сложная проблема, которая не предполагает однозначных ответов. Четкие ориентиры, позволяющие идентифицировать потерпевшего в киберпространстве, по всей вероятности, не сформулированы. Этой категорией жертв обозна-

чают разных людей, которым был нанесен вред в интернете, либо с его помощью, а иногда даже с самой отдаленной связью.

Трудности причисления потерпевших к категории кибержертв можно проиллюстрировать на следующих проблемных тезисах:

а) разумно ли говорить о кибержертвах применительно к лицам, пострадавшим вследствие неосмотрительного или конфликтного поведения в интернете, повлекшего неблагоприятные последствия в реальной жизни?

К примеру, недавно появился термин «facebook убийство» означающий причинение смерти из-за разногласий или конфликта, произошедшего в социальной сети¹. Этой проблеме посвящена работа Э. Ярдли и Д. Уилсона. Исследователи предложили собственную классификацию, состоящую из шести типов facebook-убийц, среди которых наиболее распространенным является *ответчик* (reactor), неадекватно реагирующий на контент, размещенный в соцсети [6]. Последний может демонстрировать импульсивные реакции (например, в ходе разгоревшейся ссоры пробить голову мужу за публикацию фотографии с девушкой), либо продумать план мести и реализовать его постепенно (случай с затяжным конфликтом разведенной пары из Британии, когда супруг, требуя от бывшей жены удалить пост в Facebook о том, что она свободна и хочет встречаться с мужчинами, не нашел других альтернатив, кроме ее убийства [7]). В представленных случаях сложно говорить о кибервиктимизации, поскольку дело в обычных убийствах пользователей социальных сетей. Схожая ситуация наблюдается в тех случаях, когда преступник через сайт знакомств организует встречу с жертвой с целью ее изнасилования или иной сексуальной дискриминации. Подобных потерпевших вряд ли можно отнести к категории кибержертв. Скорее, это лица, пострадавшие на фоне персональной интернет-активности.

б) правомерно ли утверждать о кибержертвах тех преступлений, которые начали происходить в интернете, а закончились в объективной действительности?

В ряде случаев виртуальная активность предвещает совершение преступного акта. Например, убийству 18-летней девушки из Австралии предшествовала переписка с преступником, действовавшим под чужим именем, неоднократные свидания с ним, пока однажды прогулка к реке не окончилась трагически [7]. Этот случай явно не подходит под определение кибервиктимизации. Вместе с тем, нельзя не отметить случаи мошенничества, где в интернете для «разогрева» клиента публикуются привлекательные объявления, а обман и присвоение денег происходит уже в реальности при непосредственном взаимодействии. Например, продажа несуществующих вещей или мнимая аренда недвижимости через сетевые платформы (Авито, Дром, Авто.ру, Циан) иногда выходит за пределы виртуального взаимодействия, продолжаясь в физическом измерении (включая вербальный или физический контакт, использование техник внушения, передачу «товара» и денежных средств). Приведенные случаи охватываются понятием кибервиктимизации, но не всегда. Несмотря на то, что в некоторых эпизодах интернет фигурирует, он может не являться «местом» реализации объективной стороны преступных деяний. Например, сетевая активность, проводимая

---

¹ Facebook murder. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Facebook_murder (дата обращения: 2.03.2021 г.)

с целью выманить жертву, усыпить ее бдительность, заинтересовать, убедить в чем-то, не всегда однозначно может расцениваться, как виртуальная виктимизация. Иногда действия преступников в интернете похожи на создание условий или подготовительные действия. О кибержертвах, напротив, резонно говорить, если преступное деяние целиком или фрагментарно было исполнено в компьютерной среде, т.е. именно там совершились необходимые действия, повлекшие материализацию ущерба.

в) можно ли усматривать кибержертв в лицах, пострадавших от действий интернет-преступников и не включенных при этом в процесс net-бытия?

Показательный в этом смысле случай произошел в Сан-Мигеле (США) в 2016 г. В госпитале ордена Иезуитов состоялось первое целенаправленное убийство с использованием робота. Злоумышленник взломал программу, управляющую автоматической раздачей лекарств и перепрограммировал медицинский манипулятор на смертельную инъекцию вместо назначенного препарата [9]. Так, убийство было подготовлено и выполнено в кибернетической среде, но при этом пострадало лицо, не являющееся ее актором. В этом смысле возникает вопрос, есть ли такие категории киберпреступлений, где жертвы всецело находятся вне сетевого пространства? Очевидно, что ответ должен быть утвердительным. К примеру, это могут быть пострадавшие от аварии удаленно захваченного автомобиля или самолета; потерпевшие от актов кибертерроризма, выводящего из строя системы жизнеобеспечения; люди, чьи интимные стороны жизни попали на несанкционированную видеозапись (напр., жертвы дрон-порно, гостиничного вуайеризма) и др.

г) уместно ли называть кибержертвами тех, кто пострадал от традиционных общеуголовных преступлений в интернете?

Например, многочисленные случаи вымогательства по электронной почте, вербовка в террористические и экстремистские организации, вовлечение в финансовые пирамиды, преступную или антиобщественную деятельность и др. Кроме того, звучат мысли о необходимости углубленного изучения цифрового насилия в семье, по сути, обычного домашнего насилия, но с акцентом на его виртуализацию [10]. С точки зрения принятого автором формального подхода, все указанные происшествия по признаку локализации относятся к киберпреступности, а значит статус кибержертвы у потерпевших подразумевается.

Таким образом, несмотря на дискуссионность приведенных тезисов, можно резюмировать, что кибержертва – это потерпевший от любых преступлений, осуществлённых в цифровой среде (было ли это оконченное преступление или покушение).

Ключевым моментом является то, что противоправные действия реализуются в киберпространстве, т.е. непрерывной последовательности компьютерных и сетевых технологий, организующих отношения между объектами физического мира по телекоммуникационным каналам. Лица, виктимизированные в реальности из-за своего провокационного или неосмотрительного поведения в сети, кибержертвами не являются. Однако таковыми можно признать тех, кто «попался на удочку» многоходовых комбинаций, исполнение которых началось в интернете и окончилось за его пределами. Также под определение кибержертв подпадают и те, кто, не используя сеть лично, пострадал от действий компьютерных злоумышленников.

Отдельный вопрос касается жертв детской порнографии, являются ли они кибержертвами в полном смысле слова? Сегодня, сексуальное насилие над детьми считается одним из серьезнейших киберпреступлений [11]. Вместе с тем, кибержертвами их можно признать только в случае распространения в сети запрещенного контента с их участием, либо организации онлайн трансляций соответствующего содержания. Само по себе использование детей для подобных съемок является преступлением против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вряд ли претендует на звание цифрового.

Кроме того, необходимо упомянуть, что смешивать кибержертву и потерпевшего от преступлений в сфере компьютерной информации также нецелесообразно. Первые выступают в качестве собирательного понятия, объединяющего всех пострадавших в кибернадстройке. Вторые – достаточно узкая категория лиц, которым был нанесен ущерб отдельными и немногочисленными видами цифровых преступлений. Эти понятия соотносятся, как общее и частное.

Опираясь на сказанное допустимо классифицировать кибержертв по нескольким основаниям. Они могут быть представлены, как:

- жертвы первого порядка (цифровые), которые подверглись виктимизации исключительно в виртуальной среде (взлом аккаунта, заражение вредоносными программами, хищение цифровой личности, кража паролей и проч.);

- жертвы второго порядка (комбинированные) фиксируемые в случаях, когда возникает многоуровневое взаимодействие с преступником: в виртуальной и в реальной средах (например, мошенничество, дополненное телефонными консультациями; несуществующее инвестирование или ложное трудоустройство, которые требуют «ведения» жертвы, физических и вербальных контактов с ней);

- жертвы третьего порядка (невиртуальные) страдающие от действий злоумышленников, предпринятых в киберпространстве, хотя сами пострадавшие в этом пространстве могут и не функционировать (объекты клеветы, фейков, доксинга, как публичного раскрытия личных и конфиденциальных данных [12] и проч.).

В-третьих, как выработать критерии единообразного понимания кибержертвы (вопрос унификации)?

Сегодня стандартизованного определения жертвы киберпреступлений не выработано. Эта категория лиц получает значительно меньше внимания со стороны средств массовой информации, системы правосудия, законодателя и ученых, чем интернет-преступники [13]. Вероятно, с принятием международной конвенции, посвященной кибержертвам, в существующей терминологической неопределенности будет поставлена точка. Потребность в таком правовом регуляторе назревает и, по всей видимости, это вопрос ближайших десятилетий.

Несмотря на это во многих странах предпринимаются попытки частичного регулирования вопросов кибервиктимизации. В основном это происходит путем законодательного закрепления типичных виктимизирующих действий, обрисовки некоторых прав и социальных характеристик потерпевших. К примеру, в США принято множество региональных актов о запрете школьной травли, дополненные положениями о киберзапугивании. Некоторые из них даже содержат его дефиницию (Канзас, Джорджия) [14]. В 2019 г. в США под запрет попали дипфейки и «порно из мести». В

Италии принято «Положение о защите несовершеннолетних от киберзапугивания и борьбе с ним» (Закон № 71/2017). Фактически это регламент действий для работников социальных служб в подобных случаях. В Германии с 2017 г. действует «Act to Improve Enforcement of the Law in Social Networks» (Акт об улучшении правоприменения закона в социальных сетях»). Этот документ направлен на обеспечение прав кибержертв. Он обязывает социальные сети своевременно и эффективно реагировать на жалобы пользователей, а также удалять или блокировать контент, который является незаконным. Это обязательство действует для следующих статей уголовного кодекса Германии: возбуждение ненависти (ст.130), угроза совершения тяжкого преступления (ст.241), оскорбление (ст. 185), диффамация (ст.186), умышленная диффамация (ст.187) и нарушение неприкосновенности частной жизни путем фотографирования (ст.201a). Схожие нормативные акты имеются в Японии, Австрии, Франции и т.д. В России в 2020 г. на рассмотрение федерального собрания был внесен законопроект о запрете интернет-травли. Национальный центр помощи пропавшим и пострадавшим детям выступил с инициативой ввести статью об унижении человеческого достоинства несовершеннолетнего и включить в нее несколько составов административных правонарушений¹. В итоге, мы наблюдаем процесс законодательного закрепления частных аспектов кибервиктимизации. По мере накопления каузальных норм, их анализа и обобщения, будет принят общий документ, касающийся этой группы потерпевших.

Подытоживая сказанное можно отметить, что проблема кибержертв представляется нетривиальной, актуальной, имеющей самостоятельный научный потенциал. Использование этого термина вполне обоснованно. Под кибержертвой может пониматься *организация, группа или человек, пострадавшие от уголовно-наказуемых актов, реализованных преимущественно в цифровой среде*. При этом не столь критично находится ли сам потерпевший в этой среде; важно, что объективная сторона преступления была реализована именно там.

При этом допускаем условную синонимичность терминов «кибержертва», «жертва киберпреступления», «киберпотерпевший» и т.д. Фактически эти понятия консолидируют признаки одного и того же явления – индивида, который понес ущерб от преступных посягательств, реализованных посредством высокотехнологичных информационных систем и ресурсов.

Итак, сложившееся положение вещей свидетельствует о том, что кибержертва весьма неоднозначное понятие. Это современный «гомункул», результат сплава преступности и новых коммуникационных технологий. Жертвы киберпреступлений, естественно, не намного более уникальны, чем жертвы обычных преступлений, хотя у них имеются и свои отличительные особенности [15]. При этом решающее значение в оценке их статуса имеет цифровая среда, как место совершения виктимизирующих действий. Именно она является маркером, позволяющим идентифицировать кибержертву.

---

¹ Совфеду предложили ввести в КоАП и УК новые статьи о травле несовершеннолетних в сети. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10044523> (дата обращения: 1.03.2021 г.)

Использование этого понятия закономерно, оно подсказано техническим прогрессом и объективным развитием человечества. Терминологическая полифония и многозначность трактовок уйдут по мере накопления научного материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шлайн Л. Половина населения планеты пользуется Интернетом [Электронный ресурс] // Голос Америки. URL: <https://www.golosameriki.com/a/more-than-half-the-worlds-population-is-using-the-internet/4693064.html> (дата обращения: 7.03.2021 г.)
2. Феткулин Р.Р. Преступления в сфере цифровой информации: понятие и виды / Р.Р. Феткулин, А.К. Арюков // *Baikal Research Journal*. - 2019. - Т. 10, № 3. - DOI :10.17150/2411-6262.2019.10(3).17.
3. Коробеев А.И. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации / А.И. Коробеев, Р.И. Дремлюга, Я.О. Кучина // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2019. - Т. 13, № 3. - С. 416–425. - DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).416-425.
4. Беляев Д.А. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека [Электронный ресурс] // *Logos et Praxis*. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-net-bytie-post-sverhcheloveka> (дата обращения: 07.03.2021).
5. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // *Психология и право*. 2015. Том 5. № 4. С. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407
6. Yardley, Elizabeth & Wilson, David. (2014). Making Sense of 'Facebook Murder'? Social Networking Sites and Contemporary Homicide. *The Howard Journal of Criminal Justice*. 54. 10.1111/hojo.12109.
7. Смолин А. Facebook-убийство: преступление будущего или миф? // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: <http://rapsinews.ru/publications/20141118/272607335.html> (дата обращения: 1.03.2021 г.)
8. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира [Текст]: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2018. - 351 с.; 22 см.; ISBN 978-5-91768-896-1
9. Hodson D. Digital Domestic Abuse: The need for International Laws and Protections. URL: <https://www.iflg.uk.com/blog/digital-domestic-abuse-need-international-laws-and-protections> (дата обращения: 1.03.2021 г.)
10. Павленко И.В. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей / И.В. Павленко, В.С. Егорова. - DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143 // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2021. - Т. 15, № 1. - С. 133–143.
11. Бочкарева Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин. - DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97 // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2021. - Т. 15, № 1. - С. 91–97.
12. Wall, D. S. (2005). The internet as a conduit for criminal activity. In A. Pattavina (Ed.), *Information technology and the criminal justice system* (pp. 78–94). Thousand Oaks, CA: Sage Publications
13. Голованова Н.А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // *Журнал российского права*. 2018. № 8 (260). С. 113-123.

14. Jaishankar K. Cyber Victimology: A New Sub-Discipline of the Twenty-First Century Victimology // An International Perspective on Contemporary Developments in Victimology pp 3-19. 30 June 2020

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Shline L. Half of the world's population uses the Internet [Electronic resource] // Voice of America. URL: <https://www.golosameriki.com/a/more-than-half-the-worlds-population-is-using-the-internet/4693064.html>

2. Fetkulin R.R., Aryukov A.K. Crimes in the Sphere of Digital Information: Concept and Types. Baikal Research Journal, 2019, vol. 10, no. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).17 (In Russian).

3. Korobeev A.I., Dremlyuga R.I., Kuchina Ya.O. Cybercrimes in the Russian Federation: criminological and criminal law analysis of the situation. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 416–425. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).416-425 (In Russian).

4. Belyaev D.A. Virtual net-being post (over) human [Electronic resource]// Logos et Praxis. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-net-bytie-post-sverh-cheloveka>

5. Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Personal characteristics of victims of illegal attacks on the Internet [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo = Psychology and Law, 2015. Vol. 5, no. 4, pp. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407.

6. Yardley, Elizabeth & Wilson, David. (2014). Making Sense of 'Facebook Murder'? Social Networking Sites and Contemporary Homicide. The Howard Journal of Criminal Justice. 54. 10.1111/hojo.12109.

7. Smolin A. Facebook-murder: a crime of the future or a myth? // RAPSI. Russian Agency for Legal and Judicial Information. URL: <http://rapsinews.ru/publications/20141118/272607335.html>

8. Ovchinsky V.S. Criminology of the digital world: a textbook for MA course/ V. S. Ovchinsky. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. - 351 p. ISBN 978-5-91768-896-1

9. Hodson D. Digital Domestic Abuse: The need for International Laws and Protections. URL: <https://www.iflg.uk.com/blog/digital-domestic-abuse-need-international-laws-and-protections>

10. Pavlenko I.V., Egorova V.S. Online child pornography: problem overview and global trends in counteraction. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 133–143. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143. (In Russian)

11. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97. (In Russian).

12. Wall, D. S. (2005). The internet as a conduit for criminal activity. In A. Pattavina (Ed.), Information technology and the criminal justice system (pp. 78–94). Thousand Oaks, CA: Sage Publications

13. Golovanova N.A. Challenges to Combat Bullying: a Legislative Response // Journal of Russian Law. 2018. № 8 (260). С. 113-123.

14. Jaishankar K. Cyber Victimology: A New Sub-Discipline of the Twenty-First Century Victimology // An International Perspective on Contemporary Developments in Victimology pp 3-19. 30 June 2020.

Поливанов Александр Владиславович
аспирант Института государства и права
Тюменского государственного
университета
E-mail: advokat.polivanov@mail.ru

Polivanov Alexandr Vladislavovich
Postgraduate student, Institute of State
and Law, Tyumen state University
E-mail: advokat.polivanov@mail.ru

ПРАНК КАК СОСТАВООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК ХУЛИГАНСТВА

Введение: в статье рассматривается новая форма девиантного поведения под названием пранк, которая по своей социальной природе может являться составообразующим признаком преступления, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Заявленная тема ранее не исследовалась, поэтому научные труды по данной проблеме отсутствуют. При проведении научного исследования использовался эмпирический метод исследования — анализ уголовных и административных дел.

По мнению автора, целесообразно признать пранк составообразующим признаком статьи 213 УК РФ, что позволит разграничить статью 213 УК РФ со статьей 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и установить границу социальной и нравственной дозволенности видеоблогерам и лицам, чей интерес основан на записи видеороликов в общественном месте с участием граждан.

Материалы и методы: при проведении исследования использовался эмпирический метод: были проанализированы судебные постановления в рамках уголовного дела, а также рассмотрены постановления по делам об административных правонарушениях.

Результаты исследования позволили обосновать пранк как составообразующий признак статьи 213 УК РФ, провести разграничение между статьей 20.1 КоАП РФ и статьей 213 УК РФ по мотивам пранка.

Выводы и заключения: по итогам проведенного исследования предложены меры правового реагирования на отражение пранка как составообразующего признака статьи 213 УК РФ.

Ключевые слова: пранк, пранкер, хулиганство, мелкое хулиганство, квалифицирующий признак.

PRANK AS QUALIFYING INDICIA OF HOOLIGANISM

Introduction: the article considers a new form of deviant behavior called prank that by its social nature can be a sign of a crime under the article 213 of the criminal code of the Russian Federation. The declared topic has not been previously researched, and therefore there are no scientific papers on the issue. The research topic uses an empirical research method — analysis of criminal and administrative cases.

According to the author, it is advisable to recognize a prank as qualifying indicia of the article 213 of the criminal code that will allow you to distinguish the article 213 of the criminal code with the article 20.1 KoAP of the Russian Federation and to admeasure social and moral permissibility for youtubers and those whose interest is based on video recording in public places with the participation of citizens, that is so important in our time.

Materials and Methods: the study used an empirical method: court adjudications on criminal cases were analyzed, as well as decisions in cases of administrative offenses were considered.

Results of the Study: allowed to substantiate the prank as qualifying indicia of the article 213 of the criminal code, to draw a distinction between the article 20.1 of the administrative code and the article 213 of the criminal code inspired by prank.

Findings and Conclusions: the study suggests legal response measures to the reflection of prank as qualifying indicia of the article 213 of the criminal code of the Russian Federation.

Keywords: prank, pranker, hooliganism, petty hooliganism, qualifying sign.

На сегодняшний день наше общество претерпевает большие социальные изменения, оно, будучи социальным институтом, не стоит на месте. По мере того как развиваются технологии, следом за ним развиваются и преобразуются социальные нормы и социальное поведение общества.

Изменение и развитие технологических, экономических и социальных тенденций, являются основанием для дополнения составообразующих признаков статей УК РФ. Право должно совершенствоваться и проходить период модернизации и дополнения с учетом естественных социальных тенденций. В противном случае правоприменителем будет допускаться неверная квалификация деяний лиц или при квалификации общественно опасного деяния правоприменителем будет допускаться аналогия закона, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 3 УК РФ, недопустимо.

Иным немаловажным фактором будет являться полная потеря уголовно-правового и криминологического контроля над новыми социальными явлениями, которые могут нанести ущерб личности, обществу и государству.

Составообразующий признак каждого общественно опасного деяния в силу исторических событий, технического прогресса, смены социальных понятий, ценностей и т. д. также периодически видоизменяется.

Необходимо внимательно анализировать наличие составообразующих признаков преступления, т. к., согласно действующему уголовному закону, при отсутствии соответствующих признаков лица, совершившие общественно опасные деяния, к уголовной ответственности не привлекаются.

Составообразующий признак преступления — важнейший этап в уголовном процессе, от правильного осуществления которого зависят многие правовые последствия. Составообразующими признаками преступления являются обстоятельства, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, которые имеют базовое значение в вопросе квалификации того или иного преступного деяния. Например, Л. Л. Кругликов указывает на то, что «квалифицирующими являются признаки состава преступления, которые свидетельствуют о резко повышенной общественной опасности деяния» [1, с. 56]. В свою очередь, Л. В. Горбунова отмечает: «Квалифицирующие признаки конкретного состава преступления используются в законе для конструирования состава того же преступления, характеризующегося повышенной общественной опасностью» [2, с. 6].

С начала XXI века общество характеризуется активным использованием в повседневной жизни информационно-телекоммуникационной сети Интернет для получения и распространения информации, что позволяет всему миру объединиться в медийном пространстве и увеличивает значимость личной социальной ответственности.

На видеохостингах присутствует различный социальный контент, и для получения славы и популярности, а также финансового заработка видеоблогеры выбирают тематику, которая под видом шутки, розыгрыша содержит в себе неуважительные, а зачастую аморальные и в какой-то степени общественно опасные и противоправные действия, которые демонстрируются в обществе при создании видеоролика. Такой контент в Интернете называется пранком.

Пранк, как поведение, квалифицируется правоприменителями по-разному, нет его единого толкования как квалифицирующего признака в системе отраслей права. Для разрешения данного правового вопроса предлагается определить точную квалификацию пранка в системе правовых отраслей.

Необходимо отметить, что хулиганство как общественно опасное деяние с 30-х годов XX в. по настоящее время по своим признакам видоизменялось,

Хулиганство представляет собой общественно опасное деяние, которое квалифицируется по разным оценочным признакам. Это означает, что нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, может порождаться различными объективными обстоятельствами, являющимися составообразующими признаками данного вида преступления.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 года «О судебной практике по делам о хулиганстве»¹ деяние квалифицировалось как хулиганство при наличии хотя бы одного из следующих установленных законом условий:

- 1) совершение буйства или бесчинства, т. е. таких озорных действий, которые связаны с насилием, повреждением или уничтожением имущества и др.;
- 2) повторное совершение хулиганства;
- 3) упорное продолжение хулиганских действий, несмотря на предупреждения органов, охраняющих общественный порядок;
- 4) исключительный цинизм или дерзость хулиганских действий.

---

¹ О судебной практике по делам о хулиганстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 апр. 1939 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

По прошествии нескольких десятилетий квалифицирующие признаки хулиганства видоизменились. В настоящее время, согласно действующей редакции постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»¹, хулиганство содержит в себе следующие составообразующие признаки:

1) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

2) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

3) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Указанным выше постановлением ВС РФ дан разъяснения, что действия лица не образуют состава преступления предусмотренного статьей 213 УК РФ, если в них отсутствуют указанные выше признаки преступного деяния. Таким образом, его действия будут квалифицироваться в рамках административной ответственности по статье 20.1 КоАП РФ.

Как уже было сказано, современное общество активно использует сеть Интернет, где главной медиаплощадкой, в рамках которой люди презентуют виде ролики, является видеохостинг.

Видеохостинг — это веб-сервис, позволяющий загружать и просматривать видео в браузере. На сегодняшний день, одним из самых популярных видеохостингов является YouTube, а так же имеются иные видеохостинги, такие как: Rutube, Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и т. д., позволяющие людям самовыражаться и презентовать себя в информационном пространстве. С момента появления видеохостингов в мире появилась новая профессия — видеоблогер.

Видеоблогер — это лицо, которое снимает видео ролики на любую социальную тематику и выкладывает их в Интернет на видеохостинг. Videоблогеры зачастую отдают предпочтение контенту, который называется пранком.

В переводе с английского языка «пранк» (prank) — это «шутка», «розыгрыш», и для подтверждения этого можно обратиться к одному из ведущих англо-русских словарей (в режиме онлайн), Multitran — «Мультитран», где слово (prank) переводится как «шутка», «розыгрыш», «проделка», «проказа», «шалость», «выходка».

Обратившись к «Универсальному дополнительному практическому толковому словарю» И. Мостицкого, можем убедиться в том, что слово (prank) переводится как «розыгрыш», граничащий с «телефонным хулиганством».

Еще около пяти лет назад пранк в российском обществе воспринимался только как телефонный розыгрыш, однако на сегодняшний день это всего лишь одна из его форм, поскольку в силу социальной эволюции, пранк прогрессировал и приобрел новые формы. Лица, практикующие различные формы пранка, в обществе именуется пранкерами.

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Пранк, применительно к уголовному праву, является мотивом, который побуждает лицо практиковать пранк. Пранк, как мотив, обусловлен определенными интересами и потребностями. Лицо, практикующее пранк, может удовлетворять свой финансовый достаток, приобретать популярность, удовлетворять свои внутренние развлекательно-деструктивные потребности.

Мотив пранка можно усмотреть в следующем примере судебной практики: «В Москве 02 февраля 2020 года в вагоне электропоезда молодой человек упал, имитируя внезапный приступ. При этом его сообщники выкрикивали фразы о наличии у него опасной вирусной инфекции коронавируса, провоцируя панику среди пассажиров, которые незамедлительно покинули вагон электропоезда»¹. Данный розыгрыш был заснят на видеокамеру и опубликован на видеохостинге YouTube. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктом «в» части 1 статьи 213 УК РФ.

Правоохранительными органами деяния Джаборова К. С. были квалифицированы по пункту «в» части 1 статьи 213 УК РФ. Однако, несмотря на все фактические обстоятельства, главным умыслом пранкера Джаборова являлся розыгрыш людей через проблему коронавирусной инфекции, которая является крайне острой. Реакция людей, находящихся в электропоезде, в виде испуга и паники и есть та самая цель, которую преследовал пранкер.

Пранк, как пример судебной практики, можно поставить на один уровень с квалифицирующими признаками хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. Речь идет именно о мотиве, т. к. мотив преступления является психологическим побудителем лица к совершению преступного деяния и обусловлен потребностями, интересами и эмоциями.

Пранк в рамках квалифицирующего признака соответствует мотиву преступления, который по своей конструкции является побудителем, выраженным в действиях лица, направленных на грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу.

Примером может являться статья 105 УК РФ, где умышленное убийство, совершаемое лицом, само по себе является действием, но при этом мотив убийства может быть абсолютно разным: это может быть убийство по мотивам кровной мести (пункт «е» части 2 статьи 105 УК РФ); из корыстных побуждений (пункт «з» части 2 статьи 105 УК РФ); хулиганских побуждений пункт «и» части 2 статьи 105 УК РФ) и т. д. На данном примере можно сделать вывод о том, что преступление, совершённое по мотивам кровной мести, никогда не будет совершено по мотивам политической, социальной, расовой ненависти, т. к. это разные мотивообразующие факторы.

Отдельным примером судебной практики являются события, произошедшие в Челябинске. Так, на основании судебных постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ, Центральным районным судом были оштрафованы двое мужчин Садов О. С.² и Бирюков

---

¹ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 10.02.2020 об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Джаборова Каромата // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы.

² Постановление по делу об административных правонарушениях № 5-50/2020 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска.

А. В.¹ за постановочное видео, имитирующие перемещение якобы зараженного коронавирусом человека, при этом указанные лица надели белые костюмы химической защиты, медицинские маски, организовали стрельбу в убегающего мужчину из пистолета-хлопушки, добиваясь ответной реакции граждан — испуга. Исходя из материалов дела по делам об административных правонарушениях, видно, что цель виновных была в побуждении реакции граждан в виде испуга, но при этом сцена, как и само видео, была постановочной.

От других признаков хулиганства пранк отличается наибольшей общественной опасностью, т. к. пранк, порождаемый хулиганством, является заранее спланированным и обдуманым действием, и его характерная составляющая направлена на наиболее тревожные темы общества, которые в дальнейшем опубликовываются на видеохостингах для всеобщего социального обозрения.

С позиции криминологии сюжет пранка является гласным и открытым, он всегда доступен к просмотру в сети Интернет и на сегодняшний день не имеет информационной маркировки, а также в связи с правовыми пробелами федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также не соответствующим понятийным аппаратом, у государственных компетентных органов в сфере информационной безопасности нет возможности в полном объеме ограничивать население, в том числе несовершеннолетних, от информации пранка в сети Интернет, которая может негативно отразиться на развитии социально-нравственных ценностей населения.

Доводы гласности и открытости пранка подтверждает очередной пример судебной практики. Так, Центральным районным судом г. Тюмени было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, по части 1 статьи 20.1 КоАП РФ, в рамках которого был арестован на пять суток блогер Асямов Н. А.² за участие в инсценировке событий, связанных с распространением вирусного заболевания, в рамках которых один из участников постановки, притворившись зараженным коронавирусом, убегает от двух молодых людей в «защитных костюмах» и противогазах, а молодые люди, в свою очередь, должны его догнать и оцепить территорию. Асямов Н. А. выступал в качестве оператора, снимал происходящее на видеокамеру.

События, указанные в данном постановлении по делу об административном правонарушении, не соответствуют составу правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ, т. к. правовая оценка дана неверно.

Объективная сторона административного правонарушения выражается в явном неуважении к обществу, сопровождающемся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Оператор Асямов Н. А. является второстепенным лицом, а не исполнителем хулиганских действий. Немаловажно обратить внимание на отсутствие в действиях Асямова Н. А. субъективной стороны состава административ-

---

¹ Постановление по делу об административных правонарушениях № 5-51/2020 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска.

² Постановление по делу об административных правонарушениях № 5-34/2020 об административных правонарушениях // Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

ного правонарушения, т. к. в его действиях отсутствует умысел в совершении противоправного деяния.

Исходя из приведенных примеров судебной практики, становится видно, что пранк, как форма поведения, квалифицируется правоприменителем по-разному, что не позволяет реализовывать принцип законности предусмотренного как в УК РФ, так и в КоАП РФ, нет его единого толкования пранка как составообразующего признака в системе отраслей права.

Таким образом, для правильного разрешения данного правового вопроса предлагается определить точную квалификацию пранка в системе правовых отраслей.

Пранк, как мотив, выраженный в действиях, имеет составообразующий признак хулиганства, тем самым должен быть включён и отражён в пункте «г» части 1 статьи 213 УК РФ.

Если перед правоприменителем стоит вопрос о правильности квалификации деяний по мотиву пранка между частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ и статьи 213 УК РФ, то должны применяться положения статьи 213 УК РФ. Поскольку пранк обладает наивысшей степенью общественной опасности, способен приводит к общественно опасным последствиям. Пранк, как мотив, получил широкую огласку и возбудил общественное негодование, он не соответствует общепринятым социальным нормам, дестабилизирует общественную безопасность и общественный порядок, наносит урон личности, обществу и государству.

Основанием признания пранка составообразующим признаком хулиганства является социальная необходимость, обоснованная судебной практикой, которая базируется на новой группе общественных отношений, основанных на развитии экономических и технических процессов.

Примером следования современным тенденциям является внесение в УК РФ ответственности за фейки о коронавирусе, которая была закреплена в статье 207.1. Данное правовое новшество является примером современности и соответствия текущей социальной действительности, которое должно применяться в рамках совершенствования уголовного закона.

В нашем обществе необходимо вести целенаправленную борьбу со всеми вытекающими негативными последствиями пранка, которые потребуют его дальнейшей криминализации. Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «существенным фактором, определяющим объем и характер криминализации посягательств на права граждан, является характер и степень общественной опасности посягательств, которые, в свою очередь, зависят от тяжести вреда, причиняемого этими посягательствами, от степени их распространенности и от их динамики» [3, с. 255].

Криминализация пранка даст возможность признать его квалифицирующим признаком статьи 213 УК РФ, что в дальнейшем позволит уголовному закону, в силу современных тенденций, надлежащим образом реализовывать задачу по охране прав и свобод человека и гражданина.

Для правильного разрешения данной правовой проблемы предлагается на законодательном уровне:

1. Установить пранк составообразующим признаком преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. Термин «пранк» изложить как «мотив шутки, розыгрыша». Данные дополнения отразить в постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике

по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

2. Пранк отразить в пункте «б» статьи 213 УК РФ и изложить в следующей редакции: «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы либо по мотивам шутки, розыгрыша».

Автор полагает, что в указанных выше нормах закона мотив пранка необходимо изложить именно как «мотив, шутки, розыгрыша», поскольку допущение иностранных слов в УК РФ является необоснованным, когда есть общеупотребительные аналоги слов в современном русском литературном языке. Нормы статей УК РФ не должны состоять из иностранных слов.

Внесенные дополнения позволят установить единую квалификацию и не допустить правовую коллизию между статьей 213 УК РФ и статьей 20.1 КоАП РФ по вопросу пранка, а также не допустят применения правоприменителем уголовного закона по аналогии.

Пранк, как составообразующий признак, отраженный в ст. 213 УК РФ, позволит установить допустимую границу нравственно-дозволенного поведения видеоблогеров и лиц, чей интерес основан на записи видеороликов в общественных местах в присутствии граждан. Страх уголовного наказания, который является более суровым по сравнению с административным наказанием, позволит удержать социальные массы от практики пранка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кругликов Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманит. науки. — 2007. — № 1. — С. 56—64.
2. Горбунова Л. В. Обстоятельства, отягчающие наказание, по уголовному законодательству России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2003. — 183 с.
3. Кудрявцев В. Н. Основания уголовно-правового запрета / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин. — М.: Наука, 1982. — 304 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kruglikov L. L. Qualifying indicia as a means of differentiation of criminal liability: modern condition // Bulletin of the Yaroslavl state University. P. G. Demidov. Series "Humanities" 2007. No. 1. P. 98.
2. Gorbunova L. V. Circumstances that aggravate punishment under the criminal legislation of Russia and foreign countries: extended abstract of Cand. of Law Dissertation, Samara. 2003. P. 183.
3. Kudryavtsev V. N.; Dagal P. S; Zlobin G. A; Kelin S. G; Krieger G. L // Bases of criminal law prohibition. M.: Nauka – P. 304.

Рогова Евгения Викторовна

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, доцент
E-mail: rev-80@yandex.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna

Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Irkutsk Legal Institute (branch) of the University of Public Prosecutions of the Russian Federation
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: rev-80@yandex.ru

Гайдай Мария Константиновна

начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России доктор социологических наук, доцент
E-mail: mkgfip@mail.ru

Gaidai Maria Konstantinovna

Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
E-mail: mkgfip@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Введение: в статье рассматриваются теоретические вопросы относительно уголовной ответственности несовершеннолетних, как особой категории правонарушителей, требующей повышенного внимания, обусловленного принципом гуманизма уголовного законодательства, а также спецификой их личности.

Материалы и методы: нормативную основу образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, регулирующие вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних. Методологической основой исследования послужил диалектический метод познания социальных явлений и процессов, позволяющий рассматривать их в постоянном изменении и развитии. В ходе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания социальной действительности.

Результаты исследования: авторами получены результаты, заключающиеся в том, что при определении уголовной ответственности несовершеннолетних следует исходить из общего понятия уголовной ответственности, относительно которого имеются различные подходы в доктрине уголовного права, начиная с исследования советского этапа развития отечественного уголовного законодательства, что обусловлено отсутствием легального её определения. При применении общего понятия уголовной ответ-

ственности основываться на том, что существуют определенные особенности таковой применительно к несовершеннолетним.

Выводы и заключения: в ходе исследования авторы приходят к обоснованному выводу о наличии особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, которые заключаются в наличии альтернативы уголовной ответственности — принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых в случае освобождения от нее; наличии возможности освобождения лиц, не достигших совершеннолетия и совершивших преступление, от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия; сокращенный перечень наказаний, которые могут быть назначены подросткам; их сроки и размеры и т. п.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, наказание, принудительные меры воспитательного воздействия.

THEORETICAL AND LEGAL INTERPRETATION OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF JUVENILES

Introduction: the article discusses theoretical issues regarding the criminal responsibility of juveniles, as a special category of offenders requiring increased attention, due to the principle of humanism of criminal legislation, as well as the specifics of their personality.

Materials and Methods: the regulatory framework is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation governing the issues of responsibility of juveniles. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social phenomena and processes, which makes it possible to consider them in constant change and development. In the course of the research, general scientific and specific scientific methods of cognition of social reality were used.

Results of the Study: the authors obtained results that the definition of criminal responsibility of minors should be based on the general concept of criminal liability, regarding which there are different approaches in the doctrine of criminal law, starting with a study of the Soviet stage of the development of domestic criminal legislation, which is due to lack of its legal definition. When applying the general concept of criminal liability, one should proceed from the fact that there are certain peculiarities of such in relation to minors.

Findings and Conclusions: during the study, the authors have come to a reasonable conclusion about the existence of peculiarities of criminal liability of minors, which consist in the presence of an alternative to criminal liability — compulsory measures of educational influence applied in case of release from it; the possibility of releasing persons who have not reached the age of majority and who have committed a crime from criminal punishment with the use of compulsory educational measures; a reduced list of punishments that can be assigned to adolescents; their terms and sizes, etc.

Keywords: criminal responsibility, minors, punishment, compulsory measures of educational influence.

В настоящее время вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних находятся в поле зрения повышенного внимания как со стороны государства, так и со стороны общественности. Такое положение неслучайно, оно обусловлено рядом объективных обстоятельств, среди которых, прежде всего, необходимо выделить то, что несовершеннолетние лица являются будущим нашей страны, от них зависит дальнейшее развитие общественных отношений. Бесспорно, что государство в лице правоохранительных органов должно выбирать гуманный подход к такой категории лиц. Совершение же правонарушений подростками с большой вероятностью свидетельствует о наличии серьезных проблем в социальном, экономическом, культурном состоянии общества.

Кроме того, необходимо отметить, что вопросы, касающиеся понимания и содержания уголовной ответственности несовершеннолетних, нельзя признать полностью изученными. Сама категории уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленная в действующем уголовном законодательстве, с учетом отсутствия серьезных теоретических её проработок, послужила основанием для возникновения ряда научных дискуссий.

Основные идеи, а также содержательные стороны уголовной ответственности несовершеннолетних базируются на общем понятии уголовной ответственности. Будучи одним из основополагающих понятий уголовно-правовой науки, категория уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), тем не менее, так же, как и её содержательные характеристики, отсутствует.

В связи с отсутствием законодательного закрепления определения «уголовная ответственность» учеными уделяется существенное внимание дефиниции данного понятия. Существующие позиции относительно понимания уголовной ответственности могут быть сведены в следующие группы.

Во-первых, это отождествление понятий уголовной ответственности и уголовного наказания. Такой подход был характерен для советского этапа развития уголовного законодательства. Еще в далекие 60-е годы XX в. учение полагали, что «уголовная ответственность — это мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающаяся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного и имущественного характера» [18, с. 318]. При таком понимании уголовная ответственность сводится к уголовному наказанию. А ключевым моментом в содержании уголовной ответственности при таком подходе являются лишения (отрицательные последствия), которым подвергается преступник. В научной литературе данная позиция нередко подвергается критике по разным основаниям. И. С. Ной указывал на то, что при рассматриваемой интерпретации данного понятия существенно сужается его объем и отсутствует такая черта (по мнению автора, весьма существенная), как осуждение лица государством за совершённое им преступление. Сущность уголовной ответственности, по мнению автора, заключается в осуждении лица, в вынесении ему обвинительного приговора, от имени государства, а применение санкций — это лишь одна из форм уголовной ответственности, но не раскрывающая её сущности в полной мере [10, с. 41].

Критикуя идею сведения уголовной ответственности к уголовному наказанию, А. В. Наумов указывает на то, что «среди принудительных мер уголовно-правового характера главное место занимает, конечно же, наказание, которое и составляет основное содержание уголовной ответственности. Однако уголовная ответственность и наказание — это не совпадающие понятия. Уголовная ответственность подразделяется на наказание и иные меры уголовно-правового характера (например, принудительные меры медицинского характера), не являющиеся наказанием» [9, с. 245—246]. Понятие «уголовная ответственность» шире и включает наказание как составную часть. Близость данных понятий, как и их уникальность и несводимость одного к другому, подчеркивается рядом авторов [19, с. 71—77]. В действующем УК РФ также имеется идея разведения данных понятий, что проделано при изложении оснований освобождения от уголовной ответственности и оснований освобождения от наказания в разных главах уголовного закона (главы 11 и 12 УК РФ).

Согласно второй позиции, в трактовке сущности данного понятия, уголовная ответственность — это обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное в соответствии с уголовным законом [7, с. 39; 8, с. 92]. Еще в свое время А. А. Пионтковский утверждал, что «уголовная ответственность есть обязанность лица нести за совершённое преступление определенный личный или имущественный ущерб, указанный в санкции соответствующей статьи уголовного закона» [12, с. 40]. По этому поводу

А. А. Чистяков отмечает, что «под негативной уголовной ответственностью следует понимать обязанность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть неблагоприятные для него последствия в виде мер уголовно-правового характера, предусмотренных законом, применяемых специально на то уполномоченными органами» [17, с. 79].

В этой связи уместно привести позицию А. И. Рарога, который подчеркивает, что уголовная ответственность «выражается именно в обязанности лица, совершившего преступление, дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом» [14, с. 64].

Однако данная позиция также имеет критиков. Так, В. С. Прохоров высказывался о том, что уголовная ответственность не равнозначна уголовно-правовому запрету, т. е. установленной в уголовном законе обязанности [13, с. 32—33].

Согласно третьей позиции, уголовная ответственность сводится к уголовно-правовому отношению, когда уголовная ответственность представляет собой взаимные отношения, складывающиеся у государства и лица, нарушившего уголовный закон, т. е. преступника [1, с. 8; 4, с. 39; 6, с. 16; 11, с. 16]. Например, И. Я. Козаченко понятие уголовной ответственности трактует через понятие правоотношения [15, с. 112]. Или В. Д. Дуюнов видит уголовную ответственность как «карательное уголовно-правовое отношение, возникающее в связи с совершением преступления между государством, установившим уголовно-правовую норму, и нарушившим её лицом, складывающееся из предусмотренных законом и определенных приговором суда взаимных прав и обязанностей его сторон, направленных на утверждение социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений» [2, с. 27]. Однако

отождествление целей уголовного наказания и уголовной ответственности не совсем верно, ведь объем этих понятий разнится, и цели, соответственно, тоже.

Отчасти критикуя позицию, при которой уголовная ответственность сводится к правовому отношению, урегулированному уголовным законом, С. А. Жовнир заявляет, что реализация уголовной ответственности действительно происходит в рамках правоотношений. Но ответственность не совпадает с правоотношением по содержанию, ввиду того, что одна из сторон таких отношений (преступник) обязывается претерпеть лишения за совершённое деяние. Важным является тот факт, что, по мнению автора, ответственностью является фактическое претерпевание установленных законом лишений, а не просто обязанность их претерпеть. Уголовная ответственность, таким образом, есть часть правоотношения, и начинается она с момента вступления приговора суда в законную силу [3, с. 22].

Небезынтересна трактовка уголовной ответственности, как сложного социально-правового последствия преступления, основанного на обязанности лица претерпеть принудительную силу государственного аппарата [16, с. 22]. Здесь важно сказать о том, что понятие уголовной ответственности не может и не должно сводиться к юридической обязанности. В этом плане авторы уверены в том, что «в момент совершения преступления возникает не уголовная ответственность, а лишь обязанность её понести» [5, с. 32]. Ведь лицо, совершившее преступление и имевшее обязанность претерпевать лишения и ограничения, может быть и не привлечено к ответственности по ряду как субъективных, так и объективных причин и обстоятельств.

Переходя непосредственно к рассмотрению вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних, заметим, что уголовно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних не являются основными. На преступность лиц, не достигших возраста совершеннолетия, так же, как и на преступность взрослого населения, непосредственное влияние оказывают такие социально-экономические и культурно-ценностные факторы, как жесткая дифференциация общества по экономическому признаку, низкий уровень жизни населения страны, подмены исконно русских, в том числе привычных советских ценностей псевдоаналогами западной культуры, в том числе молодежной субкультуры, усиления этнических конфликтов, мутации традиционной семьи и снижения её роли в воспитании подрастающего поколения, и, как следствия, небрежного воспитания несовершеннолетних. Особого внимания в этом контексте заслуживают превентивные меры воспитательного и иного социально-психологического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Однако в случае совершения лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, преступного деяния возникает необходимость привлечения его к уголовной ответственности. В УК РФ предусмотрено несколько вариантов реакции государства на совершение преступления несовершеннолетним. Во-первых — это привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ст. 87 УК РФ) и назначение ему наказания (ст. ст. 88, 89 УК РФ); во-вторых — освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. ст. 90, 91 УК РФ) или от наказания (ст. ст. 92, 93 УК РФ). Основными критериями наступления или ненаступления уголовно-правовой ответственности выступают: возраст лица, совершившего преступление, а также степень тяжести инкриминируемого ему деяния.

Уголовной ответственности несовершеннолетних посвящен одноименный раздел УК РФ, в котором глава 14 (ст.ст. 87—96 УК РФ) содержит особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

Возникая в связи с совершением лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, преступного деяния уголовная ответственность несовершеннолетних является собой социально-правовые последствия, базирующиеся на закрепленной в уголовном законе обязанности несовершеннолетнего лица отвечать за содеянное.

На основании изложенного, определим признаки уголовной ответственности несовершеннолетних, к которым относятся: связь уголовной ответственности с государственным принуждением; уголовная ответственность представляет собой государственное осуждение (порицание) противоправного деяния несовершеннолетнего; отрицательные последствия для несовершеннолетнего, виновного в совершении преступления.

Основания и принципы уголовной ответственности несовершеннолетних одинаковы с принципами, ориентированными на взрослых, но с учетом возрастной, психофизической и иной специфики их личности. За большинство преступлений, закрепленных в УК РФ, уголовная ответственность наступает с 16 лет, и за исчерпывающий перечень преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, — с 14 лет.

Отметим основные моменты, касающиеся уголовной ответственности лиц, не достигших восемнадцатилетия. Так, в соответствии со ст. 87 УК РФ нормы главы 14 УК РФ применимы к тем лицам, которым на момент совершения преступного деяния восемнадцать лет не исполнилось. В то же время, даже если в момент предъявления обвинения и вынесения приговора наступит совершеннолетие, тем не менее, будут применяться правила указанной главы.

Уголовное наказание является одной из наиболее распространенных и типичных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним. Очевидно, что в условиях совершения подростком преступления возникает вопрос о возможности применения к нему уголовного наказания, особенно если речь идет о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В такой ситуации нельзя недооценивать роль уголовного наказания. При этом обратим внимание на то, что действующее уголовное законодательство не содержит каких-либо специфических целей наказания несовершеннолетних. Они в полной мере совпадают с целями наказаний, применяемых к взрослым преступникам.

С учетом особенностей личности, присущих несовершеннолетним, обусловленных их возрастным, психологическим развитием, для них установлена система наказаний, состоящая из шести видов, что значительно меньше, чем для взрослых преступников. При этом УК РФ не предусматривает специальных видов наказания, которые применялись бы только к несовершеннолетним. В ч. 1 ст. 88 УК РФ предусмотрен исчерпывающий перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, согласно которому несовершеннолетним лицам, виновным в совершении преступления, могут быть назначены штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. Также следует обратить внимание на некоторые особенности, заключающиеся в установлении менее продолжительных сроков и меньших размеров видов наказаний, которые применяются к несовершеннолетним. Это можно проиллюстри-

ровать на примере исправительных работ. Взрослым преступникам данный вид наказания назначается на срок от двух месяцев до двух лет, а несовершеннолетним — от двух месяцев до одного года.

Далее следует сказать о том, что в случае установления того, что исправление несовершеннолетнего преступника возможно без привлечения его к уголовной ответственности, а также при наличии определенных обстоятельств, закон предусматривает альтернативу уголовной ответственности для лиц, не достигших совершеннолетия, в качестве которой выступают принудительные меры воспитательного воздействия. Данное обстоятельство способствует расширению принципа индивидуализации и позволяет учитывать психовозрастные и индивидуально-личностные характеристики лица, совершившего преступление. Кроме того, принудительные меры воспитательного воздействия являются альтернативой и уголовному наказанию. Другими словами, такие меры уголовно-правового характера могут быть применены к несовершеннолетним лицам, виновным в совершении преступления, при их освобождении как от уголовной ответственности, так и при освобождении от наказания.

При достижении несовершеннолетним возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, когда во время совершения общественно опасного деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Применение положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам в возрасте 18—20 лет в исключительных случаях с учетом характера совершённого деяния и личности (ст. 96 УК РФ) на практике к числу таких исключительных случаев суд относит сложные условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, тяжелое семейное положение, определенное отставание в психическом и умственном развитии совершеннолетнего лица в возрасте от 18 до 20 лет. Так, Московским городским судом было отказано в удовлетворении жалобы осуждённого К., который выражает несогласие с приговором районного суда, утверждает о чрезмерной суровости назначенного ему наказания, при этом указывает на то, что полностью признал свою вину, активно способствовал раскрытию преступления, а также ссылается на свой молодой возраст, что, по мнению осуждённого, давало возможность суду воспользоваться положениями ст. 96 УК РФ.

В этой связи в постановлении Московского городского суда указано на то, что наказание К. назначено судом в соответствии с требованиями ст.ст. 6, 60 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности осуждённого, который на учете в НД и ПНД не состоит, по месту жительства жалоб на него не поступало, официально не работает: также судом учтено признание им вины и раскаяние в содеянном, а также то обстоятельство, что по его ходатайству дело рассмотрено в особом порядке.

С учетом тяжести и характера содеянного суд не усмотрел оснований для назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы и, соответственно, оснований для применения положений ст. 73 УК РФ.

Активного способствования К. раскрытию преступления, о чем указано в надзорной жалобе, судом не установлено, как и не установлено отягчающих его наказание обстоятельств, в связи с чем его довод о необоснованном признании судом в качестве отягчающего его наказания обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, был признан несостоятельным.

В связи с изложенным, а также с учетом доводов, содержащихся в надзорной жалобе, необходимо отметить, что применение положений ст. 96 УК РФ является правом, а не обязанностью суда.

По своему виду и размеру назначенное наказание соответствует содеянному и личности осуждённого и несправедливым вследствие чрезмерной суровости, как об этом утверждает осуждённый К. в надзорной жалобе, не является¹.

Подводя итоги, отметим, что специфическими чертами уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, являются: меньшее в сравнении со взрослыми преступниками число видов уголовных наказаний, сокращенные сроки и размеры наказаний; наличие альтернативы уголовной ответственности и наказанию — возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия; иной, в сравнении со взрослыми преступниками порядок назначения уголовных наказаний, который обуславливается также и учетом обстоятельств, которые предшествовали, а также способствовали совершению деяния, нарушающего уголовный закон; наличие возможности освобождения лиц, не достигших совершеннолетия и совершивших преступление от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия; особые условия применения условно-досрочного освобождения несовершеннолетних от отбывания наказания; отличия имеются в сроках давности преступления, совершённого несовершеннолетним, а также в сроках погашения судимости; возможность применения норм, относящихся к несовершеннолетним, к лицам в возрасте от 18 до 20 лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2004. — 17 с.
2. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. — М., 2003. — 520 с.
3. Жовнир С. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. — 2006. — № 3. — С. 21—25.
4. Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности // Советское государство и право. — 1967. — № 7. — С. 39—46.
5. Звечаровский И. Э. Уголовная ответственность. — Иркутск, 1992. — 44 с.
6. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. — Томск, 1987. — 232 с.
7. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. — М., 1974. — 232 с.
8. Курляндский В. И. О сущности и признаках уголовной ответственности // Советское государство и право. — 1963. — № 11. — С. 90—93.

---

¹ Постановление Московского городского суда от 02.10.2012 № 4у/8-8100 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 01.03.2021).

9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лек. — М., 1996. — 560 с.
10. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Политико-юридическое исследование. — Саратов, 1973. — 193 с.
11. Петрашев В. Н. Гуманизация системы наказаний в советском уголовном праве. — Ростов н/Д., 1988. — 144 с.
12. Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. — 1967. — № 12. — С. 40—48.
13. Прохоров В. С. Преступление и уголовная ответственность: основные методологические и теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1987. — 36 с.
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А. И. Рарога. — М., 2008. — 704 с.
15. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2013. — 576 с.
16. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог и др.; под ред. А. И. Рарога. — М., 2012. — 288 с.
17. Чистяков А. А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем её основание: дис. ... д-ра юрид. наук. — Рязань, 2003. — 406 с.
18. Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. Вопросы теории права. — М., Госюриздат, 1961. — 381 с.
19. Яценко Б. В. Уголовная ответственность и наказание как средство разрешения социальных противоречий // Проблемы наказания по законодательству России и зарубежных стран: мат-лы межвуз. науч. конф. — М., 1999. — С. 71—77.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vedmid S. E. Problems of the implementation of criminal responsibility: dis. ... cand. jurid. sciences'. - Krasnoyarsk, 2004. - 17 p.
2. Duunov V. K. Criminal legal impact: theory and practice. - M., 2003 — 520 p.
3. Zhovnir S. On the concept of criminal responsibility // Criminal law. - 2006. - No. 3. - pp. 21-25.
4. Zagorodnikov N. I. On the limits of criminal liability // The Soviet state and law. - 1967 - No. 7. - pp. 39-46.
5. Zvecharovsky I. E. Criminal liability. - Irkutsk, 1992. - 44 p.
6. Kozachenko I. Ya. Sanctions for crimes against life and health. - Tomsk, 1987 — 232 p.
7. Karpushin M. P., Kurlandsky V. I. Criminal responsibility and the composition of a crime. - M., 1974 — 232 p.
8. Kurlyandsky V. I. On the essence and signs of criminal responsibility // The Soviet State and law. - 1963. - No. 11. - pp. 90-93.
9. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: the course of lek. - M., 1996 — 560 p.
10. Noah I. S. The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state. Political and legal research. - Saratov, 1973 — 193 p.
11. Petrashev V. N. Humanization of the system of punishments in the Soviet criminal law. - Rostov n/A, 1988 — 144 p.
12. Piontkovsky A. A. On the concept of criminal responsibility // The Soviet state and law. - 1967. - No. 12. - pp. 40-48.
13. Prokhorov V. S. Crime and criminal responsibility: basic methodological and theoretical problems: abstract of the dissertation of Dr. Jurid. sciences. - L., 1987 — 36 p.

14. Criminal law of Russia. Parts General and Special / Edited by A. I. Rarog. - M., 2008 — 704 p.
15. Criminal law. General part / ed. by I. Ya. Kozachenko. 5th ed., reprint. and dop. - M., 2013 — 576 p.
16. Criminal legal impact: a monograph / G. A. Esakov, T. G. Poniatovskaya, A. I. Rarog, etc.; edited by A. I. Rarog. - M., 2012. - 288 p.
17. Chistyakov A. A. Theoretical and methodological problems of the doctrine of angular responsibility and the mechanism that forms its basis: dis. ... Dr. jurid. sciences'. - Ryazan, 2003. - 406 p
18. Shargorodsky M. D., Ioffe O. S. Questions of the theory of law. - M., Gosyurizdat, 1961 — 381 p.
19. Yatselenko B. V. Criminal responsibility and punishment as a means of resolving social contradictions / / Problems of punishment under the legislation of Russia and foreign countries: mat-ly mezhvuz. scientific conf. - M., 1999. - pp. 71-77.

Скопинцева Валерия Викторовна
инспектор отдела специального учета
ГУФСИН России по Кемеровской
области – Кузбассу,
адъюнкт Академии ФСИН России
E-mail: Kucher22v@mail.ru

Skopintceva Valeriya Victorovna
Inspector of the Special Records
Department of the main office for
Kemerovo region of the
Federal Penitentiary service of Russia,
Postgraduate student of the Academy of the
Federal Penitentiary service of Russia
E-mail: Kucher22v@mail.ru

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА О ПОМИЛОВАНИИ

Введение: в реалиях современности важнейшим институтом, стимулирующим правопослушное поведение лиц, совершивших преступление и осуждённых к лишению свободы, является институт помилования.

Институт помилования в Российской Федерации на сегодняшний день функционирует малоэффективно, и в этом безусловная актуальность данной проблемы, о чём убедительно свидетельствуют данные статистики среди помилованных лиц. В статье рассмотрены аспекты, акцентирующие внимание на ресоциализации осуждённых и их постпенитенциарной адаптации.

Между тем неотъемлемой частью деятельности уголовно-исполнительной системы является работа по подготовке материалов о помиловании, своевременное направление ходатайств в комиссию по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации. В статье подробно рассмотрены обстоятельства, которые принимаются во внимание для рассмотрения ходатайства о помиловании осуждённых, детально рассмотрен процесс подготовки документов, необходимых для подачи ходатайства о помиловании осуждённых. Формулируется вывод о том, что российское законодательство в сфере помилования регламентирует не все вопросы, а необходимые условия для рассмотрения ходатайства о помиловании носят рекомендательный характер, требуют совершенствования правового регулирования института помилования в целом.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, Указ Президента, регламентирующий порядок рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к процедуре помилования, раскрыть содержание и практическое значение обстоя-

тельств, которые принимаются во внимание для рассмотрения ходатайства о помиловании.

Выводы и заключения: проанализированные положения порядка рассмотрения ходатайств о помиловании позволяют заложить надежный фундамент для дальнейшего совершенствования в России правового регулирования института помилования.

Ключевые слова: осуждённый, ходатайство о помиловании, уголовно-исполнительная система, исполнение наказания, степень общественной опасности.

NECESSARY CONDITIONS FOR THE CONSIDERATION OF CLEMENCY PETITION

Introduction: in the realities of our time, the most important institution that encourages law-abiding behavior of persons who have committed a crime and are sentenced to imprisonment is the institution of pardon.

The institution of pardon in the Russian Federation today functions ineffectively, and this is the absolute urgency of this problem, which is convincingly evidenced by the statistics among pardoned persons. The article considers aspects that focus on the resocialization of convicts and their post-penitentiary adaptation.

Meanwhile, an integral part of the activities of the penitentiary system is the work on the preparation of pardon materials, the timely submission of petitions to the pardon commission on the territory of a constituent entity of the Russian Federation. The article describes in detail the circumstances that are taken into account for the consideration of a petition for clemency of convicted persons, the process of preparing the documents necessary for filing a petition for clemency of convicted persons is considered in detail.

It is concluded that the Russian legislation in the field of pardons does not regulate all issues, and the necessary conditions for considering a petition for clemency are advisory in nature, therefore, they require improving the legal regulation of the institution of pardons in general.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and penal enforcement legislation, Presidential Decrees regulating the procedure for considering petitions for clemency in the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed us to clarify certain provisions related to the pardon procedure, to reveal the content and practical significance of the circumstances that are taken into account for the consideration of the petition for clemency.

Findings and Conclusions: the analyzed provisions of the procedure for considering applications for clemency allow us to lay a solid foundation for further improvement of the legal regulation of the institution of clemency in Russia.

Keywords: convicted person; petitions for clemency; penal system, execution of punishment, degree of public danger

Согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, (далее — УИК РФ) основной целью уголовно-исполнительной системы является исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами.

Следует отметить, что исправление осуждённых — это цель не только уголовно-исполнительного законодательства, а всего общества в целом и, конечно, государства. Исправление выражает собой базовую, концептуальную идею, заложенную в институте наказания. Понятие «исправление осуждённых» конкретизируется в уголовно-исполнительном законодательстве (статья 9 УИК РФ) [2, с. 10].

Концепция исправления основана на социологическом подходе, т. е. на постулате об обусловленности человеческого поведения факторами социальной среды и, следовательно, возможности корректирующего воздействия на него извне.

Очевидно, все эти цели связаны с достижением определённых, позитивных, с точки зрения законодателя, результатов, выражают стремление к устранению правового и социального конфликта, вызванного преступлением.

В реалиях современности институт помилования носит исключительный характер, но, несмотря на чрезвычайно редкое использование помилования Президентом России, помилование оказывает стимулирующее воздействие на правопослушное поведение лиц, совершивших преступление и осуждённых к лишению свободы.

На протяжении последних нескольких лет проблема помилования стала устойчивым и привычным приоритетом в повестке дня российского государства, что заслуживает всё более пристального внимания.

В Российской Федерации институт помилования является одним из направлений государственного регулирования и, соответственно, неотъемлемой составной частью уголовной политики.

Неотъемлемой частью деятельности уголовно-исполнительной системы является работа по подготовке материалов о помиловании, своевременное направление ходатайств в комиссию по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации.

По состоянию на 1 января 2021 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482 888 чел. (-41 040 чел. к 01.01.2020) [11]. В 2020 году в Российской Федерации Президент помиловал четырех человек [10] (указ о помиловании Иссасхар Н. от 29.01.2020 № 67, указ о помиловании Петрашова П. Н. от 14.02.2020 № 127, указ о помиловании Плетневой Р. М. от 14.02.2020 № 128, указ о помиловании Чернышовой М. П. от 14.02.2020 № 129). Доля помилованных от общего числа лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, равно 0,08 % (табл. 1).

Таблица 1

Количество помилованных лиц по отношению к осуждённым, отбывающим наказание в виде лишения свободы					
Категория лиц	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Осуждённые	630 144	602 176	563 167	523 928	482 888
помилованные	6	4	5	7	4
%	0,1	0,06	0,09	0,13	0,08

Данные приведённой статистики среди помилованных лиц свидетельствуют о том, что институт помилования на сегодняшний день функционирует малоэффективно. Например, в 2002 году Президент подписал 183 указа о помиловании, в 2003 году — 283, однако, начиная с 2004 года, количество помилованных в России стало вновь существенно снижаться. Значительные изменения в практике применения помилования свидетельствует о необходимости совершенствования механизма, обеспечивающего эффективность осуществления помилования. В этой связи актуальным является детальное теоретическое изучение и исследование условий, необходимых для стабильности применения помилования в долгосрочной перспективе.

Важно отметить, что с 2020 года начинается очередной этап в практике применения помилования в России. 14.12.2020 Президент Российской Федерации подписал Указ № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (далее — Положение о порядке рассмотрения ходатайств).

Так, в п. 21 Положения о порядке рассмотрения ходатайств приведён перечень обстоятельств, которые принимаются во внимание для рассмотрения ходатайства о помиловании.

Рассмотрим каждый из указанных критериев в отдельности.

1. Характер и степень общественной опасности совершённого преступления.

Так, в целях обеспечения правильного и единообразного применения закона Пленум Верховного суда Российской Федерации постановлением от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» даёт следующие разъяснения: характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного.

Оценка тяжести совершённого преступления основывается на ценности объекта, на который направлено деяние, т. е. суд при назначении наказания фактически оценивает не общественную опасность как таковую, а первичное последствие преступления, которое характеризует общественную вредность деяния, поддающуюся любым измерениям [9, с. 20]. Вместе с тем в теории уголовного права содержание понятий «характер и степень общественной опасности преступления» раскрывается неоднозначно.

Ю. А. Демидов рассматривает характер общественной опасности следующим образом: «Степень ценности объекта при прочих равных условиях определяет степень общественной опасности посягательства на него. Чем ценнее объект, тем более опасным при прочих равных условиях является преступное посягательство на него» [3, с. 123].

Одни учёные [3, с. 73] исследуют понятие «степень общественной опасности» с разных позиций, другие рассматривают характер и степень общественной опасности во взаимосвязи [8, с. 33].

На наш взгляд, целесообразно рассматривать степень и характер общественной опасности в совокупности данных понятий. Так, по высказыванию И. Я. Козаченко, «ответственность, тем более уголовная, не может быть неопределённой, равно как и безмерной» [4, с. 221].

В 1992 году был издан Указ Президента Российской Федерации от 12.01.1992 № 17 «О Комиссии по вопросам помилования», на основании которого сформировалась Комиссия по помилованию при Президенте Российской Федерации в количестве, в которую вошло 17 человек из представителей российской интеллигенции [10]. Комиссия выносила коллегиальное решение о помиловании голосованием.

На помилование могли рассчитывать заключённые, которые отбыли половину срока, но только в том случае, если администрация колонии давала им положительную характеристику, учитывались обстоятельства преступления, тяжёлая болезнь заключённого, наличие у него несовершеннолетних детей.

Списки претендентов на помилование направляли Президенту страны. Согласно Конституции России, помилование — это исключительное право главы государства. Президент не связан какими-либо законодательными рамками и может принять или не принять во внимание любые обстоятельства, характер преступления, личность осуждённого, ход процесса, мнение общественности и многое другое. Президент может согласиться с доводами о помиловании или без всяких объяснений отвергнуть их.

За 9 лет работы Комиссия по помилованию рассмотрела 69 тыс. 856 судебных дел осуждённых. Из них помиловано 12 тыс. 856 приговорённых к смертной казни. 57 тыс. осуждённых получили смягчение приговора или были освобождены. В декабре 2001 года Комиссия по помилованию была упразднена.

Смертную казнь, назначенную, например, за квалифицированное убийство, можно было заменить пожизненным или срочным лишением свободы. Какие же критерии следует учитывать при оценке характера и степени общественной опасности совершённого осуждённым преступления при применении к нему помилования? Вероятно, чем выше характер и степень общественной опасности содеянного, тем весомее должны быть исключительные обстоятельства, служащие основанием для применения помилования к осуждённому [15, с. 25].

Таким образом, единообразия при определении содержания характера и степени общественной опасности в теории уголовного права и юридической практике не наблюдается.

2. Поведение осуждённого во время отбывания или исполнения наказания.

Администрация исправительного учреждения обеспечивает отбывание осуждённым наказания, действует в рамках права — требования к нему с целью добиться законопослушного поведения и исправления его личности, чтобы обеспечить непреступное поведение после освобождения из мест лишения свободы и правомерное поведение в условиях изоляции [17, с. 17].

Важно отметить, что поведение осуждённого, т. е. определённый сложившийся образ взаимодействия с окружающей средой, а в данном случае — с режимом отбывания наказания, который включает в себя все средства воздействия на осуждённого, составляющие принуждение при исполнении наказания, должно определяться способностью изменять свои действия под влиянием внутренних и внешних факторов (охрану, надзор, меры предупреждения, безопасности).

При подготовке материалов о помиловании учитывается поведение осуждённого в период отбывания наказания, его отношение к труду, соблюдение режимных требований учреждения, исполняющего наказание.

В исправительном учреждении осуждённый становится частью социальной среды, в которой время нахождения исчисляется сроком наказания.

При подготовке материалов о помиловании на осуждённого составляется подробная характеристика (в том числе психологическая), в которой отражается поведение осуждённого, его отношение к труду, взаимоотношения в коллективе, полезные социальные связи, общение с родственниками, друзьями, семьёй. В результате в характеристике делается вывод о том, как осуждённый характеризуется: положительно либо отрицательно.

Вместе с тем в условиях специфики пенитенциарной среды поведение осуждённого должно обладать способностью изменяться в лучшую сторону.

3. Срок отбытого (исполненного) наказания.

Общие правила исчисления сроков наказания и зачёта наказания регламентированы ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, начало срока исчисляется с даты приговора суда, вступившего в законную силу, а в случае, когда в отношении лица избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, то время содержания лица под стражей до вступления приговора суда засчитывается в срок лишения свободы.

При написании ходатайства о помиловании осуждённый всегда указывает дату написания такого ходатайства. Срок отбытого наказания — это время от начала срока наказания до даты, когда осуждённый подписал ходатайство о помиловании. Именно этот промежуток времени учитывается и принимается во внимание для рассмотрения ходатайства о помиловании. Законодатель не даёт точного и однозначного разъяснения о том, какой срок необходимо отбыть осуждённому для того, чтобы стать помилованным.

Прямой зависимости применения помилования от срока, отбытого осуждённым наказанием, нет, но чем значительнее отбытая часть наказания, тем больше оснований для применения помилования, если, помимо этого, отмечается тенденция исправления осуждённого и проявления им раскаяния, осознания вины [15, с. 23].

4. Совершение осуждённым преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения.

Действующее уголовное законодательство не содержит понятия «испытательный срок», поэтому в юридической литературе по данному вопросу высказываются различные точки зрения. Например, «испытательный срок — это контрольный период времени, в течение которого осуждённый своим поведением должен доказать своё исправление» [1, с. 161], «время, в течение которого условно осуждённый считается судимым и не должен совершать нового преступления под угрозой отмены условного осуждения» [5, с. 12].

Норвежский криминолог Нильс Кристи рассматривал наказание так: «Многие отклоняющиеся поступки представляют собой экспрессивную, неадекватную попытку что-то сказать. Пусть преступление послужит исходным пунктом для подлинного диалога, а не столь же неадекватного ответа посредством причинения боли полной мерой» [6, с. 20].

Таким образом, правовые последствия условного осуждения зависят от поведения условно осуждённого именно в период испытательного срока [12, с. 20].

5. Применение ранее в отношении осуждённого акта об амнистии, акта помилования или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

В соответствии с российским законодательством лицо, осуждённое за совершение преступления, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания или назначенное наказание заменяется более мягким на основании акта амнистии или помилования.

Амнистия и помилование отличаются друг от друга, несмотря на то, что в результате их применения всегда происходит улучшение положения осуждённого (вплоть до освобождения из мест лишения свободы).

Применение института помилования, скорее всего, будет являться нецелесообразным, если ранее в отношении осуждённого применялись акт об амнистии, акт помилования или условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

6. Возмещение материального ущерба, причинённого преступлением.

Обеспечение потерпевшему возмещения вреда, причинённого преступлением, играет важную роль в восстановлении социального порядка и является «одним из важнейших стержней системы правосудия» [16, с. 125].

Уголовно-процессуальным законом предусмотрены различные способы возмещения вреда [6, с. 148].

Законодатель не предусмотрел обязанность о возмещении причинённого вреда в полном объёме лица, которое подаёт ходатайство о помиловании.

На наш взгляд, наиболее выигрышным вариантом является ситуация, когда потерпевшая сторона поставлена в такое положение, при котором она находилась бы, если причинения вреда не имело места.

Институт возмещения материального ущерба, причинённого преступлением, в тексте уголовного закона раскрыт законодателем не полностью, т. к. его законодательная конструкция направлена лишь на защиту прав лица, совершившего преступление, но не потерпевшего от преступного посягательства.

7. Данные о личности осуждённого: состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст, возможность ресоциализации.

При подготовке пакета документов о помиловании, помимо самого ходатайства осуждённого о помиловании, администрацией исправительного учреждения готовится ряд документов, характеризующих личность осуждённого.

Анкета составляется с указанием состояния здоровья, числа судимостей, семейного положения, возраста и т. д.)

В анкете в обязательном порядке отражается информация о том, рассматривался ли ранее вопрос об условно-досрочном освобождении ходатайствующего, замене ему неотбытой части наказания более мягким, в случае положительного ответа необходимо указать — какое решение принял суд, дату судебного решения, а также полное наименование суда.

Справка о состоянии здоровья осуждённого удостоверяет факт наличия либо отсутствия какого-либо заболевания, в том числе социально значимого, а именно: туберкулёз, гепатит В, С, ВИЧ, злокачественные новообразования, сахарный диабет, психические расстройства и расстройства поведения, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением, инфекции, передающиеся преимущественно половым путём (Перечень социально значимых заболеваний утверждён постановлением Правительства России от 01.12.2004 № 715). Наличие того или иного заболевания не является обязательным условием для применения к ходатайствующему лицу помилования,

но принимается во внимание в совокупности всех обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого вопроса.

Ресоциализация является «обязательным» фактором, который государство должно принимать во внимание при разработке своей уголовно-правовой политики.

В общем смысле ресоциализация — это меры во время и после отбывания наказания, которые помогают осуждённому после освобождения устроить свою жизнь так, чтобы больше не совершать преступлений [13].

Труд в исправительных учреждениях выступает одним из важных оснований ресоциализации. Способность осуждённого уметь трудиться, наличие трудовой специальности и опыта работы, возможность погашать иски обязательства, причинённые преступлением, создают весомые основания для удовлетворения ходатайства о помиловании.

8. Обращения о помиловании, поступившие от родственников, адвокатов осуждённых, глав общественных организаций, а также от иных лиц.

В соответствии с Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 14.12.2020 № 787, во внимание принимаются в том числе обращения о помиловании, поступившие от родственников, адвокатов, представителей общественности и иных лиц, а также мнения потерпевших или их родственников относительно возможности помилования.

В этой связи важно разграничить понятия «ходатайство о помиловании» и «обращение о помиловании», поскольку данные понятия не являются тождественными и относятся к разным юридическим категориям.

Так, ходатайство о помиловании пишет сам осуждённый, далее — оно подлежит обязательной регистрации в журнале учёта соответствующих ходатайств. Затем начинается процедура по подготовке пакета документов, необходимых для направления ходатайства о помиловании президенту РФ с обязательным соблюдением сроков, установленных законом. Обращение о помиловании может подать родственник, адвокат осуждённого, а также другие лица.

Наиболее точно, на наш взгляд, даёт определение термину «обращение граждан» А. В. Савоськин: «это подлежащее обязательному рассмотрению волеизъявление индивида, выражающееся в виде письменного или устного требования о реализации своих прав, свобод и законных интересов, обращённое к органу государственной власти» [14, с. 85].

9. Другие существенные для рассмотрения ходатайства о помиловании обстоятельства.

На наш взгляд, важно сформулировать следующие выводы о том, что такие обстоятельства должны находиться вне контроля сторон, их изменение не зависит от воли сторон, а также являться на момент подачи ходатайства о помиловании, обращении о помиловании заведомо непредвиденными.

Очевидно, что в каждой конкретной ситуации определяется: могут ли произошедшие события быть отнесены к существенному изменению обстоятельств при рассмотрении ходатайства о помиловании или нет.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что рассмотренные обстоятельства носят лишь рекомендательный характер, но в совокупности могут открыть новые возможности для ходатайствующего лица при рассмотрении вопроса о помиловании высшим

должностным лицом Российской Федерации, позволяют заложить надёжный фундамент для дальнейшего совершенствования в России правового регулирования института помилования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Боженок С. А., Грачева Ю. В., Ермакова Л. Д. [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог — Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — С. 161.
2. Дворянсков И. В. Институт наказания в перспективе развития уголовной политики России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 9. — С. 10—16.
3. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве: моногр. — М., 1975. — 182 с.
4. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: моногр. — Томск, 1987. — 231 с.
5. Кравец Ю. Испытательный срок и контроль за поведением условно осужденных // Советская юстиция. — 1990. — № 11. — С. 12—13.
6. Кристи Н. Причиняя боль: роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я. И. Гилянского. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 20.
7. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 1. — С. 148—168.
8. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. — Красноярск, 1990. — С. 33.
9. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — № 4 (35). — С. 20—24.
10. Официальный интернет-портал правовой информации. Электронный ресурс: // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002140049> (дата обращения: 11.04.2021).
11. Официальный сайт ФСИН России. Электронный ресурс: // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 11.04.2021).
12. Пронников В. В. Условное осуждение и его правовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2002. — С. 20.
13. Рунова К. Ресоциализация в местах лишения свободы в России (аналитический обзор). — М.: Институт проблем правоприменения, Центр стратегических разработок. — 2018. — 64 с.
14. Савоськин А. В. «Обращения граждан» как правовая категория // Научный ежегодник Института философии и права. — 2017. — № 3 (Т. 17). — С. 85—99.
15. Ткачевский Ю. М. Помилование // Законодательство. — 2003. — № 3, 4. — С. 23-25.
16. Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Г.Ф. Хохряков; Отв. ред. В. Н. Курявцев. — М.: Юрист, 2002. — 511 с.
17. Южанин В. Е. Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2014. — № 2 (26). — С. 17—21.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bozhenok, S. A., Gracheva, Yu. V., Ermakova, L. D. [et al.]; ed. Rarog, A. I.- Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / 10th ed., reprint. and add. — М.: Prospect, 2015. - p. 161.
2. Dvoryanskov, I. V. Institute of Punishment in the perspective of the development of criminal policy in Russia // Journal of the Penitentiary Service. - 2020. - No. 9. - pp. 10-16.
3. Demidov, Yu. A. Social value and evaluation in criminal law: monograph. - М., 1975. - p. 182.

4. Kozachenko, I. Ya. Sanctions for crimes against life and health: a monograph. - Tomsk, - 1987. - p. 231.
5. Kravets, Yu. Probationary period and control over the behavior of conditionally convicted persons. - 1990. - No. 11. - pp. 12-13.
6. Kristi, N. Causing pain: the role of punishment in criminal policy / under the general ed. of Ya. I. Gilinsky. - St. Petersburg : Aleteya, 2011. - p. 20.
7. Mamedova, F. F. Justice in criminal law: the current state of the issue. Journal of the Higher School of Economics. - 2020. - No. 1. - pp. 148-168.
8. Martsev, A. I. Dialectics and questions of the theory of criminal law. - Krasnoyarsk, 1990. - p. 33.
9. Mikhal, O. A. The nature and degree of public danger of crime // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2009. - № 4(35). - pp. 20-24.
10. Official Internet portal of legal information: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002140049>
11. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>
12. Pronnikov, V. V. Probation and its legal consequences: dis. ... cand. jurid. sciences'. - Omsk, 2002. p. 20.
13. Runova, K. Resocialization in places of deprivation of liberty in Russia (analytical review). - M.: Institute of Problems of Law Enforcement, Center for Strategic Developments. - 2018. p.64.
14. Savoskin, A.V. "Citizens' appeals " as a legal category // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law. - 2017. - No. 3 (Vol. 17). - pp. 85-99.
15. Tkachevsky, Yu. M. Pomilovanie // Zakonodatelstvo. - 2003. - № 3, 4. - p. 25.
16. Khokhryakov, G. F. Criminology: textbook / ed. Kudryavtseva V. N.-M., 2002. p.511.
17. Yuzhanin, V. E. Public danger of the personality of the convicted person as a category of penal enforcement law // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. -2014. - № 2 (26). - p. 17-21.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-85-94

Загорьян Сергей Георгиевич

доцент кафедры уголовного
процесса Восточно-Сибирского
института МВД России
Заслуженный юрист Республики Буря-
тия, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

Zagoryan Sergey Georgievich

Associate Professor of the Criminal Proce-
dure Department of the East Siberian Insti-
tute of the Ministry of Internal Affairs of Rus-
sia
Candidate of Law, Assistant Professor
Honored Lawyer of the Republic Buryatia
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

Котельникова Оксана Александровна

доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Владивостокского филиала
Российской таможенной академии
кандидат юридических наук
E-mail: 267221@mail.ru

Kotelnikova Oksana Aleksandrovna

Associate Professor,
Department of Criminal Law
disciplines of the Vladivostok branch
Russian Customs Academy
Candidate Of Law
E-mail: 267221@mail.ru

СОКРАЩЕННОЕ ДОЗНАНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Введение: в статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы сокращенной формы дознания и пути их решения в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации. Рассмотрены различия между сокращенной формой дознания и общей. Проведён анализ проблемных вопросов производства дознания в сокращенной форме, предложены пути их решения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования института сокращенного дознания составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальный закон и локальные нормативно-правовые акты Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания социальных явлений и процессов, а также методы логической дедукции, познания, сравнения, системного подхода, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили отразить проблемные вопросы, возникающие вследствие недоработки уголовно-процессуального законодательства в сфере института сокращенного дознания и наметить пути их решения. Выявлены некоторые отличия между институтом сокращенного дознания и общей формы дознания.

Выводы и заключения: предлагается внести дополнения и некоторые изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части, касающейся сокращенной формы дознания. Предложено понятие сокращенной формы дознания.

Ключевые слова: сокращенная форма дознания, дознаватель, подследственность, проблемные вопросы, доказательства, процессуальные действия, обвинительное постановление.

ABRIDGED FORM OF INQUIRY: SOME PROBLEMS AND SOLUTIONS

Introduction: the article discusses some problematic issues of the abridged form of preliminary investigation and the ways to solve them in criminal procedure law of the Russian Federation. The differences between the shortened form of preliminary investigation and the general one are considered. The analysis of problematic issues of the performance of inquiry in abridged form is carried out; the ways of their solution are proposed.

Materials and Methods: The normative basis of the study of the institution of abridged preliminary investigation is the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure law and local regulatory legal acts of the Russian Federation. The methodological basis of the research is formed by the dialectical method of cognition of social phenomena and processes, as well as the methods of logical deduction, cognition, comparison, systems approach, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed to reflect the problematic issues arising from deficiencies in criminal procedure legislation in the field of the institution of abridged preliminary investigation and to outline the ways of their solution. Some differences between the institution of reduced preliminary investigation and the general form of inquiry were revealed.

Findings and Conclusions: it is proposed to make additions and some changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of the abridged form of inquiry. The concept of abridged form of inquiry is proposed.

Keywords: abridged form of inquiry, interrogator, jurisdiction, problematic issues, evidence, procedural actions, indictment.

Исторический путь развития дознания включал различные его формы, на каждом историческом этапе по-разному рассматривались сущность дознания и его задачи. Не является исключением и сокращенное дознание. Своеобразным прототипом сокращенного дознания являлась протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая была закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. Основным достоинством протокольной формы уголовного судопроизводства являлась высокая оперативность уголовного преследования. Срок подготовки материалов по протокольной форме законодателем был установлен не более десяти суток. Основным недостатком протокольной формы уголовного преследования являлось нарушение прав граждан, т. к. данная форма расследования, по своей сути, являлась доследственной проверкой, проводимой для принятия правового решения. Решение о возбуждении уголовного дела принималось в суде, в связи с чем на досудебных этапах стадия, в сущности, была одна (сбор и проверка материалов), отсутствовал состязательный процесс. Также минусом протокольной формы уголовного преследования являлся тот факт, что участники расследования не допрашивались, отбирались только объяснения, об уголовной ответственности никто не предупреждался. Да и можно ли было вообще вести речь об уголовном преследовании на до-

судебных стадиях, если уголовное дело возбуждалось в суде? Действующая на тот период протокольная форма подготовки материалов не являлась частью процесса дознания и долго не приживалась.

Современное уголовно-процессуальное законодательство претерпевает множество изменений, выражающихся не только в совершенствовании уже существующих институтов, но и во внедрении совершенно новых уголовно-процессуальных институтов и форм уголовного судопроизводства. В частности, в 2013 г. уголовно-процессуальное законодательство ознаменовалось рождением новой формы предварительного расследования уголовных дел — института сокращенного дознания. Безусловно, проблемы, существовавшие при протокольной форме досудебной подготовки материалов, законодателем были решены. Выделение института сокращенного дознания, его становление и развитие явились образованием нового, самостоятельного этапа развития дознания. Рассмотрение процесса становления сокращенного дознания позволяет нам понять, что стало предпосылками введения в уголовно-процессуальное законодательство сокращенного дознания.

Среди ученых-процессуалистов возникает немало споров относительно места сокращенного дознания среди других форм предварительного расследования, имеющих место в уголовном судопроизводстве. В связи с этим необходимо отметить безусловную общность сокращенного дознания и дознания, осуществляемого в полной форме. Среди критериев, определяющих их сходство, можно выделить следующие:

— единые категории расследуемых преступлений, а именно преступления небольшой и средней тяжести, что является основной предпосылкой оперативности и относительной легкости расследования уголовных дел указанной категории;

— единые субъекты осуществления процессуальной деятельности, которыми в основном являются дознаватели и начальники подразделений дознания. В некоторых случаях, по указанию прокурора, возможно осуществление производства дознания (как в общей, так и сокращенной формах) следователями, что нередко и обоснованно подвергается критике со стороны правоведов;

— единые контрольно-надзорные функции со стороны начальника органа дознания, прокурора, объем полномочий которых значительно шире, чем контроль за осуществлением предварительного следствия;

— единое сохранение статуса подозреваемого на всем протяжении производства дознания до вынесения обвинительного акта или постановления, которые одновременно являются и итоговым документом, и актом привлечения в качестве обвиняемого;

— единый перечень лиц, наделенных правом ознакомления с материалами расследования.

В пользу общности сокращенного и полного дознания также стоит отметить возможность замены сокращенного дознания на производство полного дознания. Однако следует отметить, что УПК РФ содержит чрезмерно большое количество обстоятельств замены сокращенного дознания на дознание в общем (полном) порядке, что существенно затягивает процедуру расследования, приводит в последующем к дублированию процессуальных действий. Всё это в целом противоречит самой идее дознания в сокращенной форме и сводит в некоторых случаях на нет саму идею создания института сокращенного дознания.

Сокращенное дознание является разновидностью дознания, являясь при этом ускоренной его формой. Введение дознания в сокращенной форме обусловлено не только

необходимостью повышения эффективности расследования и раскрытия преступлений, оптимизацией процедуры расследования по уголовным делам, не представляющим большой общественной опасности, но и усилением обеспечения прав и гарантий участников уголовного судопроизводства. Кроме того, анализ статистической информации об уровне раскрываемости и расследования преступлений свидетельствует о необходимости повысить качество расследования уголовных дел подследственным дознавателям.

В современном российском уголовно-процессуальном законодательстве дознание вообще рассматривается уже как упрощенная или сокращенная форма предварительного расследования. Поскольку дознание в общем порядке уже представляет собой упрощенную форму предварительного расследования, то дознание в сокращенной форме фактически является результатом двойного упрощения. Стремление законодателя ввести еще более ускоренную процедуру расследования преступлений, нежели дознание в общем порядке, обусловлено длительностью и неповоротливостью расследования уголовных дел в форме дознания по уголовным делам, не представляющим особой сложности, что препятствует своевременному принятию окончательного решения по уголовному делу.

В результате сказанного можно выделить ряд условий для разработки и внедрения дознания в сокращенной форме:

— высокая нагрузка на органы предварительного расследования ввиду длительной процедуры расследования и достаточно большого количества преступлений небольшой и средней тяжести;

— необходимость создания ускоренной процедуры по таким категориям преступлений способствует процессуальной экономии времени, сил и средств;

— длительность процедуры расследования по уголовным делам, не представляющим повышенной общественной опасности и не представляющим особой сложности в расследовании;

— длительность процедуры расследования приводит к затягиванию времени восстановления нарушенных прав, возмещения вреда, причиненного преступлением

— сокращение сроков уголовного преследования дает дополнительные гарантии подозреваемым (обвиняемым).

Дознание, как уже говорилось ранее, является одной из форм предварительного расследования по законодательно закрепленным категориям преступлений, к которым относятся преступления небольшой и средней тяжести. Несмотря на законодательное закрепление определения общего понятия дознания, отсутствует единый подход к пониманию сущности и определения дознания. Действующее нормативное определение дознания подвергается резкой критике со стороны различных исследователей в области права, ввиду отсутствия основополагающих отличительных признаков дознания в законодательном определении. Понятие же сокращенного дознания в уголовно-процессуальном законе отсутствует вообще. Для того чтобы сформулировать данное понятие, необходимо прибегнуть к знаниям определения понятия дознания в полной форме и сущности сокращенного дознания.

Сокращенное дознание, являясь одной из процессуальных форм дознания, обладает некоторыми отличительными от общей формы дознания особенностями. К ним относятся:

— уголовное преследование в отношении конкретного, установленного лица;

— более сокращенные сроки производства по уголовному делу;

- обязательное наличие ходатайства подозреваемого лица о производстве сокращенного дознания;
- обязательное согласие потерпевшего на производство сокращенного дознания;
- обязательное знание языка уголовного судопроизводства;
- более упрощенная процедура расследования уголовных дел;
- отличительный итоговый документ (обвинительное постановление), завершающий уголовное дело;
- наличие ряда обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу в сокращенном порядке;
- другие отличительные особенности.

Среди указанных особенностей основополагающим является упрощенный порядок доказывания, что влечет за собой и сокращенные сроки дознания. Сущность дознания в сокращенной форме заключается в наличии определенного компромисса, согласия между стороной защиты и стороной обвинения.

Сокращенное дознание является способом существования процесса доказывания, его внешним самостоятельным выражением. С этим нельзя не согласиться. При поиске определения понятия «сокращенное дознание» обнаруживается некая проблема, которая заключается в том, что многие правоведы, говоря о данном вопросе, не рассматривают, обходят стороной его определение и сразу рассуждают об основаниях, порядке, сроках, обстоятельствах, исключающих производство, и других особенностях. На наш взгляд, необходимо выработать сначала теоретическое определение сокращенного дознания, а затем вести речь о деталях его производства.

Исходя из того, что сокращенное дознание имеет значительные отличия от общей формы дознания, на наш взгляд, требуется, самостоятельное, отдельное от общего понятия законодательное закрепление понятия «сокращенное дознание». Нами предлагается в статью 5 УПК РФ добавить пункт 8.1, который целесообразно изложить следующим образом: «сокращенное дознание — вид ускоренного (сокращенного) предварительного расследования в форме дознания, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно».

В пункте 8 статьи 5 УПК РФ, дающем понятие дознания вообще, указывается, что следователь, так же, как и дознаватель, может производить дознание. Поэтому и в наше понятие сокращенного дознания включаем следователя. Однако в части 1 статьи 38 УПК РФ, где дается понятие следователя, сказано, что следователь осуществляет только предварительное следствие. Про дознание же речи не ведется. Исходя из данной формулировки, следователь не наделен полномочиями осуществлять дознание, ни в общей форме, ни, тем более, в сокращенной форме. Однако в части 11 статьи 38 УПК РФ, где указываются полномочия прокурора, говорится, что прокурор наделен правом у органа дознания изъять любое уголовное дело (значит, и по сокращенному дознанию) и передать его следователю. В указанной статье, конечно, не сказано для производства чего — следствия или дознания — передается дело. Тем не менее подразумевается, что уголовное дело передается для производства дознания, поскольку в части 3 статьи 151 УПК РФ сказано предельно конкретно, что дознавателями производится дознание. Отсюда следует, что у дознавателя можно изъять только те уголовные дела, по которым производится дознание либо по общей форме, либо по сокращенной. Другой категории уголовных дел у дознавателя просто не может быть в производстве.

Чтобы разрешить указанное недоразумение в уголовно-процессуальном законодательстве, необходимо просто немного расширить полномочия следователя. А именно в части 1 статьи 38 УПК РФ слово «следствие» заменить словом «расследование», и этого будет достаточно. Расследование подразумевает и следствие, и дознание. И тогда следователь на законных основаниях будет производить дознание, как в общей форме, так и в сокращенной.

Несмотря на развитие правоприменительной практики в области использования дознания в сокращенной форме, существуют некоторые проблемные аспекты производства расследования уголовных дел в данной форме. Теоретически должна быть возможность производства дознания в сокращенной форме, с сокращенными сроками по всем делам, подследственным дознавателям. Однако в жизни реальные ситуации существенно отличаются от теории. Далеко не по каждому уголовному делу, подследственному дознанию, имеется возможность произвести предварительное расследование в очень короткий срок, предусмотренный нормами уголовно-процессуального законодательства. Наличие проблем ставит под сомнение эффективность сокращенного дознания либо выявляет необходимость изменения законодательства по частным моментам. Да и количество уголовных дел, направленных прокурором для пересоставления обвинительного постановления, увеличивается [1, с. 132].

Для отыскания решения возникающих вопросов необходимо полное уяснение особенностей производства дознания в сокращенной форме, а также исследования существующих проблем. Своевременные теоретические исследования помогут предотвратить большое количество ошибок в правоприменительной практике. Для определения возможности проведения дознания в сокращенной форме необходимо выявлять существенные признаки дознания в сокращенной форме и руководствоваться такими критериями, как категория преступления, совершение преступления в условиях очевидности, несложность доказывания, полное признание подозреваемым лицом своей вины и других обстоятельств по уголовному делу.

Производство дознания в сокращенной форме обладает рядом преимуществ, как для потерпевшего, так и для подозреваемого (обвиняемого). Для потерпевшего безусловными положительными моментами являются:

- оперативность уголовного судопроизводства, максимально ускоряющая восстановление нарушенных прав;
- уменьшение материальных и временных затрат на участие в процессуальных действиях;
- увеличение вероятности скорейшего возмещения причиненного преступлением ущерба ввиду полного согласия подозреваемого лица с характером и размером причиненного вреда.

Для подозреваемого (обвиняемого) главным преимуществом сокращенной формы дознания является возможность получения минимального наказания за совершённое преступление.

Однако, несмотря на некоторые преимущества сокращенной формы дознания, прослеживается ряд достаточно значимых проблем. Наличие проблем ставит под сомнение эффективность сокращенного дознания либо выявляет необходимость изменения законодательства по частным моментам.

В первую очередь вопросы возникают уже на этапе определения круга уголовных дел, по которым возможно ускоренное, сокращенное дознание. Теоретически должна

быть возможность расследования в сокращенной форме, с сокращенными сроками по всем категориям уголовных дел, подследственным дознавателям. Жизненные же ситуации отличаются от теории. Далеко не по каждому уголовному делу, подследственному дознанию, возможно, провести предварительное расследование в короткий срок. Например, Ю. В. Кувалдина предлагает в сокращенной форме расследовать только точно отобранные уголовные дела [2, с. 45]. На её взгляд, следует руководствоваться в первую очередь такими критериями, как категория преступления, совершение преступления в условиях очевидности, простота доказывания. Нам также представляется, что введение такого рода критериев является необходимой мерой. Это избавляет впоследствии от лишних действий в плане разъяснения права на производство сокращенного дознания по делам, по которым впоследствии, скорее всего, будет производиться полная форма дознания.

В соответствии с нормами УПК РФ сокращенное дознание производится по ходатайству лица, подозреваемого в совершении преступления и при наличии определенных условий. Несмотря на наличие четко определенных условий производства сокращенного дознания, по мнению многих авторов, это является скорее правом, а не обязанностью. И, на наш взгляд, мнение это верное, т. к. предоставляется выбор о возможности производства сокращенного дознания либо об отказе в нем. К. В. Коллегай поясняет это тем, что дознаватель самолично делает вывод о несложности уголовного дела, уверенности, что преступление совершено конкретным установленным лицом [3, с. 318].

Особенностью сокращенного дознания и его отличительной чертой перед дознанием в общем порядке является наличие определенных изъятий, закрепленных в статьях главы 32.1 УПК РФ. Как нами было уже сказано, само по себе сокращенное дознание является упрощенной формой производства по уголовному делу, и это упрощение достигается именно путем этих изъятий. В статье 226.2 УПК РФ указано, что если хотя бы по одному из совершённых лицом преступлений обязательно расследование в форме предварительного следствия, то другие преступления в форме сокращенного дознания расследоваться не могут. Кроме этого исключаящим обстоятельством признаётся незнание подозреваемым лицом языка, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Если по первому случаю вопросов к законодателю не возникает, т. к. действительно, если лицо совершило хотя бы одно преступление, подследственное следователю, то нет необходимости другие совершённые преступления, относящиеся к подследственности дознания, рассматривать отдельно в упрощенном, льготном порядке для подозреваемого. По второму же примеру возникают некоторые сомнения. Видимо, по замыслу законодателя участие в уголовном процессе переводчика усложняет расследование уголовного дела. Без переводчика, естественно, в случае незнания подозреваемым лицом языка, на котором ведется уголовное судопроизводство, обойтись невозможно. Ведь в противном случае будет нарушен один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства — язык уголовного судопроизводства. По нашему мнению, участие переводчика в сокращенном дознании никаким образом не может затянуть сроки расследования. Надо только своевременно найти переводчика, но это уже не процессуальные аспекты, а организационные. Исключение возможности производства сокращенного дознания по данным основаниям ущемляет права подозреваемого. Незнание языка, на котором ведется уголовное преследование, не является виной подозреваемого. Это является его проблемой, и было бы некорректно при этом лишать его ещё и права на производство в отношении его дознания в упрощенной, ускоренной форме, к тому же

по не влияющим на расследование и не зависящим от воли подозреваемого лица обстоятельствам. Полагаем, что данную правовую норму необходимо исключить из уголовно-процессуального законодательства, иначе говоря, пункт 5 статьи 226.2 УПК РФ исключить вообще в виду ущемления, на наш взгляд, права подозреваемого на возможность производства в отношении данного лица дознания в сокращенной форме.

Другие законодательно закрепленные обстоятельства, исключающие возможность сокращенного дознания:

- несовершеннолетие подозреваемого лица;
- необходимость применения мер медицинского характера в принудительной форме;
- применение особого порядка уголовного преследования в отношении подозреваемого;
- возражение потерпевшего против сокращенного дознания, безусловно, имеет обоснованную почву для законодательного закрепления в нормах УПК РФ.

Еще одной, по мнению авторов настоящей статьи, законодательной проблемой является момент разъяснения подозреваемому права на ходатайство о возможности использовать производство сокращенного дознания. Несмотря на достаточно короткий срок реализации сокращенной формы дознания, данная проблема привлекла ряд исследователей-правоведов.

В части 1 статьи 226.4 УПК РФ говорится, что право на производство сокращенного дознания разъясняется перед началом первого допроса подозреваемого в случае наличия определенных условий, закрепленных в части 2 статьи 226.1 УПК РФ, в частности — признании подозреваемым лицом своей вины, характера и размера причиненного вреда. Однако, если подозреваемый еще не был допрошен, то каким же образом процессуально оформлено это его признание? Возможно, объяснением или, может быть, и вовсе «джентельменским соглашением» — в процессе устной беседы (разговора). Ни объяснение, ни какой-либо устный разговор либо устная договоренность о признании подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного вреда преступлением не являются доказательствами. Тогда каким же образом до начала допроса подтверждается данное признание? К тому же не исключена возможность самооговора, а вследствие этого привлечение к уголовной ответственности невиновного лица. Более правильно, наверное, было бы сначала допросить подозреваемого, в протоколе допроса закрепить его признание, а затем разъяснить право на ходатайство о производстве сокращенного дознания.

На наш взгляд, часть 1 статьи 226.4 УПК РФ необходимо поправить. А именно: фразу «до начала» заменить фразой «по окончании». В предложенной трактовке указанной статьи признание подозреваемого лица будет оформлено процессуально и возымеет доказательную силу.

Существенной проблемой производства сокращенного дознания является достаточно широкий круг оснований и условий перевода сокращенного дознания в общую форму. Полагаем, право подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего или его представителя заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время, до момента, когда суд удалится в совещательную комнату, не совсем верно. Получается, что уголовное дело после данного ходатайства будет автоматически направлено для производства дознания в общем порядке [4, с. 180]. Стоит выразить несогласие с трактовкой в части 3

статьи 226.3 УПК РФ, где сказано о праве подозреваемого (обвиняемого), а также потерпевшего либо его представителя ходатайствовать о замене сокращенного дознания на общую форму дознания. Получается, что первая категория указанных лиц (подозреваемый, обвиняемый) вначале ходатайствовала о производстве сокращенного дознания, вторая категория указанных лиц (потерпевший, его представитель) не возражали против производства сокращенного дознания, а потом просто передумали, и государственные органы должны идти у них на поводу. При производстве дознания в сокращенной форме потерпевший получил право существенно и необоснованно влиять на решения органов уголовного преследования и даже суда, определяя форму производства по уголовному делу [5, с. 23]. На всё это тратятся впустую государственные средства, силы государственных служащих, и никто из указанных лиц не несет никакой ответственности.

Считаем, что в части 3 статьи 226.3 УПК РФ фразу «потерпевший или его представитель» необходимо поменять на следующую фразу «в случае отказа от признания своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда». Потерпевшего же при его согласии на производство сокращенного дознания предупреждать в письменной форме об отсутствии права на отказ от своего согласия в дальнейшем. Потерпевший в данном случае должен нести ответственность за принятое им решение. И при этом никакие права потерпевшего, на наш взгляд, не нарушаются. Права потерпевшего при сокращенном дознании защищаются более полно, чем при общем дознании [6, с. 25].

Подводя итог нашему исследованию, заметим, что замысел законодателя при введении в уголовно-процессуальное законодательство института сокращенного дознания был направлен на оптимизацию предварительного расследования. Однако в процессе производства сокращенного дознания обнаруживается ряд существенных проблем в практической деятельности и множество дискуссий в научной среде. Несовершенство и пробелы законодательных положений в данной области требуют дальнейшего исследования и законодательных изменений в существующий порядок производства дознания в сокращенной форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузнецов А. Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 1 (92). — С. 131—136.
2. Кувалдина Ю. В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня, завтра // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 1(11). — С. 44—55.
3. Коллегай К. В. Производство дознания в сокращенной форме // ИСОМ. — 2014. — № 3. — С. 318—320.
4. Иванова А. С. Дознание в сокращенной форме: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 23. — С. 179—182.
5. Жариков Ю. С. Реализация прав потерпевшего на заключительном этапе производства дознания // Российский следователь. — 2017. — № 23. — С. 23—25.
6. Жариков Ю. С. Реализация прав потерпевшего на заключительном этапе производства дознания // Российский следователь. — 2017. — № 23. — С. 23—25.

1. Kuznetsov A.N. On the relationship between the procedural powers of the head of the inquiry body and the head of the inquiry unit at the stage of criminal investigation in the form of in-

quiry // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 1 (92). - P. 131-136.

2. Kuvaldina Yu. V. Abridged legal proceedings: yesterday, today, tomorrow // Bulletin of the Tomsk State University. - 2014. - No. 1 (11). - P. 44–55.

3. Colleague K.V. Performance of inquiry in abridged form // ISOM. –2014. - Number 3. - P. 318-320.

4. Ivanova A.S. Inquiry in an abridged form: problems and prospects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. - No. 23. - P. 179-182.

5. Zharikov Yu.S. Realization of the victim's rights at the final stage of the inquiry // Russian investigator .– 2017.– № 23. - P. 23–25.

6. Zharikov Yu.S. Realization of the victim's rights at the final stage of the inquiry // Russian investigator .– 2017.– № 23. - P. 23–25.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-95-103

Макашова Татьяна Павловна
старший преподаватель кафедры про-
курорского надзора и организации
правоохранительной деятельности
Челябинского государственного
университета
E-mail: t.p.ish@mail.ru

Makashova Tatyana Pavlovna
Senior lecturer of the Department of Pros-
ecutor's Supervision and Organization of
Law Enforcement Activities of Chelya-
binsk State University
E-mail: t.p.ish@mail.ru

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Введение: в статье рассматривается стадия возбуждения уголовного дела как дискуссионный институт российского уголовного судопроизводства, а также точки зрения на данный институт известных процессуалистов в данной сфере. Особое внимание уделено обеспечению прав потерпевших при возбуждении уголовного дела.

Материалы и методы: общий диалектический метод научного познания послужил методологической основой исследования, также использованы методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили изучить современное состояние стадии возбуждения уголовного дела в части, касающейся обеспечения и защиты прав потерпевших, осветить наиболее значимые труды ученых-процессуалистов.

Выводы и заключения: анализ стадии возбуждения уголовного дела позволил сделать вывод о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство в целях обеспечения прав потерпевших на данной стадии.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, права потерпевшего.

INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE RIGHTS OF THE VICTIM: PROS AND CONS

Introduction: the article considers the stage of initiating a criminal case as a debating institution of Russian criminal proceedings, as well as points of view on this institution of well-known procedural experts in this area. Particular attention is paid to ensuring victims' rights during taking proceedings.

Materials and Methods: the general dialectical method of scientific cognition was the methodological basis for the study, methods of logical deduction, induction, comparative methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description were also used.

Results of the Study: made it possible to study the current state of the stage of initiating a criminal case in terms of ensuring and protecting the rights of victims, to highlight the most significant works of procedural scientists.

Findings and Conclusions: the analysis of criminal proceedings stage allowed us to conclude about necessity of amending criminal legislation in order to ensure victims' rights of this stage.

Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal proceedings, victims' rights.

Уголовное судопроизводство в России начинается с возбуждения уголовного дела. Именно на данной стадии следователь или дознаватель принимают решение о наличии признаков состава преступления и начинают производство по уголовному делу. Однако именно данная стадия наиболее обсуждаема в науке уголовного процесса и вызывает много споров и дискуссий в практической деятельности. Дискуссионных вопросов в данной теме достаточное количество, так, Б. Я. Гаврилов в качестве основных выделяет следующие: 1) низкая эффективность уголовного судопроизводства; 2) нарушение прав пострадавших от противоправных деяний граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба [4, с. 19]. Невозможно не согласиться с тем, что данные вопросы действительно носят проблемный характер. Например, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2019 год было отменено 14 тыс. 22 постановления следователей и дознавателей о возбуждении уголовных дел¹. Особо актуальным является несовершенство направления обеспечения прав пострадавших от преступления на стадии возбуждения уголовного дела. Как правило, это лица, заявившие о совершении преступления.

Как и любой институт, институт возбуждения уголовного дела имеет своих сторонников и противников. Думается, что целесообразнее начать рассмотрение с позиций сторонников существования в уголовном судопроизводстве стадии возбуждения уголовного дела. Цель первоначальной стадии расследования состоит в установлении предпосылок для его начала. По мнению К. В. Муравьева: «Возбуждение дела и принятие его к производству являются необходимым условием для оформления и других решений правоприменителей. На первоначальном этапе процесса, по общему правилу, не могут осуществляться действия, содержащие элементы государственного принуждения. При рассмотрении сообщения о преступлении велика вероятность того, что первичная информация не указывает на преступность события. Наличие предполагаемого факта, события преступления стой или иной степенью вероятности констатируется в постановлении о возбуждении дела» [6, с. 29]. С данной позицией нельзя не согласиться, это подтверждено и положениями уголовно-процессуального законода-

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

тельства. В постановлении, которым оканчивается стадия возбуждения уголовного дела и начинается этап предварительного расследования, вполне может содержаться вывод о субъекте, который продолжит процессуальную деятельность. Кроме субъекта, который предположительно совершил данное деяние, также может содержаться информация о потерпевшем. Процессуалисты обращают внимание на необходимость изменения определения потерпевшего и предоставления ему соответствующего статуса с самого начала предварительного расследования [1]. Данное предложение нами поддерживается.

В своей работе К. В. Муравьев предлагает достаточно оригинальное решение данного вопроса: включить в постановление, оканчивающее стадию возбуждения дела и начинающее этап предварительного расследования, информацию о субъекте, который продолжит процессуальную деятельность в следующих формулировках: «а) „Принять уголовное дело к производству“: данная формулировка используется в случае, если лицо, возбудившее дело, уполномочено осуществлять по нему предварительное следствие или дознание. По смыслу закона такая же запись предполагается, когда дело возбуждается органом дознания для производства неотложных следственных действий; б) „Создать следственную группу в составе...“; „Назначить руководителем следственной группы...“; а также (возможно) „Привлечь к работе следственной группы должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность...“. Эти решения оформляются только при возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа в случаях, когда он сочтет целесообразным проведение расследования бригадным способом в связи со сложностью или большим объемом планируемых действий. Законодатель не требует от руководителя следственного органа принятия к производству возбужденного им дела, если он сразу поручает расследование группе следователей. Решение о принятии дела к производству будет оформлять руководитель следственной группы отдельным постановлением; в) „Создать группу дознавателей в составе...“; „Назначить руководителем группы дознавателей...“; а также (возможно) „Привлечь к работе группы дознавателей должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность...“. Вариант является аналогичным предыдущему, но принимаются эти решения начальником органа дознания» [6, с. 30].

Предложенный вариант вполне соответствует требованиям законодательства и может быть использован для реализации своих прав лицами, пострадавшими при совершении преступления. Указанные лица, как заинтересованные в решении вопроса о привлечении к ответственности виновного лица, имеют право представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и т. д. Предоставление указанной информации, отражение её в материалах уголовного дела обеспечит более быструю реализацию данных полномочий, т. к. участники будут осведомлены о конкретных субъектах расследования.

Однако это лишь небольшой элемент, который позволить немного «облегчить» положение пострадавшего лица, которое, помимо понесенного им ущерба, также сталкивается с проблемами иногда бюрократического характера, но чаще — с нежеланием сотрудников правоохранительных органов исполнять свои обязанности. В связи с указанными обстоятельствами вопрос о защите прав лиц, пострадавших при совершении преступления, является актуальным. И. С. Дикарев предлагает включить

в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹ норму, «допускающую признание лица потерпевшим на основании постановления о возбуждении уголовного дела» [9, с. 278]. Потерпевший — самый незащищенный субъект уголовно-процессуальных отношений до момента признания его таковым, что возможно лишь после возбуждения уголовного дела. Как заявитель, он не обладает полным перечнем прав для их реализации в ходе проведения проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела. В частности, например, право на адвоката — представителя. Положения УПК РФ выдвигают требование о том, что «решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда» (п. 1 ст. 42 УПК РФ). Однако каков момент этого «не замедлительно»? Это могут быть сутки, два часа или иное время. Здесь остается данный вопрос нерешенным, и на практике, как правило, зависит от расторопности самого следователя или дознавателя. Поскольку необходимо составить все необходимые документы (постановление или определение) и оповестить самого потерпевшего. Всё это занимает значительные временные промежутки, которые необходимы для принятия процессуальных решений, вынесения соответствующих постановлений. Кроме того, немалую сложность представляет собой загромождение материалов дела дополнительной документацией.

Как уже было указано в начале данной статьи, стадия возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве вызывает споры в научном сообществе. Разнообразие оснований такого явления представляет интерес. В качестве одной из причин можно назвать отсутствие устоявшегося взгляда на необходимость наличия системы норм по процедуре проверки сообщения о преступлении в нынешнем виде, а также «ведомственная» принадлежность исследователей и др. Б. Я. Гаврилов в своих работах активно ратует за исключение из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовного дела, опираясь на исторический и международный опыт. Исторический аспект, как одно из оснований исключения из процедур досудебного производства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела, проявляется, по его мнению, в следующем: «процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в российский уголовный процесс была введена в целях ограничения политических репрессий циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором». Однако в качестве самостоятельного положения она появилась лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.» [3, с. 33]. Данная позиция обоснована, однако изменения в обществе, в социуме указанного исторического периода нашего государства безусловно требовали изменений в различных его сферах, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Указанный автор также приводит и другие аргументы в подтверждение своей позиции: «одной из негативных составляющих существующей процедуры возбуждения уголовного дела является необходимость повторного вызова органом расследования по-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Рос. газ. — № 249. — 2001. — 22 дек.

терпевшего, свидетелей для их допроса, проведения экспертных исследований, поскольку первоначально по абсолютному большинству уголовных дел указанные действия производятся в форме получения объяснений, справок об исследовании, актов изъятия документов, не имеющих процессуального значения. Повторные вызовы и допросы обуславливают отрицательное отношение граждан к процедуре в целом. Тем более что им предстоит, по сути, те же процедуры уже в третий раз в ходе судебного разбирательства. Например, заключение судебной экспертизы наркотических средств экспертом дается в ряде случаев по материалам первичного исследования, поскольку такой наркотик, как героин, изымаемый, как правило, в очень небольшом количестве (его размер в случае сбыта вообще не имеет минимальной границы и может составлять тысячные доли грамма), в процессе предварительного исследования может быть „израсходован“ в полном объеме или его свойства могут подвергнуться значительным изменениям. Таким образом, для производства судебной экспертизы наркотическое средство предоставляется в значительно измененном виде. Или взять, например, проведение экспертизы по изъятым боеприпасам (патронам). В ходе их исследования (без чего, по сути, не представляется возможным возбуждение уголовного дела) специалист производит с этим боеприпасом соответствующие манипуляции (вплоть до их отстрела). И, соответственно, на экспертизу изъятые патроны в их первоначальном виде следовательно представлены быть не могут» [3, с. 32]. Невозможно отрицать наличие указанных фактов. Заинтересованные участники (потерпевшие) вынуждены в течение длительного времени ожидать решение вопроса о возбуждении уголовного дела (или невозбуждении) и неоднократно давать показания. Указанные обстоятельства не направлены на популяризацию правоохранительной деятельности среди граждан.

Сторонники указанной позиции применяют для подтверждения обоснованности точки зрения различные аргументы. Л. М. Володина полагает, что «она не выступает гарантией против привлечения граждан к уголовной ответственности и нередко является помехой для быстрого реагирования на преступления в силу запрета проведения следственных действий» [2, с. 8]. Рядом автором в качестве оснований для отказа от стадии возбуждения уголовного дела выделяются следующие: отсутствие правовой регламентации порядка производства процессуальных действий по истребованию предметов и документов, а также получению объяснений; отсутствует возможность проведения полноценной судебной экспертизы и, при необходимости, получения образцов для сравнительного исследования; излишне затянуты допустимые законом сроки проверки заявлений и сообщений о преступлениях; искусственное расширение пределов предварительной проверки за счет необоснованного включения в нее обстоятельств, характеризующих все элементы состава преступления [8, с. 135; 9, с. 346]. Также присутствует мнение о том, что «в большинстве стран Европы, в Англии, США в уголовном производстве отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, последнее считается возбужденным с момента начала принятия полицией мер, направленных на проверку информации о преступлении, установление и избличение лица, причастного к его совершению» [9, с. 350]. Данный довод является несостоятельным и необоснованным в связи с различием в правовых системах государств и в связи с различием задач, стоящих перед правоохранительными органами. В данном случае автор присоединяется к позиции Л. В. Головки, который в своей работе очень просто и четко её выразил: «отрадно, что

англо-американские уголовно-процессуальные иллюзии постепенно рассеиваются, и чем раньше мы будем от них полностью избавлены, тем лучше для российского уголовного процесса» [5, с. 76].

Предложения об изменениях в виде исключения норм и предложения о том, что началом производства по уголовному делу должно служить заявление, сообщение о преступлении, являются, конечно же, радикальными. Однако необходимо отметить, что они основаны на еще одном тезисе: «порочная практика вынесения незаконных, необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела влечет за собой не только сотни тысяч нарушений законности, но и ежегодно тысячи фактов привлечения сотрудников органов внутренних дел к уголовной ответственности не столько из-за допущенной ими халатности или злоупотреблений при регистрации преступлений, сколько по причине несовершенства процессуального закона, предоставляющего сотрудникам правоохранительных органов право принимать незаконные процессуальные решения» [5, с. 74]. Статистические данные прокурорской деятельности подтверждают указанную позицию: за 2019 год прокуратурой России в порядке надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства отменено 2 млн 35 тыс. 927 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, за 2020 г. — 1 млн 809 тыс. 511¹ — весьма значительные данные для постановки вопроса о деятельности сотрудников органов внутренних дел и формулирования вывода о возможности сокрытия фактов о совершении преступлений, что влечет нарушение прав потерпевших. В результате таких действий нарушается право потерпевшего на защиту его прав, не обеспечивается право на судебную защиту. Затягивание сроков возможного расследования уголовного дела, возникающие дополнительные преграды в виде «отказного материала», необходимость обжалования действий и бездействий сотрудников правоохранительных органов — это не только временные ресурсы, но и иные последствия в виде возрастающего недоверия граждан правосудию, в возможность реализовать свои конституционные права. Потерпевшие в большинстве своем не обладают юридическими знаниями и навыками, не знают своих прав, возможностей и оснований для их реализации. Крайне редко можно встретить пример, когда потерпевшему внятно и объективно были разъяснены права на данном этапе (обязанность правоохранительных органов). Таким образом, потерпевший не защищен, и назначение уголовного судопроизводства не достигнуто. На данном этапе крайне необходимым становится оказание профессиональной юридической помощи населению, которую успешно реализуют адвокаты-представители. Именно адвокат, как «независимый профессиональный советник по правовым вопросам» наделен законодателем правами: «1) дает консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме; 2) составляет заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера; 3) участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве; 4) представляет интересы доверителя в органах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

законодательством иностранных государств, уставными документами международных судебных органов и иных международных организаций или международными договорами Российской Федерации»¹.

В своих работах исследователи Ю. В. Шпагина и Н. Ю. Дутов, предлагая, в свою очередь, не просто видоизменить стадию возбуждения уголовного дела, а упразднить её, т. к. «наличие данной стадии в современном процессе России мешает оперативному ходу расследования преступления и ведет к утрате доказательственного материала; запутанность процесса доказывания на исследуемой стадии, что обусловлено дублированием производства следственных и процессуальных действий» [10, с. 266]. К. Титаев считает, что исследуемая стадия не влечет никаких особых правовых последствий, в частности «процедура возбуждения уголовного дела есть не что иное, как придание производству официального вида путем присвоения номера уголовному делу» [7, с. 81]. Изучение этого вопроса позволило сделать вывод о том, что данная позиция является несколько категоричной, т. к. законодатель расположил в конструкции закона указанную стадию в части второй — «досудебное производство», и начинается стадия с поводов для возбуждения уголовного дела. К таковым относятся: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании² (ст. 140 УПК РФ). Таким образом, возбуждение уголовного дела является правовым основанием для проведения предварительного расследования. Однако нельзя не отметить справедливую позицию В. В. Кожокаря по данному вопросу: «деятельность должностных лиц правоохранительных органов по формированию повода для возбуждения уголовного дела является по своей сущности процессуальной. Начинается эта деятельность с момента поступления сообщения о преступлении и представляет собой, по сути, самое первое процессуальное действие, осуществляемое в досудебном производстве. Процессуальное оформление повода уже предполагает необходимость совершения целого ряда процессуальных действий, в связи с чем участники уголовного процесса (например, заявитель и должностное лицо, принимающее сообщение о преступлении) вступают в уголовно- процессуальные отношения» [10, с. 51]. В данном контексте хотелось бы отметить, что регистрация сообщения о преступлении элементом повода для возбуждения уголовного дела является не всегда. В частности, на практике вполне допустимо проведение проверочных действий еще до регистрации сообщения о преступлении, если промедление с их проведением предположительно приведет к осложнениям в расследовании или утрате доказательственной информации.

Думается, что одним из ключевых моментов представленных позиций является также то, что негативным последствием действующей процедуры стадии является необходимость вызова вновь органом расследования потерпевшего, свидетелей для их допроса, поскольку первоначально, по подавляющему большинству уголовных дел,

¹ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ (с изм. от 01.03.2021) // СЗ РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102. (Ст. 2).

² См.: ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

указанные действия проводятся в форме получения объяснений, не имеющие процессуального значения.

Совершенно очевидно, что правовая конструкция процедуры возбуждения уголовного дела, закрепленного в УПК РФ, вызывает критику ввиду отсутствия реальных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Возбуждение уголовного дела в том виде, который существует в настоящее время, не отвечает запросам современного общества, не обеспечивает назначение уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, даже процедурой признания лица таковым (постановление о возбуждении уголовного дела и о признании лица потерпевшим). Изучение этого вопроса позволило сделать вывод о том, что если одно постановление будет содержать в себе несколько фактов: и факт возбуждения уголовного дела, и факт признания лица потерпевшим, то это позволит значительно упростить этап возбуждения уголовного дела и гарантирует потерпевшему своевременную защиту его прав. Дополнительные процессуальные документы загромождают материалы уголовного дела, а также предполагают лишние технические и временные затраты, которые только затягивают процесс расследования уголовного дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Божьев В. П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. — 2010. — № 15. — С. 20—22; Рохлин В. И., Казанцев В. Г. Положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации с позиции международного права // Адвокат. — 2012. — № 2. — С. 21—25.
2. Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 48 с.
3. Гаврилов Б. Я. К вопросу о возбуждении уголовного дела // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2016. — № 35. — С. 17—23.
4. Гаврилов Б. Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 2. — С. 19—27.
5. Головкин Л. В. Теоретические основы учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 74—86.
6. Муравьев К. В. «Аккорды» возбуждения уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 2 (49). — С. 29—33.
7. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: моногр. / К. Титаев, М. Шклярчук. М.: Норма, 2016. — 192 с.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005. — 656 с.
9. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 408 с.
10. Шпагина Ю. В., Дутов Н. Ю. К вопросу об исключении стадии возбуждения уголовного дела из уголовного процесса // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2018. — № 4—1. — С. 261—268.
11. Кожокаръ В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 301 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bozhev VP. Participation of the victim in the preliminary investigation // Russian investigator. - 2010. - No. 15. - Pg.20-22; Rokhlin V.I., Kazantsev V.G. The position of the victim in the criminal process of the Russian Federation from the perspective of international law // Lawyer. - 2012. - No. 2. - Pg. 21–25.
2. Volodina L.M. The mechanism of ensuring the rights of individuals in criminal proceedings: author. dis. ... doctor. legal sciences. - Ekaterinburg, 1999. – 48 Pg.
3. Gavrilov B.Ya. On the issue of initiating a criminal case // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. - 2016. - No. 35. - Pg. 17-23.
4. Gavrilov B.Ya. The role of the institution of criminal proceedings in ensuring the rights of victims to their access to justice // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 2. - Pg. 19-27.
5. Golovko L.V. The theoretical foundations of the doctrine of material truth in the criminal process // Library of the criminalist. Science Magazine. - 2012. - No. 4 (5). - Pg. 74–86.
6. Ants K.V. “Accords” for initiating a criminal case // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. - No. 2 (49). – Pg. 29-33.
7. Russian investigator: mission, profession, everyday life: monograph / K. Titaev, M. Shklyaruk. M.: Norma, 2016. – 192 Pg.
8. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, adjudicatory, administrative and criminal proceedings. - M.: Norma, 2005. — 656 Pg.
9. The essence and current problems of the stage of criminal proceedings: a monograph. 2nd ed., Rev. and add. / holes ed. I.S. Dikarev.- M.: Yurlitinform, 2012. – 408 Pg.
10. Shpagina Yu.V., Dutov N.Yu. On the issue of the exclusion of the stage of initiation of criminal proceedings from the criminal process // Public safety, law and order in the III millennium. - 2018. - No. 4-1. - Pg. 261-268.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-104-114

Мисник Ирина Владиславовна

начальник кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: iramis@yandex.ru

Misnik Irina Vladislavovna

Head of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: iramis@yandex.ru

Перякина Марина Павловна

заведующий кафедры уголовного права и
процесса филиала Российского экономиче-
ского университета им. Г. В. Плеханова
в г. Пятигорске Ставропольского края
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: marihenka.78@mail.ru

Peryakina Marina Pavlovna

Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the branch of the Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: marihenka.78@mail.ru

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СТАДИЯ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Введение: в рассматриваемой статье исследованы некоторые проблемные вопросы, связанные с институтом возбуждения уголовного дела как одной из стадий российского уголовного судопроизводства. Предложения автора о внесении ряда поправок и дополнений в уголовно-процессуальный закон обуславливают практическую значимость исследования и его прикладной характер.

Материалы и методы: в работе использовались нормативно-правовые источники, научные публикации, посвященные институту возбуждения уголовного дела, в том числе публикации, связанные с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, а также современная правоприменительная практика.

Методологической основой исследования является системный подход к изучению и анализу общественно-правовых явлений. В процессе исследования использовалась совокупность следующих методов: сравнительно-правового, структурно-функционального, формально-юридического, системного анализа, система общенаучных и частных методов познания, а также логические приемы и способы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты исследования позволили авторам обобщить материалы, собранные в процессе изучения вопросов, связанных со становлением и развитием института возбуждения уголовного дела. Удалось выделить некоторые особенности его развития и научно обосновать их. Кроме того, благодаря проведенному исследованию удалось сформулировать и предложить ряд изменений и дополнений в нормативно-правовые ак-

ты, имеющие отношение к институту возбуждения уголовного дела как самостоятельной, полноценной стадии уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: институт возбуждения уголовного дела, как стадия уголовного судопроизводства, еще недостаточно полно рассмотрен в современной юридической науке. С целью устранения выявленных в уголовно-процессуальном законе пробелов в части, касающейся возбуждения уголовного дела, требуется внесение ряда поправок в российский уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадии уголовного судопроизводства, поводы, основания, правовое решение, преступление, информация, рапорт.

INITIATION OF A CRIMINAL CASE AS A STAGE OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: the article examines some problematic issues related to the initiation of a criminal case as one of the stages of Russian criminal proceedings. The author's proposals for making a number of amendments and additions to the criminal procedure law determine the practical significance of the research and its applied nature.

Materials and Methods: the work used regulatory and legal sources, scientific publications devoted to the institution of criminal proceedings, including publications related to the improvement of criminal procedure legislation, as well as modern law enforcement practice. The methodological basis of the research is a systematic approach to the study and analysis of social and legal phenomena. In the course of the research, a set of the following methods was used: comparative-legal, structural-functional, formal-legal, system analysis, a system of general scientific and private methods of cognition, as well as logical techniques and methods of research (analysis, synthesis, induction, deduction).

Results of the Study: allowed the author to summarize the materials collected in the process of studying issues related to the formation and development of the institution of criminal proceedings. It was possible to identify some features of its development and scientifically substantiate them. In addition, in response to the conducted research, it was possible to formulate and propose a number of amendments and additions to the normative legal acts concerning the institution of criminal proceedings as an independent, full-fledged stage of criminal proceedings.

Findings and Conclusions: the institution of initiation of a criminal case as a stage of criminal proceedings has not yet been fully considered in modern legal science. In order to eliminate the gaps identified in the criminal procedure law regarding the initiation of criminal proceedings, a number of amendments to the Russian criminal procedure law are required.

Keywords: initiation of a criminal case, stages of criminal proceedings, reasons, grounds, legal decision, crime, information, report.

Функция осуществления уголовного преследования является одной из основных функций российского уголовного процесса, основная цель которого — привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления.

Уголовный процесс, как длящееся действие, имеет свою внутреннюю логическую структуру, разделенную на определенные этапы и стадии. Стадии уголовного процесса представляют собой частично независимые друг от друга, но в то же время достаточно близко связанные между собой этапы уголовного судопроизводства, каждый из которых имеет свое итоговое процессуальное решение. Стадии уголовного процесса логически перетекают одна в другую по завершении предыдущей. Они в своем единстве образуют систему, функционирование которой призвано обеспечить максимально справедливое наказание для виновного лица и гарантированное освобождение от наказания невиновного. Каждая стадия несет в себе отличия от другой по ряду параметров: непосредственных задач, процессуальной формы, круга участников, характера уголовно-процессуальных отношений. Соблюдение всех законодательно установленных правил для каждой из стадий уголовного процесса имеет огромное значение.

Первоначальное и, наверно, самое крупное деление уголовного процесса выделяет досудебные и судебные стадии. Исключительность выделенных стадий опосредована узким кругом лиц, имеющих право на возбуждение производства в данных стадиях, возможность изменения или отмены решения, которое было принято в предшествующих стадиях, проверкой законности и обоснованности принятых на предыдущих стадиях решений.

Возбуждение уголовного дела, как стадия уголовного судопроизводства, относится к первоначальной стадии досудебного производства. В научном мире до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о необходимости признания возбуждения уголовного дела полноценной самостоятельной стадией уголовного судопроизводства. Данная проблема не является новой, она стояла и в период советского этапа развития уголовного судопроизводства. Стадия возбуждения уголовного дела присуща уголовно-процессуальному законодательству многих государств содружества постсоветского пространства [1, с. 31].

Ряд авторов придерживается той точки зрения, что возбуждение уголовного дела не должно быть стадией уголовного процесса. При этом не каждое уголовное дело в обязательном порядке проходит через все стадии. Для ряда дел одна-две стадии могут законно отсутствовать.

Нами не ставится задача рассмотреть все стадии уголовного судопроизводства, наша задача — исследовать первоначальную стадию досудебного производства, стадию возбуждения уголовного дела. Для начала отметим, что авторы настоящей статьи являются сторонниками признания стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной, полноценной стадии уголовного судопроизводства, присущей для всех форм расследования и всех категорий уголовных дел. Основными проблемами, ставящими вопрос о необходимости признания данной стадии как самостоятельной и полноценной, на наш взгляд, являются:

- значительная потеря времени при ограниченном наборе возможных действий для сбора информации о совершённом правонарушении с признаками преступления;
- сложность определения наличия признаков преступления на первоначальном этапе сбора информации о правонарушении;
- вынесение порой незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В последнем случае некоторые сотрудники правоохранительных органов не видят смысла возбуждать уголовное дело в отношении заведомо проигрышного, трудно раскрываемого и расследуемого, «безнадежного» уголовного дела.

В качестве примера приведем анекдотичный случай из практики деятельности правоохранительных органов З. края. Участковый уполномоченный полиции Ш. района, З. края, осуществляя сбор материалов на стадии возбуждения уголовного дела по факту кражи поросенка из подворного хозяйства, принял правовое решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Свое решение сотрудник мотивировал тем, что поросенок пытался переплыть реку, которая находилась недалеко от подворного хозяйства, и утонул.

В другом случае оперативному уполномоченному уголовного розыска отдела полиции № 0 Б. района, Н. обл. руководителем для проверки и принятия решения было отписано заявление о пропаже коровы. Вместе с заявлением о пропаже коровы сотруднику был передан протокол осмотра места происшествия, а именно места обнаружения обглоданных хищными животными останков коровы: шкуры, ног и головы с отверстием в черепе. По характеру и месту расположения отверстия в черепе коровы явно было видно, что корова была застрелена, мясо вывезено, а хищные животные просто обглодали останки коровы. Сотрудник же полиции не стал даже внимательно читать протокол осмотра останков животного и вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Свое решение он мотивировал тем, что корова ушла в лес, на нее напали волки, которых недавно видели жители села.

Даже эти анекдотичные, реальные жизненные примеры, имевшие место в реальной практике, говорят в пользу существования стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельно-полноценной стадии уголовного судопроизводства.

Придерживаясь мнения о том, что возбуждение уголовного дела является первоначальной, самостоятельно-полноценной стадией уголовного процесса, отметим, что она образована, как правило, сразу несколькими видами правовой деятельности. В частности, это уголовно-процессуальная, оперативная и организационная деятельность, а в некоторых случаях и административно-правовая деятельность, т. к. ряд уголовно-наказуемых деяний вытекает из административных проступков.

Стадия возбуждения уголовного дела начинается с момента получения информации о признаках преступления и начала производства доследственной проверки. Проверка сообщения о преступлении — «доследственная проверка» — является важным правовым механизмом на стадии возбуждения уголовного производства [2, с. 30]. Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривает общий порядок рассмотрения данной информации. Часть 1 статьи 144 УПК РФ обязывает соответствующих должностных лиц правоохранительных органов принятие и проверку сообщения о преступлении. Однако на этапе принятия сообщения и его проверки не совсем, наверное, корректно говорить о преступлении. Принятие сообщения и его проверка являются только началом стадии возбуждения уголовного дела, и на этом этапе, как представляется, рано говорить о преступлении. О преступлении можно говорить только на окончательном этапе данной стадии, т. е. тогда, когда уже будет принято решение о возбуждении уголовного дела. На первоначальном же этапе, по нашему мнению, речь может идти только о предполагаемом преступлении. Поэтому,

с нашей точки зрения, название статьи 144 УПК РФ необходимо несколько видоизменить, в частности, в её названии слово «преступлении» заменить, на словосочетание «правонарушении, имеющим признаки преступления». В связи с этим также считаем необходимым в частях 1, 1.1, 1.2, 2, 4, 5, 6, 9 статьи 144 УПК РФ слово «преступлении» заменить фразой «правонарушении, имеющем признаки преступления».

Для принятия правового решения о возбуждении уголовного дела необходимо наличие повода и оснований, предусмотренных статьей 140 УПК РФ. Поводов для принятия правового решения о возбуждении уголовного дела четыре:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;
- постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, т. е. возбуждении уголовного дела.

Рассмотрим поэтапно все четыре повода, предусмотренных в статье 140 УПК РФ.

Первым поводом указано заявление о преступлении. Заявление о преступлении может быть подано как в письменной, так и в устной форме. Заявление о совершённом преступлении может сделать любой гражданин, как совершивший преступление, так и другое лицо [3, с. 17]. Лицо, заявившее о преступлении, в обязательном порядке предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Заявление о преступлении, поданное анонимно, не является поводом для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако это не означает, что поданное анонимно заявление о преступлении не подлежит рассмотрению. Указанное заявление в обязательном порядке проверяется и при установлении оснований, дающих право полагать о наличии признаков преступления; сотрудник, проводивший проверку, подготавливает соответствующий рапорт, который, по сути, и будет являться основанием для возбуждения в последствии уголовного дела.

В первом поводе речь идет снова о преступлении. Как уже отмечалось ранее, на первоначальном этапе исследуемой нами стадии можно вести речь только о предполагаемом преступлении, о преступлении же можно говорить, когда уже принято решение и уголовное дело возбуждено. Кроме того, как гражданин, не знакомый с уголовно-процессуальным законодательством, обратившийся с заявлением, может определить, является ли совершённое правонарушение преступлением? Порой даже компетентному лицу при наличии уже собранных проверочных материалов сложно определить, является ли совершённое деяние уголовно наказуемым. Поэтому предлагаем в пункте 1 части 1 статьи 140 УПК РФ слово «преступлении» также заменить фразой «правонарушении, имеющем признаки преступления».

Второй повод предусматривает явку с повинной. По сути своей, это тоже заявление, но заявление о совершении правонарушения самим заявителем. Однако в пункте 2 части 1 статьи 140 УПК РФ не говорится, о чем явка с повинной. Явка с повинной может быть и об административном проступке, нарушении трудового законодательства и т. п. Ведь сама по себе явка с повинной означает, что человек повинился в каком-либо проступке, и этот проступок может быть уголовно не наказуем. Необходимо уточнить

на законодательном уровне, о чем идет речь в явке с повинной. Свою точку зрения по вопросу фразы «преступление» на стадии возбуждения уголовного дела авторы статьи уже высказали. Поэтому предлагается следующее: в пункте 2 части 1 статьи 140 УПК РФ словосочетание «явка с повинной» продлить фразой «правонарушении, имеющем признаки преступления». Тем более в статье 142 УПК РФ уже конкретно говорится о том, что явка с повинной — это добровольное заявление о совершённом преступлении. И снова речь идет о преступлении, а не о признаках преступления. Целесообразно было бы в понятие явки с повинной, изложенное в части 1 статьи 142 УПК РФ, внести следующее изменение: слово «преступлении» заменить той же фразой — «правонарушении, имеющим признаки преступления».

В практической деятельности, хотя и редко, имеют место случаи ложной явки с повинной [4, с. 17]. В случае, когда выявляется ложность явки с повинной на стадии возбуждения уголовного дела, выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Если же уголовное дело уже возбуждено, то оно подлежит незамедлительному прекращению. При этом лицо, ложно заявившее о явке с повинной, никакой ответственности не несет. Данные случаи, как правило, наблюдаются у лиц уже осужденных и отбывающих наказание, когда им хочется «развлечься».

Третий рассматриваемый нами повод, это повод, в котором ведется речь об информации, полученной из различных источников. «Различные источники» каждый правоприменитель волен трактовать свободно, по своему усмотрению. Сам факт появления свободного повода привел к формальной неопределенности этого повода [5, с. 7]. Эта неопределенность потребовала от законодателя введение такого процессуального документа, как рапорт об обнаружении признаков преступления. Данный повод в сущности своей является невостребованным, в практической деятельности он не используется. Его полностью заменил рапорт об обнаружении признаков преступления. Предваряя сказанное далее, отметим, что название этого документа звучит юридически грамотно. В рапорте не идет речь о преступлении, а только о признаках преступления. Поэтому введение вместо слова «преступление» фразы «признаки преступления» вполне закономерно и правильно. Однако же вернемся к исследуемому поводу. Как уже говорилось выше, информация (сообщение) в чистом её виде в практической деятельности правоохранительными органами не используется. Полученная из различных источников информация сначала проверяется, а затем сотрудником, осуществлявшим проверку этой информации (сообщения), выводится рапорт по результатам проверки. И было бы, наверное, справедливо считать поводом рапорт, составленный по результатам проверки полученной информации. В пользу этого свидетельствует и факт обнаружения признаков преступления при проверке анонимного заявления. Как нами уже указывалось ранее, законом определено, что анонимное заявление не является поводом для возбуждения уголовного дела. К иным источникам его также нельзя отнести, если законодатель выделил анонимному заявлению отдельное, самостоятельное место в статье 141 УПК РФ. Поэтому предлагаем пункт 3 части 1 статьи 140 УПК РФ изложить в следующей редакции: «рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный по результатам проверки сообщения, полученного из иных источников».

Четвертый повод нашей критике не подвергается. Следует только заметить, что постановление прокурора о необходимости решения вопроса о возбуждении уголовного

дела (уголовного преследования) не означает обязательного принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это только повод, но не основания. Оснований для возбуждения уголовного дела может и не оказаться. Однако для их установления или неустановления может быть проведена отдельная проверка.

Пятым дополнительным пунктом 1.2 в 2014 г. был введен в статью 140 УПК РФ как повод для возбуждения уголовного дела материал, полученный из Центробанка, для принятия решения об уголовном преследовании. С другой стороны, это тот же пункт третьей части 1 статьи 140 УПК РФ. Информация, полученная из Центробанка России, это информация, полученная из иных источников. Просто необходима конкретизация, откуда должна поступить информация, которая может послужить поводом для возбуждения уголовного дела. В 2019 г. федеральным законом данный повод был отменен. И это было верное и своевременное законодательное решение. Этот повод, по нашему мнению, не являлся совершенствованием УПК РФ, а «захламлял» в очередной раз уголовно-процессуальный закон. В действующем УПК РФ и без того имеется множество дополнительных пунктов, статей с большим количеством значков 1, 2, 3 и т. д., многие из которых, как представляется, не совершенствуют УПК РФ, а лишь запутывают его.

Подтверждением данного мнения является закон, принятый 23 марта 2021 г. Государственной думой Российской Федерации, который вносит изменения в статью 140 УПК РФ в части, касающейся оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Введенный в статью 140 УПК РФ пункт 4 гласит, что не является основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела факт обнаружения в теле человека наркотических, психотропных, и т. п. веществ. Не является указанным основанием и нахождение гражданина в наркотическом опьянении. Нахождение в теле человека наркотических, психотропных и т. п. веществ, а равно и нахождение человека в наркотическом состоянии, естественно, не может являться основанием для уголовного преследования. Указанные вещества в теле человека могут оказаться и не по воле самого человека. Также и в состоянии наркотического опьянения человек может оказаться не по своей воле, а по воле других лиц. И совсем необоснованно законодательно подтверждать, что это не является основанием для возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования. Да и сам уголовный закон нашего государства не предусматривает ответственности за нахождение человека в наркотическом опьянении, либо обнаружении в теле человека наркотических, психотропных и т. п. веществ. В противном случае лица, пострадавшие от насильственных действий других лиц, могли еще пострадать и от государственных органов путем уголовного преследования, т. е. оказаться виноватыми, на самом деле не будучи таковыми.

В соответствии со статьей 140 УПК РФ основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела является выявление наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Достаточно полно, конкретно и вполне ясно разъяснено, что может служить основанием для возбуждения уголовного дела. Рассматриваемый нами дополнительно введенный в статью 140 УПК РФ пункт 4 просто уточняет (так же, как и ранее рассмотренный отмененный повод), что не является основанием возбуждения уголовного дела по конкретному преступному деянию. Если придерживаться точки зрения законодателя, то необходимо законодательно уточнить, что именно не может являться основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела

по многим составам уголовного закона нашего государства. В таком случае, например, для принятия решения о возбуждении уголовного дела по доведению до самоубийства необходимо законодательно уточнить, что наличие только предсмертной записки без каких-либо других данных, указывающих на признаки преступления, не является основанием для возбуждения уголовного дела. Ведь вполне возможно, что человек просто решил свести счеты с жизнью по каким-либо обстоятельствам, не связанным с виной других лиц, а в предсмертной записке решил напоследок «отомстить» своему недругу. И данный пример не единственный.

Хочется отметить, что нами просто высказана позиция относительно введения в статью 140 УПК РФ новой нормы, а приживется ли она, или будет «мертворожденной», рассудит практическая деятельность.

Хотелось бы немного остановиться и на основополагающей цели, которую преследует институт возбуждения уголовного дела. Главная цель уголовного преследования и возбуждения уголовного дела, как стадии уголовного судопроизводства, прямо в уголовно-процессуальном законе не обозначена. Однако она вытекает из его оснований; и по сути своей цель возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования — это установление достаточных данных о признаках преступления, т. е. установление указанных оснований является основной целью возбуждения уголовного дела и начала процесса уголовного преследования. При этом видится справедливым отметить, что данная цель является обязательной.

Полнота исследования института возбуждения уголовного дела невозможна без изучения круга субъектов уголовного судопроизводства, обладающих этим исключительным правом возбуждать уголовные дела. При исследовании указанного круга субъектов выявляются существенные расхождения как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в практической деятельности. Следовательно, и в научном мире возникает достаточное количество дискуссий и споров относительно круга этих субъектов.

Круг субъектов, обладающих правом рассматривать сообщения о признаках преступления, принимать в установленный законодателем срок правовое решение, установлен частью 1 статьи 144 УПК РФ. Это следователи, руководители следственных органов, органы дознания (сотрудники, наделенные правом проведения оперативно-розыскной деятельностью), дознаватели. Какое именно решение необходимо принять, законодатель не оговаривает. Если рассуждать логически, то круг указанных субъектов может принять любое из правовых решений, указанных в части 1 статьи 145 УПК РФ, а значит, и принять решение о возбуждении уголовного дела. Этот же круг субъектов продублирован в точности в части 1 статьи 145 и в части 1 статьи 146 УПК РФ. Однако ни в статье 144, ни в статье 145, ни в статье 146 УПК РФ не сказано о начальнике подразделения дознания. В соответствии с частью 2 статьи 40.1 начальник подразделения дознания наделен правом возбуждать уголовные дела, и, более того, он обладает всеми полномочиями дознавателя. И это понятно. Начальник подразделения не может не обладать полномочиями своего подчиненного. Кажется, что законодатель просто упустил из вида, что существует такой субъект как начальник подразделения дознания. Необходимо данный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве устранить путем корректировки статей 144, 145 и 146 УПК РФ. А именно: в части 1 статьи 144 УПК РФ после слова «дознаватель» добавить фразу «начальник подразделения дознания», в части 1 статьи 145 УПК

РФ после слова «дознаватель» добавить фразу «начальник подразделения дознания», в части 1 статьи 146 УПК РФ после фразы «орган дознания» добавить фразу «начальник подразделения дознания».

По субъектам, имеющим право на возбуждение уголовного дела, установленное законодателем, и субъектам, реализующим это право в реальной деятельности правоохранительных органов, наблюдается явное несоответствие закона с практической деятельностью. По негласному указанию надзирающих органов (прокуратуры) органу дознания категорически запрещено принимать решение о возбуждении уголовного дела и выносить соответствующее постановление. Однако принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела и выносить соответствующее постановление надзирающий орган не запрещает. И в этом видится странность, поскольку ни один отдельный государственный орган не может быть выше законодателя. Возможно, возникают сомнения в компетентности органов дознания при определении наличия оснований для возбуждения уголовного дела? Однако почему тогда не возникают сомнения в компетентности органов дознания при принятии ими решения об отказе в возбуждении уголовного дела? В данной ситуации необходимо также установить наличие достаточных оснований для принятия указанного правового решения (отказа в возбуждении уголовного дела).

С целью устранения противоречий между законом и практической деятельностью предлагаем в части 1 статьи 145 фразу «орган дознания» убрать. Однако в этом случае возникает вопрос, а как же быть с многочисленными полномочиями начальника органа дознания, указанными в статье 40.2 УПК РФ? В этом случае полномочия начальника органа дознания в части, касающейся предварительного расследования в форме дознания, необходимо будет передать либо начальнику подразделения дознания, либо прокурору.

Расширять круг субъектов, наделенных правом возбуждать уголовные дела, на наш взгляд, необходимости нет. Перечень вышеуказанных субъектов вполне достаточен. Ранее правом возбуждать уголовные дела был наделен, кроме указанных субъектов, прокурор. Впоследствии, после разделения функций надзора и предварительного следствия в органах прокуратуры, право на возбуждение уголовных дел органами прокуратуры было упразднено. И это было обоснованное законодательное решение. Одновременно самим возбуждать уголовные дела, осуществлять предварительное расследование и в то же время надзор за соблюдением законности, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования, нелогично. Получается, осуществляется надзор за своей же деятельностью. Достаточно того, что постановление прокурора о направлении материалов в органы предварительного следствия и дознания является одним из поводов для возбуждения уголовного дела.

Рассматривая круг субъектов, наделенных правом возбуждать уголовные дела, нельзя обойти стороной статью 20 уголовно-процессуального закона. Статья 20 УПК РФ рассматривает виды уголовного преследования, которые напрямую связаны со стадией возбуждения уголовного дела. Начало уголовного преследования — это окончание стадии возбуждения уголовного дела.

Во-первых, законодатель в части 4 статьи 20 УПК РФ не упоминает о начальнике подразделения дознания. В связи с этим необходимо часть 4 статьи 20 УПК РФ после слова «дознаватель» дополнить фразой «начальник подразделения дознания».

Во-вторых, субъектами возбуждения уголовных дел частного обвинения являются не только органы предварительного расследования, но и суд. В части 1 статьи 318 УПК РФ прямо указано, что по преступлениям, указанным в части 2 статьи 20 УПК РФ, дела частного обвинения в отношении установленного конкретного лица возбуждаются судом. Конкретно указанные уголовные дела возбуждаются мировым судьей. По данной категории уголовных дел практически сразу же после поступления заявления от пострадавшего лица возбуждается уголовное дело и начинается судебное следствие. Досудебной проверки как таковой не проводится. Стадия возбуждения уголовного дела, в сущности, включает в себя только принятие судом заявления установленного частью 5 статьи 318 УПК РФ образца.

Тенденция на приведение действующих законов в соответствие с конституционными нормами не обошла стороной и основную отрасль российского законодательства — уголовно-процессуальное право [6, с. 133]. Как видим, институт возбуждения уголовного дела, как стадия уголовного судопроизводства, еще недостаточно полно исследован и нуждается во внимании ученых-процессуалистов и законодателя. Рамки одной статьи не позволяют достаточно полно и подробно осветить все проблемы, связанные с возбуждением уголовного дела. Авторы предприняли попытку акцентировать внимание коллег только на тех вопросах, которые на сегодняшний день считают наиболее актуальными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Клевцов К. К. Организационно-правовые и процессуальные особенности рассмотрения сообщений о преступлениях, имеющих иностранный элемент // Российский следователь. — 2017. — № 23. — С. 30—33.
2. Клевцов К. К. Организационно—правовые и процессуальные особенности рассмотрения сообщений о преступлениях, имеющих иностранный элемент // Российский следователь. — 2017. — № 23. — С. 30—33.
3. Смолькова И. В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2016. — № 3 (78). — С. 15—24.
4. Смолькова И. В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2016. — № 3 (78). — С. 15—24.
5. Варнавский Д. А. Индивидуализация поводов для возбуждения уголовного дела. // Российский следователь. — 2016. — № 19. — С. 6—8.
6. Доника Д. А. К вопросу злоупотребления правом как проблеме в уголовно-процессуальной науке // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — С. 132—143.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Klevtsov K. K. Organizational-legal and procedural features of the consideration of reports on crimes that have a foreign element // Russian investigator. - 2017. - № 23. - P. 30-33.
2. Klevtsov K. K. Organizational-legal and procedural features of consideration of reports on crimes that have a foreign element // Russian investigator. - 2017. - № 23. - P. 30-33.

3. Smolkova I. V. Should the accused bear criminal responsibility for the false accusation of an obviously innocent person? // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 3(78). – P. 15-24.

4. Smolkova I. V. Should the accused bear criminal responsibility for the false accusation of an obviously innocent person? // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 3(78). – P. 15-24.

5. Varnavsky D. A. Individualization of reasons for initiating a criminal case. // Russian investigator. - 2016. - . № 19. - P. 6-8.

6. Donika D. A. On the issue of abuse of law as a problem in criminal procedure science. // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2(93). – P. 132-143.

УДК 343.01

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-115-128

Михайлова Тамара Николаевна

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат педагогических наук
Email: stn-postman@mail.ru

Mikhailova Tamara Nikolaevna

Associate Professor of the Criminal
Procedure Department of the
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences
Email address: stn-postman@mail.ru

**ПРИНЦИП ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ**

Введение: в российском уголовно-процессуальном законодательстве несовершеннолетний правонарушитель занимает особое положение. В силу возрастных особенностей физического, психического и эмоционального развития именно данный субъект нуждается в дополнительных гарантиях защиты со стороны государства. В статье обоснована позиция существования принципа особого положения несовершеннолетнего в рамках современного уголовного судопроизводства России, который находит свою реализацию в максимально индивидуальном подходе правоприменителя к исследованию обстоятельств совершённого несовершеннолетним правонарушения, в повышенном уровне защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, в восстановительном характере уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетнего, в соизмеримости применяемых в отношении несовершеннолетнего мер государственного принуждения особенностям его личности и обстоятельствам совершённого правонарушения, а также в ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя.

Материалы и методы: основу исследования составило законодательство Российской Федерации, научные исследования в области досудебного и судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, материалы судебной практики. Методологической основой исследования выступил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания. Кроме того, использовался метод опроса через интервьюирование представителей органов предварительного расследования.

Результаты исследования позволили определить основные проблемы становления и перспективы развития ювенального судопроизводства России.

Выводы и заключения: проанализированные нормы действующего законодательства, анализ материалов судебной практики, опрос должностных лиц органов предварительного расследования позволили установить, что сегодня в рамках уголовного судопроизводства России, несмотря на отсутствие законодательного закрепления в главе II УПК РФ, действует принцип особого положения несовершеннолетнего, находящий свою реализацию в ряде законодательных положений. Некоторые из указанных положе-

ний нуждаются в дальнейшем совершенствовании как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя. При этом значительные шаги в области создания дружественного по отношению к ребенку правосудия Россией уже сделаны.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, преступность, уголовное судопроизводство, ювенальное судопроизводство, принцип особого положения несовершеннолетнего.

THE PRINCIPLE OF THE SPECIAL STATUS OF A MINOR IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Introduction: In the Russian criminal procedure legislation, a minor offender occupies a special position. Due to the age characteristics of physical, mental and emotional development, this particular subject needs additional guarantees of protection from the state. The article substantiates the position of the existence of the principle of the special status of a minor in the framework of modern criminal proceedings in Russia, which finds its implementation in the most individual approach of the law enforcement officer to the investigation of the circumstances of the offense committed by a minor, in the increased level of protection of the rights and legitimate interests of a minor, in the restorative nature of criminal proceedings against a minor, in the proportionality of the measures of state coercion applied to a minor to the specifics of his personality and the circumstances of the offense committed, as well as in the resocialization of the minor.

Materials and Methods: the research was based on the legislation of the Russian Federation, scientific research in the field of pre-trial and judicial proceedings in criminal cases against minors, materials of judicial practice. The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description. In addition, the survey method was used by interviewing representatives of the preliminary investigation bodies.

Results of the Study: allowed us to identify the main problems of the formation and prospects for the development of juvenile justice in Russia.

Findings and Conclusions: the analyzed norms of the current legislation, the analysis of materials of judicial practice, the survey of preliminary investigation bodies allowed us to establish that today, in the framework of criminal proceedings in Russia, despite the lack of legislative consolidation in Chapter II of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, there is the principle of the special status of a minor, which is implemented in a number of legislative provisions. Some of these provisions need further improvement on the part of both the legislator and the law enforcement officer. At the same time, Russia has already made significant steps in creating a child-friendly justice system.

Keywords: minor, juvenile, crime, criminal proceedings, juvenile proceedings, the principle of the special status of a minor.

Современная Россия характеризуется процессом постоянного реформирования различных сфер жизнедеятельности общества. Одной из таких сфер является правовая, в рамках которой наблюдается тенденция к повышению государственных гарантий защиты прав и законных интересов граждан Российской Федерации. На всех этапах исторического развития наиболее незащищенными и уязвимыми членами общества являлись и продолжают оставаться дети. Именно данная возрастная группа в силу особенностей физического, психического и эмоционального развития оказывается неспособной в должной мере реализовывать свои права и отстаивать законные интересы.

Сегодня несовершеннолетние выступают участниками разнообразных общественных отношений, опосредуемых нормами права, при этом, к сожалению, не является исключением и сфера уголовного судопроизводства. В рамках уголовного процесса несовершеннолетние могут быть наделены разным процессуальным статусом и участвовать в уголовном деле как в качестве потерпевших и свидетелей, так и в качестве подозреваемых и обвиняемых. В связи с особым статусом лиц, не достигших восемнадцатилетия к моменту совершения противоправного деяния, законодатель использует дифференцированный подход, уделяя особенное внимание психофизическим особенностям и социальным качествам подростков в силу их возраста. Именно поэтому в рамках уголовного процесса России предусмотрен особый порядок досудебного и судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Проблема преступности несовершеннолетних является одной из социально опасных и значимых проблем современного общества. По данным Генеральной прокуратуры, российские подростки ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тыс. преступлений, при этом стабильно высоким является удельный вес преступлений, совершаемых несовершеннолетними в общественных местах. Такого рода преступления свидетельствуют об отсутствии чувства страха быть пойманными и подвергнутыми мерам государственного принуждения со стороны несовершеннолетних лиц. Так, по данным ИЦ ГУВД Иркутской области, в 2019 г. на территории региона было зарегистрировано 890 антиобщественных деяний, совершённых несовершеннолетними лицами, из которых 457 — в общественных местах. В г. Иркутске было зарегистрировано 237 случаев совершения преступлений несовершеннолетними лицами, из которых 157 — в общественных местах. В 2020 г. данные показатели были снижены на 19,3 % и составили по Иркутской области 718 антиобщественных деяний, совершённых несовершеннолетними лицами, из которых 359 — в общественных местах. В г. Иркутске в 2020 г. было зарегистрировано 190 случаев совершения несовершеннолетними преступлений, из которых 109 — в общественных местах.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних имеет достаточно длительный путь развития от появления первых упоминаний о малолетних как особых участников уголовно-процессуальных отношений до создания специфической ювенальной юстиции в отношении несовершеннолетних лиц. Сам же термин «ювенальная юстиция» несет в себе следующее этимологическое значение: «ювенальный» — от лат. *juvenalis* «юный»; «юстиция» — от лат. *justicia* «справедливость» [1, с. 66]. В настоящее время существуют три вида модели ювенальной юстиции, сложившиеся в различных государствах: англо-американская, континентальная и скандинавская. Российская Феде-

рация, будучи самобытным государством, избрала свой собственный путь становления и развития системы ювенального судопроизводства.

В отечественной правовой системе изначально деятельностью по рассмотрению и разрешению споров с участием детей и защите их прав занимались различные общественные, благотворительные организации. Идея создания судов для несовершеннолетних в нашем государстве получила свое активное развитие только в начале XIX в. Так, в 1910 г. по инициативе общества Санкт-Петербургского патроната был создан первый в отечественной истории специализированный суд по делам несовершеннолетних [2, с. 228—229]. Судебный процесс в данных судах проходил на основе признания ребенка в качестве полноценного члена общества и уважения его права на собственную жизненную позицию [3]. Именно данные суды выступили плацдармом для развития идеи создания национальной системы ювенальной юстиции в нашей стране. Современные процессуалисты отмечают, что существовавшая в дореволюционной России система правосудия по делам несовершеннолетних, несмотря на свою примитивность, всё же была весьма эффективной, в связи с чем в XXI в. может идти речь не о создании, а только о восстановлении данной системы, учитывая современные технологии и исторический опыт. Как отмечает в своих исследованиях А. И. Овчинников, именно ювенальная юстиция должна выступать вектором государственной политики в отношении материнства, детства, семьи, и представлять из себя комплексную систему мероприятий, направленных на создание специальных институтов, дающих возможность государству активно влиять на такие процессы, как обучение, воспитание и бытовую жизнь несовершеннолетнего лица [4, с. 26].

Сегодня законодателем и правоприменителем признаётся потребность российской системы правосудия в создании отдельных судов по делам несовершеннолетних и системы социальных служб, содействующих судам в их деятельности. При этом ориентир взят на построение восстановительной системы ювенального судопроизводства, направленного на формирование дружественного по отношению к ребенку уголовного процесса. Совершенное правосудие в отношении несовершеннолетнего правонарушителя должно преследовать единственную цель — обеспечить максимально индивидуальный подход к соотношению личности нарушителя, его индивидуальным особенностям, совершённого деяния и применяемым мерам воздействия. При этом меры воздействия должны быть направлены на индивидуальную профилактику преступлений и правонарушений в будущем, а также на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетнего лица.

К сожалению, на нынешнем этапе исторического развития внедрить ювенальную юстицию в масштабах всей страны пока не получается, однако данный вопрос весьма эффективно решается на региональном уровне. Так, в Иркутской, Ростовской, Липецкой, Брянской областях, Республике Хакасия, Камчатском крае весьма плодотворно осуществляют свою деятельность по отправлению правосудия специально созданные отдельные составы суда по делам несовершеннолетних. Главной задачей данных судебных составов является не только вынесение справедливого решения по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, но и использование различного рода процедур для возможной его ресоциализации. Кроме того, обязательными участниками составов судов по делам несовершеннолетних являются психолог и социальные работники. С каждым

несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым ведется персонализированная работа по трудоустройству или особому контролю в учебном заведении, где он обучается, которая не заканчивается и после вынесения приговора. Особенно практикуется в деятельности данных судебных составов вынесение постановлений о досрочном снятии судимости в отношении несовершеннолетнего лица. Как отмечает в своих исследованиях

И. П. Попова, судебная практика с применением ювенальных технологий характеризуется тем, что вопросы наказания в приговорах в отношении несовершеннолетних более мотивированы, поскольку при обосновании своих выводов суд анализирует и дает оценку большому объему обстоятельств, характеризующих личность подсудимого [5, с. 199].

Правовой основой развития ювенального судопроизводства России выступают нормы Конституции Российской Федерации и главы 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), закрепляющие дифференцированный подход законодателя к проблемам детской преступности. Особого внимания заслуживают положения федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Проведя правовой анализ содержания вышеуказанных актов, можно прийти к выводу о том, что сегодня в рамках уголовного судопроизводства России действует принцип особого положения несовершеннолетнего, находящий свою реализацию в следующих положениях:

1. *Максимально индивидуальный подход правоприменителя к исследованию обстоятельств совершённого несовершеннолетним правонарушения.*

Установленные законодательством правила уголовного судопроизводства по делам с участием несовершеннолетних и производства, осуществляемого в общем порядке — едины. Вместе с тем в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления 18-летнего возраста, установлен ряд изъятий из общих правил, сосредоточенный в главе 50 УПК РФ. Индивидуальный подход правоприменителя к исследованию обстоятельств совершённого несовершеннолетним правонарушения, прежде всего, обеспечивается в предусмотренной статьей 422 УПК РФ процедуре выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство в случае совершения им преступления в соучастии с совершеннолетним лицом. Целью данной меры является устранение какого-либо отрицательного воздействия на подростка со стороны взрослых соучастников и максимально индивидуальный подход к исследованию его личности и обстоятельств совершённого им преступления. При этом в случае невозможности осуществления данной процедуры к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослым, в любом случае должны применяться правила главы 50 УПК РФ. Анализ правоприменительной практики показал, что органы предварительного расследования, несмотря на формулировку статьи 154 УПК РФ «дознатель, следователь вправе выделить уголовное дело в отдельное производство, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела», реализуют данную меру как императивную обязанность

в отношении несовершеннолетних лиц, независимо как от объема уголовного дела, так и от множественности эпизодов. Только в семи случаях в рамках изученных нами уголовных дел архивов судов г. Иркутска (всего было изучено 47 уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц) органами предварительного расследования не было принято решение о выделении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство, ввиду того, что несовершеннолетний являлся исполнителем, организатором, подстрекателем преступления либо активно участвовал во всех эпизодах преступной деятельности взрослых.

Максимально индивидуальный подход правоприменителя к исследованию обстоятельств совершённого несовершеннолетним правонарушения также находит отражение в предусмотренной законодателем дифференцированной форме определения предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц. Предметом доказывания по уголовному делу, субъектом которого выступает несовершеннолетний, является система юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению применительно к специфике возрастного, психофизического и социального аспектов субъекта преступления, которые необходимы для качественного расследования и разрешения уголовного дела. Данную систему составляют обстоятельства, перечисленные в статье 73 УПК РФ, а также дополнительные обстоятельства, закрепленные в статье 421 УПК РФ. К последним законом отнесены: возраст несовершеннолетнего лица; уровень психического развития и иные особенности личности несовершеннолетнего; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Как видим, в центр предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних, прежде всего, поставлены личность подростка и установление условий его жизни и воспитания. Как отмечает в своих исследованиях М. С. Потехин, «в правоприменительной практике установление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего правонарушителя тесно взаимосвязано с установлением обстоятельств, способствующих совершению им уголовно-наказуемого преступного деяния» [6, с. 95]. Именно установление последних является очень важным с точки зрения проведения превентивных мероприятий по предупреждению подростковой преступности в целом. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует, что зачастую со стороны практиков установление обстоятельств по уголовным делам в отношении несовершеннолетних сводится к формальному сбору только характеризующего материала, за счет которого предмет доказывания искусственно расширяется, а предусмотренная действующим законодательством его конкретизация и индивидуализация не достигаются. К сожалению, не всегда назначается и проводится нужный вид экспертизы для установления уровня психического развития ребенка; допрашиваются школьный психолог и классный руководитель учебного заведения, в котором проходит обучение несовершеннолетний; не запрашивается его портфолио; не устанавливается круг общения и интересы подростка; в должной мере не изучается обстановка, в которой проходит формирование личности несовершеннолетнего, детерминанты его противоправного поведения; не создаются условия, способствующие предотвращению дальнейшей противоправной деятельности несовершеннолетнего лица и исправлению его личности. При этом получить вышеуказанную информацию несложно и представляется возможным из таких материалов, как: справка и характеристика с места жительства несовершеннолетнего лица; акт обследо-

ния жилищно-бытовых условий; характеристика от участкового уполномоченного полиции; характеристика и портфолио из школы или иного образовательного учреждения; справка от ПДН и КДН об имевшихся правонарушениях и принятых по ним мерах; показаний, полученных в ходе допросов несовершеннолетнего, родителей, родственников, их ближайшего окружения, школьного психолога, классного руководителя, друзей подростка и т. д. Именно такой подход правоприменителя будет способствовать конкретизации и индивидуализации предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних на практике, представленного системой сложных и взаимодополняющих обстоятельств, требующих всестороннего исследования со стороны органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

На максимально индивидуальный подход правоприменителя к исследованию обстоятельств совершённого несовершеннолетним правонарушения указывает и позиция высших судебных органов Российской Федерации относительно невозможности применения особого порядка принятия судебного решения в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте.

В целом вопрос постановления приговора в отношении несовершеннолетнего с применением правил главы 40 УПК РФ долгое время оставался спорным в научных и правоприменительных кругах. Анализ судебной практики показал, что с момента введения в действие УПК РФ изначально суды постановляли приговоры в особом порядке, в том числе и в отношении несовершеннолетних. Уголовно-процессуальное законодательство и в настоящее время не предусматривает запрета на такую сокращенную процедуру рассмотрения уголовного дела в отношении лица, не достигшего к моменту совершения преступления 18-летнего возраста. Вместе с тем при проверке конкретных судебных решений вышестоящими судами стала чаще высказываться позиция, что такая сокращенная процедура неприменима к несовершеннолетним подсудимым. Приговоры, постановленные в особом порядке в отношении несовершеннолетних, были отменены, а уголовные дела направлены на новое рассмотрение [7, с. 33]. В постановлении Пленума ВС РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» судам были даны рекомендации о невозможности применения установленного главой 40 УПК РФ особого порядка принятия судебного решения в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте. Однако в научных кругах данный подход высшего судебного органа страны встретил критику со стороны отдельных ученых. Так, В. В. Дьяконова отмечает, что запрет на предоставление несовершеннолетним возможности выбрать особый порядок рассмотрения его уголовного дела нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом и судом, и в конечном счете ставит несовершеннолетних в неравное процессуальное положение по сравнению с совершеннолетними обвиняемыми. Совершеннолетний оказывается в более приоритетном положении по сравнению с несовершеннолетним лицом. Однако В. В. Дьяконова, видимо, не учитывает того факта, что закрепленный в главе 50 УПК РФ порядок производства по делам несовершеннолетних направлен на максимально индивидуальный подход к личности каждого несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и при применении уголовного закона должен обеспечивать учет социальных, возрастных и физиологических особенностей данной категории участников уголовного судопроизводства, тогда как

особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением представляет упрощённую процедуру, при которой процессуальная экономия достигается путем отказа от судебного разбирательства и установления фактических обстоятельств уголовного дела, в связи с чем приговор основывается на материалах предварительного расследования. Между тем, когда речь идет о несовершеннолетнем правонарушителе, только полное исследование всех обстоятельств совершённого им деяния и всесторонний учет особенностей его личности, в рамках как досудебного, так и судебного производства по уголовному делу, смогут обеспечить принятие законного, справедливого и мотивированного решения.

2. Повышенный уровень защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Несовершеннолетний, оказавшийся вовлеченным в сферу уголовно-процессуальных отношений, в силу интеллектуального, физиологического и психологического развития зачастую оказывается не способным в полной мере осознавать происходящее и реализовывать предоставленные ему законом права, в свете чего нуждается в повышенном уровне защиты. В соответствии с нормами международного права в области защиты прав детей российский законодатель предусмотрел смешанную уголовно-процессуальную модель защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, которая сегодня представлена четырьмя сторонами: с одной стороны, интересы несовершеннолетнего представляет защитник (речь идет о профессиональной защите наделенного специальными познаниями в области права представителя интересов несовершеннолетнего лица), с другой — законный представитель (речь идет о непрофессиональной и в большей степени моральной защите интересов несовершеннолетнего лица), с третьей стороны — психолог (речь идет о психологическом сопровождении несовершеннолетнего лица специалистом в области детской психологии), с четвертой — педагог (речь идет об оказании педагогической поддержки, помощи несовершеннолетнему лицу специалистом в области педагогики). По замыслу законодателя защитник несовершеннолетнего, а также такая особая категория участников, как законные представители, педагог и психолог должны обеспечивать особый контроль за ходом производства по уголовному делу, оказывать необходимую помощь (поддержку) несовершеннолетнему и психологическое сопровождение всех процессуальных действий, участником которых он является. Присутствие указанных лиц является обязательным. Невозможно отказаться от их участия в уголовном деле, даже если несовершеннолетний желает защищать и представлять свои интересы самостоятельно. Законодателем в определенных случаях допускается только замена вышеуказанных лиц. На наш взгляд, благодаря такому подходу в максимальной степени обеспечивается требуемый нормами международного права дифференцированный подход и повышенный уровень защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Однако анализ судебной практики показал, что защитник, законные представители, педагог и психолог в рамках уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних не всегда проявляют достаточный уровень активности при осуществлении своих правозащитных, представительских и вспомогательных функций. Как правило, деятельность адвокатов ограничивается присутствием в ходе следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетнего, сбором ха-

рактизирующего материала с предоставлением его в органы предварительного расследования или в суд. Законные представители, не осознавая свою важную роль в рамках ювенального судопроизводства, достаточно пассивно реализуют предоставленные им УПК РФ права и редко используют оптимальные и эффективные средства защиты несовершеннолетнего лица. В отношении психолога и педагога сегодня со стороны органов предварительного расследования зачастую применяется шаблонный подход к выбору и приглашению данных специалистов из воспитательного или образовательного учреждения, в котором проходит воспитание или обучение несовершеннолетний, что еще больше приводит к его скованности и тревожности в рамках производства по уголовному делу, создает психологически некомфортную обстановку общения ребенка с знакомыми ему представителями учебного заведения. Таким образом, несмотря на то, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве сегодня заложены разумные зачатки для эффективной реализации несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми права на защиту посредством создания смешанной уголовно-процессуальной модели защиты прав и законных интересов данных участников уголовного судопроизводства, механизм реализации вышеуказанной модели нуждается в совершенствовании. В правоприменительной практике необходимо исключить формальный и шаблонный подход к реализации своих прав со стороны участников ювенального судопроизводства, тем самым обеспечить развитие дружественного правосудия в отношении несовершеннолетних, в максимальной степени гарантирующего повышенный уровень защиты прав и законных интересов данных участников уголовного судопроизводства.

3. Восстановительный характера уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетнего.

Судебное разбирательство по уголовным делам в отношении несовершеннолетнего происходит в общем порядке с применением специальных правил, установленных уголовно-процессуальным законом. При этом Пленум ВС РФ акцентирует внимание на достижение максимального воспитательно-исправительного и восстановительного характера судебного процесса в отношении несовершеннолетних лиц.

Возможность применения к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия является одной из особенностей уголовной ответственности данных участников уголовного судопроизводства и выступает основным элементом восстановительной модели ювенального судопроизводства России.

Согласно нормам уголовно-процессуального закона, решение вопроса о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия может быть принято как в рамках судебного, так и в рамках досудебного производства по уголовному делу. В первом случае, в соответствии с ч. 1 ст. 432 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе, вынеся обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему в силу ч. 1 ст. 92 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия. Второй случай реализации принудительных мер воспитательного воздействия в рамках досудебного производства по уголовному делу предусмотрен ст. 427 УПК РФ. Однако, как в первом, так и во втором случаях при принятии решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия суд должен использо-

вать индивидуально-восстановительный подход к каждому несовершеннолетнему, принимая во внимание не только тяжесть и степень опасности совершённого им деяния, но и личностные особенности подростка, связанные с возможностью его исправления посредством исправительно-воспитательного воздействия назначенных ему мер. Как отмечает в своих исследованиях Л. И. Беляева, любое вынесенное в отношении несовершеннолетнего судебное решение обладает рядом особенностей, т. к. в подобных случаях в обязательном порядке учитываются нормы не только национального законодательства России, но и общепризнанные принципы и нормы международного права [8].

В рамках исследования практики применения института принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям нами было проведено интервьюирование в форме опроса дознавателей, следователей районов г. Иркутска. Всего в опросе приняло участие 39 должностных лиц органов предварительного расследования (21 следователь и 18 дознавателей). Перед представителями органов предварительного расследования было поставлено два вопроса:

1. Какие из предложенных законодателем принудительных мер воспитательного воздействия чаще всего избираются сегодня на практике?

2. Являются ли эффективными предусмотренные законом принудительные меры воспитательного воздействия?

На первый вопрос опрошенные респонденты ответили, что при рассмотрении темы возможности освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия, суды, как правило, назначают такие меры воспитательного воздействия, как предупреждение или передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо в специализированный государственственный орган; в незначительных случаях — ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Такая мера воспитательного характера, как возложение обязанности загладить причиненный вред, в судебной практике применяется достаточно редко, поскольку в силу отсутствия денежных средств у несовершеннолетнего ложится на плечи его законных представителей, в связи с чем цели принудительной меры воспитательного воздействия остаются недостижимыми.

На второй вопрос, к сожалению, более половины из опрошенных респондентов (63 %) дали отрицательный ответ. Основную проблему в эффективном воздействии назначенных несовершеннолетнему лицу мер воспитательного воздействия практики видят в отсутствии законодательного определения органа и должностных лиц, осуществляющих контроль за их исполнением. Сегодня таким органом является только комиссия по делам несовершеннолетних. Однако в реальных условиях комиссия может лишь частично осуществлять контроль за исполнением или неисполнением данных мер. В связи с чем одним из главных направлений в сфере развития восстановительной модели ювенального судопроизводства в нашем государстве должно стать создание системы единого контроля в сфере реализации принудительных мер воспитательного воздействия со стороны специально созданного для этих целей постоянно действующего контролирующего органа и специализированных центров, реализующих индивидуальные формы взаимодействия несовершеннолетнего с разными видами социальных работников.

4. Соизмеримость применяемых в отношении несовершеннолетнего мер государственного принуждения особенностям его личности и обстоятельствам совершённого правонарушения.

Раздел IV УПК РФ регламентирует вопросы применения мер процессуального принуждения в отношении участников уголовно-процессуальных отношений. Поскольку несовершеннолетний является особым участником данных отношений, в целях обеспечения дополнительных гарантий его личной неприкосновенности законодателем устанавливаются особые меры и правила.

Специфическим порядком применения отличается задержание несовершеннолетнего лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренное ст. 423 УПК РФ. Дополнительными гарантиями его личной неприкосновенности выступают: обязанность органов предварительного расследования о незамедлительном извещении законных представителей несовершеннолетнего лица; сокращенная продолжительность допроса задержанного несовершеннолетнего; обеспечение в рамках допроса двойного представительства его интересов со стороны защитника и законного представителя; исключение возможности в интересах предварительного расследования оставить факт задержания несовершеннолетнего втайне.

В рамках системы мер пресечения применительно к несовершеннолетнему в статье 105 УПК РФ сегодня закреплена особая мера — отдача несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) под присмотр. При этом в каждом конкретном случае органами предварительного расследования и судом должна в первостепенном порядке обсуждаться возможность применения именно данной меры пресечения. Как подчеркивают в своих исследованиях В. А. Гринев и Э. А. Амиралиева, употребление в нормах закона краткого прилагательного «должна» указывает на наличие обязанности органов предварительного расследования, прокурора, суда при избрании меры пресечения несовершеннолетнему «обсудить» соответствующий вопрос [9, с. 185]. Применение к несовершеннолетнему самой строгой меры пресечения — заключения под стражу — поставлено законодателем в зависимость от категории совершённого им преступления: в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях под стражу может быть заключен несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, совершивший преступление и средней тяжести [10, с. 152].

При решении вопроса о выборе и применении любой из предусмотренных нормами УПК РФ меры процессуального принуждения органам предварительного расследования и суду необходимо помнить, что основной целью применения вышеуказанных мер является предотвращение возможных нарушений со стороны несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а не наказание за них. При этом следователю (дознавателю) необходимо подходить к определению каждой меры индивидуально и ответственно и по возможности в приоритетном направлении исключать на практике применение мер, связанных с изоляцией несовершеннолетнего лица из привычной среды его нахождения.

5. Ресоциализация несовершеннолетнего правонарушителя.

Анализ норм международного права в области защиты прав детей и обращения с ними позволил определить ведущую концепцию международного сообщества: отказ от карательного подхода к несовершеннолетним правонарушителям и переход к системе

их ресоциализации. При этом ресоциализация должна носить не шаблонный, а строго персонализированный характер и учитывать процессуальное положение, личностные характеристики подростка, а также социальную ситуацию, в которую он попал.

Следуя нормам международного права, российский законодатель в статье 25 федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определил, что под ресоциализацией следует понимать комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Данное определение в полной мере применимо и к лицам, нарушившим уголовный закон, в несовершеннолетнем возрасте.

Ресоциализация несовершеннолетнего правонарушителя представляет собой целенаправленный процесс его перевоспитания, приобщения к нормальной социальной среде, реабилитации и адаптации в социуме, который преследует главную цель — не допустить рецидива правонарушения несовершеннолетним лицом. Ресоциализация несовершеннолетнего предполагает коррекцию его личности с деформированной системой ценностно-нормативных представлений и возвращение в общество социально здорового ребенка.

Современный российский законодатель использует различные средства для ресоциализации подрастающего законопослушного поколения. Политика государства основывается на разработке и применении к несовершеннолетнему правонарушителю мер, не связанных с его изоляцией от образовательного учреждения, семьи и общества без крайней на то необходимости. В связи с этим при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего подсудимого суд должен решить следующие вопросы: 1) возможность освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия, либо 2) возможность условного осуждения несовершеннолетнего, либо 3) возможность назначения несовершеннолетнему наказания, не связанного с лишением свободы.

Наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с обязательным приведением мотивов принятия такого рода решения. При этом при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего вопрос о его благополучии и возможной скорейшей ресоциализации должен служить определяющим фактором для органов предварительного расследования и суда.

Таким образом, проанализированные нами положения действующего уголовно-процессуального законодательства и законодательства в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации свидетельствуют о том, что, несмотря на отсутствие законодательного закрепления в главе II УПК РФ, сегодня в рамках уголовного процесса весьма эффективно реализуется принцип особого положения несовершеннолетнего. Именно такой подход способствует эффективному развитию ювенального судопроизводства современной России, когда дети выступают в качестве особо защищенных участников уголовного судопроизводства и не рассматриваются правоприменителем аб-

страктно. Безусловно, многие положения по обеспечению соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних нуждаются в дальнейшем развитии, а некоторые из них — в корректировке на законодательном уровне. Однако значительные шаги в области создания дружественного по отношению к ребенку правосудия Россией уже сделаны. Главной задачей сегодня должно стать целенаправленное развитие всех созданных элементов системы ювенального судопроизводства и разработка новых, основанных на принципе особого положения несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Романенко М. С. Проблемы и перспективы развития ювенальной юстиции в России / М. С. Романенко // Научные вестн. — 2019. — № 6. — С. 65—72.
2. Михайлова Т. Н. Эволюция развития нормативно-правовой основы ювенального судопроизводства России / Т.Н. Михайлова, О. П. Грибунов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (14). — С. 225—236.
3. Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Дети-преступники: сб. ст. / под ред. М. Н. Гернета. — М.: В. И. Знаменский и К, 1912. — 234 с.
4. Овчинников А. И. Новеллы ювенальной юстиции в контексте идеологии глобализма и неоглобализма / А. И. Овчинников // Юридический мир. — 2011. — № 2. — С. 26—30.
5. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления: дис. ... канд. юрид. наук / И. П. Попова. — Иркутск, 2018. — 321 с.
6. Потехин М. С. Некоторые вопросы об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности / М. С. Потехин // Научный журнал. — 2018. — № 4 (27). — С. 95—96.
7. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов / А. Д. Назаров, Л. В. Майорова // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 4. — С. 27—33.
8. Беляева Л. И. Правосудие в отношении несовершеннолетнего: вопросы и ответы / Л. И. Беляева. — М., 2015. — 134 с.
9. Гринев В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым): теоретико-правовой анализ / В. А. Гринев, Э. А. Амиралиева // Международный научный журнал «Символ науки». — 2017. — № 2. — С. 185—187.
10. Михайлова Т. Н. «Исключительные случаи» при решении вопроса о заключении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под стражу / Т. Н. Михайлова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2020. — № 2. — С. 152—154.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Romanenko M.S. Problems and prospects of development of juvenile justice in Russia / M. S. Romanenko // Scientific News. – 2019. – № 6. - P. 65-72.
2. Mikhailova T.N. Evolution of the development of the legal framework of juvenile justice in Russia / T.N. Mikhailova, O.P. Gribunov // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. – 2020. – № 2 (14). – P. 225-236.
3. Emelyanov A. Juvenile delinquency in magistrate judicial districts of Moscow // Children-criminals: a collection of articles / ed. by M. N. Gernet. – M.: V. I. Znamensky and Co, 1912. - 234 p.

4. Ovchinnikov A.I. Novellas of juvenile justice in the context of the ideology of globalism and neo-globalism / A I. Ovchinnikov // Yuridicheskiy mir. – 2011. – № 2. – P. 26-30.
5. Popova I.P. Indictment without sentencing in Russian criminal proceedings: the essence, grounds and order of resolution: diss. ... cand. jurid. sciences / I.P. Popova. – Irkutsk, 2018 – 321 p.
6. Potekhin M.S. Some questions about the living conditions and education of the minor, the level of mental development and other features of his personality / S.M. Potekhin // Scientific journal. – 2018. – № 4 (27). – P. 95-96.
7. Nazarov A.D. Investigative and judicial errors or incorrect application of the criminal law and the violation of its prohibitions / A.D. Nazarov, L.V. Mayorova // Siberian legal Bulletin. – 2016. – № 4. – P. 27-33.
8. Belyaeva L.I. Juvenile Justice: questions and answers / L.I. Belyaev. – M., 2015. – 134 p.
9. Grinev V.A. Supervision of a minor suspect (accused): theoretical and legal analysis / V.A. Grinev, E.A. Amiralieva // International scientific journal "Symbol of Science". – 2017. – No. 2. – P. 185-187.
10. Mikhailova T.N. "Exceptional cases" when deciding on the conclusion of a minor suspect, accused in custody / T.N. Mikhailova // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2. – P. 152-154.

Уголовный процесс

УДК 343.132

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-129-138

Смолькова Ираида Вячеславовна
профессор кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
Байкальского государственного
университета
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской
Федерации
E-mail: smolkovaiv@mail.ru

Smolkova Iraida Vyacheslavovna
professor of the Department of Crimi-
nal Procedure and Prosecutor's Su-
pervision Baikal State University
(Irkutsk)
doctor of Law, professor
Honored Lawyer of the Russian
Federation
E-mail: smolkovaiv@mail.ru

РОЗЫСК И ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, СКРЫВШЕГОСЯ ОТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Введение: статья посвящена одной из недостаточно разработанных в уголовно-процессуальном законодательстве и дискуссионных проблем отечественной науки уголовно-процессуального права — проблеме розыска и задержания подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования. Необходимость анализа данной проблемы обусловлена тем, что статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), посвященные регулированию розыска и задержания скрывшегося подозреваемого, изложены поверхностно и противоречиво.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Используются логический и системный методы исследования, а также методы анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных и специальных литературных источников сформулированы аргументы, обосновывающие необходимость совершенствования статей УПК РФ, регулирующих вопросы розыска и задержания скрывшегося подозреваемого.

Выводы и заключения: предлагается внести ряд изменений и дополнений в статьи УПК РФ, которые позволят исключить неясности и сложности, возникающие на практике при розыске и задержании скрывшегося подозреваемого.

Ключевые слова: розыскные меры, розыскные действия, розыск, скрывшийся подозреваемый, приостановление предварительного следствия, доставление, задержание, заключение под стражу.

TRACING AND APPREHENSION OF A SUSPECT WHO HAS ABSCONDED DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Introduction: the article is devoted to one of the insufficiently developed in criminal procedure legislation and the debating problems of the domestic science of criminal procedure

law - the problem of tracing and detaining a suspect who has fled from a preliminary investigation. The need to analyze this problem is due to the fact that the articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the regulation of the search and detention of a hiding suspect are superficially and contradictory.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is the general dialectical method of cognition. Logical and systemic research methods were used, as well as methods of analysis, description and generalization.

Results of the Study: based on the analysis of normative and special literary sources, arguments are formulated that justify the need to improve the articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the search and detention of a hiding suspect.

Findings and Conclusions: it is proposed to make a number of changes and additions to the articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will eliminate the ambiguities and difficulties that arise in practice when searching for and detaining a hiding suspect.

Key words: investigative measures, measures of inquiry, detection, a decamped suspect, to stay preliminary proceedings, to chase a suspect, apprehension, pretrial detention.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2019 г. в розыске находилось 90,3 тыс. подозреваемых и обвиняемых, местонахождение 47 тыс. из них (52 %) установлено не было¹. В правоприменительной практике следователи и дознаватели довольно часто сталкиваются с проблемами розыска скрывшихся подозреваемых (обвиняемых) от предварительного расследования. На первый взгляд, ориентирами для понимания сущности понятия «розыск подозреваемых, скрывшихся от предварительного расследования» являются имеющиеся в УПК РФ понятия: «розыскные меры» (п. 38 ст. 5; ч. 4 ст. 157), «розыскные действия» (ч. 1 ст. 152) и «розыск» (ч. 5 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209, ч. ч. 1 и 2 ст. 210, ч. 2 ст. 238).

Согласно п. 38 ст. 5 УПК РФ, *розыскные меры* — это «меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления». Из буквального толкования данной нормы следует, что *розыскные меры* принимаются для того, чтобы *установить* лицо, которое причастно к совершению преступления, но данные об этом лице либо вообще неизвестны, либо известны только предположительно. Следовательно, в п. 38 ст. 5 УПК РФ речь идет о лице, для привлечения которого к уголовной ответственности необходимо сначала получить конкретные сведения о его личности, затем разыскать и, если есть соответствующие основания, признать его подозреваемым. Это подтверждает и ч. 4 ст. 157 УПК РФ, которая предусматривает, что в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому *не обнаружено лицо, совершившее преступление*, орган дознания обязан принимать *розыскные* и *оперативно-розыскные меры* для его *установления*. Очевидно, что названные нормы (с позиции УПК РФ) к розыску скрывшегося подозреваемого не относятся.

¹ Официальный сайт МВД [Электронный ресурс]. — URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/result/annual/reports> (дата обращения: 13.05.2021).

«Розыскные действия» упоминаются в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, в соответствии с которой в случае необходимости их производства в другом месте (не по месту производства предварительного расследования) следователь вправе произвести их лично, либо поручить их производство другому следователю или органу дознания, аналогично дознаватель вправе произвести их лично либо поручить их производство другому дознавателю или органу дознания. Хотя в ст. 152 УПК РФ содержание понятия «розыскные действия» не раскрывается, из её смысла следует, что речь идет о действиях, направленных на установление места нахождения как лица, подозреваемого в совершении преступления, так и подозреваемого (признанного таковым в процессуальном порядке), скрывшегося от органов предварительного расследования.

Термин «розыск» законодатель использует в статьях УПК РФ, регулирующих вопросы приостановления предварительного следствия (ч. 5 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209, ч.ч. 1 и 2 ст. 210), соответственно, в них речь идет о розыске скрывшегося подозреваемого, в процессуальном порядке признанного таковым.

В уголовно-процессуальной литературе по поводу соотношения рассматриваемых понятий высказаны различные мнения. Так, одни авторы проводят между ними различия, при этом все-таки делая акцент на том, что при розыске принимаются меры, направленные на обнаружение именно скрывшихся подозреваемых, индивидуальные признаки которых в данный момент известны, но неизвестно их местонахождение [9, с. 54].

С позиции отдельных авторов, «розыскные действия» и «розыск» соотносятся друг с другом как часть и целое, поскольку первые представляют собой одно из средств «розыска» наряду с другими: следственными, процессуальными и поисковыми [2, с. 66; 8, с. 67].

В литературе имеется суждение и о том, что анализируемые понятия являются синонимичными [5, с. 5]. В частности, А. А. Сеньков в этой связи отмечает, что, вынося постановление о розыске, следователь одновременно возлагает на органы дознания принятие и розыскных мер, и розыскных действий [12, с. 72].

Рассуждая логически, следует признать, что в тех случаях, когда законодатель использует разные термины, он вкладывает в них разное содержание, но в данном случае, не раскрыв понятия «розыскные действия» и «розыск», он этого не сделал, что вызвало научную дискуссию в юридической литературе и проблемы в правоприменительной практике.

Представляется, что употребление ключевого слова «розыск» в анализируемых понятиях позволяет прийти к закономерному выводу о том, что они однородны (синонимичны) и в качестве одной из своих целей преследуют установление (поиск) места нахождения подозреваемых, скрывшихся от предварительного расследования. Это подтверждает и семантика слова «розыск», которое означает «разыскать, поиски разыскания кого, чего-н., отправиться на розыски (отправиться искать)» [10, с. 706].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что, с позиции уголовно-процессуального закона (ст. 208 УПК РФ), ситуации, когда: 1) не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого; 2) подозреваемый скрылся от следствия; 3) не установлено местонахождение подозреваемого по иным причинам, различны, как

и различен порядок приостановления предварительного расследования в этих случаях и процессуальные последствия обнаружения этих лиц.

В первоначальной редакции УПК РФ предварительное расследование могло быть приостановлено только в отношении обвиняемого, подозреваемый же в качестве такового субъекта был включен в ч. 1 ст. 208 УПК РФ федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ¹.

В уголовно-процессуальной литературе данная законодательная новелла вызвала разные суждения, которые условно можно разделить на две позиции.

Первая из них заключается в том, что приостановление предварительного расследования в отношении подозреваемого вообще «лишено всякого процессуального смысла» в силу кратковременности существования этой фигуры в уголовном судопроизводстве [3, с. 30—31].

Некоторые сторонники данной позиции указывают даже на недопустимость приостановления производства по делу в отношении подозреваемого, поскольку в этом случае «возникает проблема правовой неопределенности процессуального положения лица, в отношении которого предварительное следствие приостанавливается, по существу, речь идет об оставлении его в подозрении на неопределенный срок» [7, с. 434], что, в свою очередь, противоречит международным стандартам, исключаящим неопределенные задержки в производстве по уголовным делам, и не согласуется с тенденцией усиления защиты прав и законных интересов личности [6, с. 77].

Вторая позиция, наоборот, оценивает данную новеллу положительно, отмечая, что она ликвидировала существовавший в течение длительного времени пробел в законе относительно приостановления предварительного расследования в отношении подозреваемого [13, с. 521].

Представляется более верным второй подход к рассматриваемой новелле, поскольку подозреваемый по УПК РФ давно перестал быть кратковременным участником уголовного судопроизводства, так, при дознании он может существовать вплоть до его окончания (до 30 суток, а с учетом возможности продления срока дознания — до 60 суток — ч. 3 ст. 223 УПК РФ). Кроме того, непонятно, почему сторонники первой позиции не допускают, что подозреваемый может скрыться, не дожидаясь вынесения следователем постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, и что в целях его нахождения и последующего задержания может и должен быть объявлен розыск.

Пункт 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ объединяет два разных случая приостановления предварительного следствия: 1) подозреваемый *скрылся* от следствия и 2) место нахождения подозреваемого не установлено по иным причинам. Совершенно очевидно, что и в том, и в другом случае речь идет о подозреваемом, т. е. о лице, признанным таковым по одному из оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Объединяет эти случаи и то обстоятельство, что место нахождения подозреваемого в обоих случаях неизвестно, но в первом случае подозреваемый умышленно скрывается, а во втором —

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 22. — Ст. 2027.

умысла на сокрытие от следствия может и не быть. В частности, возможны ситуации, когда подозреваемый попал в больницу с тяжелым заболеванием, не позволяющим ему информировать об этом органы предварительного расследования. Поэтому нахождение подозреваемого в розыске не всегда означает, что он именно скрывается от органов предварительного расследования. Для исключения случаев необоснованного объявления в розыск подозреваемых как скрывшихся от предварительного расследования специальным межведомственным актом¹ установлен обязательный для выполнения комплекс мер, направленных на подтверждение того факта, что подозреваемый именно скрылся.

Некоторые авторы считают, что под понятием «скрылся» законодатель подразумевает умышленные действия лица, с целью избежать своего задержания сотрудниками правоохранительных органов [11, с. 21]. Такое толкование представляется достаточно узким, поскольку к подозреваемому уже могло быть избрано задержание, термин «скрылся» более широкий и включает умышленные действия подозреваемого, направленные на то, чтобы избежать негативных последствий привлечения его к уголовной ответственности.

Тот факт, что подозреваемый скрылся, порождает ряд уголовно-процессуальных последствий: приостановление предварительного расследования; объявление его в розыск; избрание или изменение назначенной меры пресечения на более строгую; задержание подозреваемого.

В соответствии с ч. 2 ст. 210 УПК РФ розыск скрывшегося подозреваемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением.

К сожалению, положения статей УПК РФ о розыске скрывшегося подозреваемого изложены крайне противоречиво, небрежно и нечетко. Так, в ст. 210 УПК РФ качестве субъекта, уполномоченного объявлять розыск скрывшегося подозреваемого, назван только следователь, но почему-то «забыт» дознаватель; в ч.ч. 3 и 4 этой же статьи подозреваемый по какой-то непонятной причине вообще не назван, в них предусмотрено применение задержания и меры пресечения только в отношении обнаруженного скрывшегося обвиняемого. Из сопоставления названия ст. 210 УПК РФ — «Розыск подозреваемого, обвиняемого» и её содержания можно сделать вывод о том, что задержание скрывшегося от расследования подозреваемого в законодательстве вообще не урегулировано.

В п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в качестве одного из оснований приостановления предварительного следствия указано: если место нахождения подозреваемого *не установлено* по иным причинам, а в ч. 1 ст. 210 УПК РФ — если место нахождения подозреваемого *не известно*. Очевидно, что «*не установлено*» и «*не известно*» — понятия, отличающие-

---

¹ Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц [Электронный ресурс]: приказ МВД России, Министерства юстиции РФ, Министерства здравоохранения РФ, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства обороны РФ, Следственного комитета РФ от 1 марта 2018 г. № 117дсп/40дсп/88н/82дсп/114дсп/17дсп. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ся друг от друга, имеют разные нюансы. Все перечисленные неточности и противоречия вызывают вопросы как в теории уголовного судопроизводства, так и в правоприменительной практике.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, в случае, когда подозреваемый скрылся, следователь должен принять меры по его розыску, в том числе поручить производство розыскных действий органу дознания (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Вместе с тем ни в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, ни в п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ не указывается на то, что следователь должен вынести поручение о задержании скрывшегося подозреваемого.

Следователь может поручить органу дознания выполнение только розыскных действий, к которым, однако, задержание не относится. Уголовно-процессуальное задержание в период приостановления предварительного следствия невозможно без его возобновления в соответствии со ст. 211 УПК РФ.

При установлении места нахождения скрывшегося подозреваемого следователь (дознатель), как правило, сталкивается с целым рядом сложностей: в частности, в момент обнаружения такого подозреваемого уголовное дело приостановлено (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), и производство следственных действий по нему не допускается (ч. 3 ст. 209 УПК РФ).

Возникают проблемы и при соблюдении сроков доставления обнаруженного скрывшегося подозреваемого к следователю, когда подозреваемый обнаружен на удаленном расстоянии от места предварительного следствия, соответственно, его доставление может занять достаточно продолжительное время, а в результате будут нарушены сроки задержания. Вместе с тем в современных условиях многие такие проблемы могут быть решены путем применения современных телекоммуникационных сетей, телефонной, электронной связи и других технических средств.

В случае обнаружения скрывшегося подозреваемого орган дознания обязан уведомить следователя, поручившего ему его розыск. Следователь же должен возобновить производство по делу (на основании п. 1 ч. 1 ст. 211 УПК РФ) и принять решение о задержании подозреваемого, поручив его исполнение тому же органу дознания.

В соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ сотрудники полиции имеют право «доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о *задержании* гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности **гражданина**, *если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда* (выделено нами — И. С.)». В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 14 федерального закона «О полиции» полиция имеет право задерживать **лиц**, находящихся в розыске. Однако в перечисленных случаях речь может идти об административном задержании, производимом органами полиции, затем административно задержанное лицо должно быть доставлено к следователю для применения в отношении него уголовно-процессуального задержания. Данное

¹ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. федер. закона № 12-ФЗ от 6 февр. 2020 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2020. № 6. Ст. 591.

рассуждение подтверждается и тем, что федеральный закон «О полиции» предусматривает задержание *граждан и лиц*, хотя и находящихся в розыске, но не подозреваемых.

В этой связи А. С. Архипов справедливо отмечает, что «действия органа дознания по идентификации и принудительному сопровождению обнаруженного подозреваемого исключаются из сферы уголовно-процессуальных отношений и осуществляются на основе административно-правовых норм» [1, с. 8].

В связи с анализируемой проблемой возникает и такой вопрос: можно ли объявить розыск лица, причастного к совершению преступления, скрывшегося с места совершения преступления при его фактическом задержании? Отрицательный ответ на этот вопрос дает сам закон: согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 210 УПК РФ, лицо, в отношении которого объявляется розыск, должно быть официально признано подозреваемым. Если же лицо не приобрело статус подозреваемого, то в этом случае исходя из содержания УПК РФ должны быть применены *розыскные меры и оперативно-розыскные меры* (п. 38 ст. 5, ч. 4 ст. 157).

К сожалению, в УПК РФ нет специальных норм, определяющих основания и порядок задержания разысканного скрывшегося подозреваемого после его обнаружения вне места производства предварительного следствия. В этом случае ориентироваться на положения ст. ст. 91 и 92 УПК РФ нельзя, поскольку они к данной ситуации не адаптированы. Глава 12 УПК РФ не регулирует задержание скрывшегося подозреваемого, объявленного в розыск. Ни одно из оснований задержания, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ, неприменимо в случае, когда скрывшийся подозреваемый обнаружен органом дознания в результате принятых мер по его розыску. В частности, п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ имеет место, когда лицо застигнуто во время совершения преступления или непосредственно после его совершения; п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ связывает задержание с указанием потерпевших или очевидцев на лицо, как на совершившее преступление, и, наконец, п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ требует наличия на подозреваемом, его одежде или в жилище явных следов преступления. Совершенно очевидно, что все основания задержания, указанные в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, имели место до того, как подозреваемый скрылся, и уже могли быть учтены при первоначальном его задержании, если таковое имело место. Они просто не могут возникнуть, если скрывшийся подозреваемый обнаружен в результате розыска.

Для задержания разысканного подозреваемого применение положений ч. 2 ст. 91 УПК РФ (если лицо «пыталось скрыться») также невозможно, а если и возможно, то только по аналогии. Но применение закона по аналогии, когда речь идет об ограничении конституционного права на неприкосновенность личности, принципиально недопустимо. Логично предположить, что нормы главы 12 («Задержание подозреваемого») и ст.ст. 208—210 УПК РФ должны быть взаимосвязаны, однако системного их единства, как видим, нет.

А. С. Архипов, исходя из того, что решение о задержании найденного скрывшегося подозреваемого принимают разные субъекты, полагает, что должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно вынести постановление о задержании либо дать поручение о задержании, а лицо, обнаружившее и задержавшее скрывшегося подозреваемого, — составить протокол задержания [1, с. 8]. Подобные

рекомендации, однако, не соответствуют УПК РФ, поскольку протокол уголовно-процессуального задержания должен быть составлен самим следователем (дознавателем).

С точки зрения С. Ф. Яковлевой и И. Р. Юнисова, алгоритм действий при установлении места нахождения скрывшегося подозреваемого должен быть следующим: фактическое задержание, вынесение постановления о фактическом задержании, незамедлительное уведомление начальника органа дознания по месту фактического задержания подозреваемого, начальника органа дознания по месту производства предварительного расследования, руководителя следственного органа по месту задержания и руководителя следственного органа по месту предварительного расследования уголовного дела, доставление к месту расследования [14, с. 203]. По мнению авторов, предложенный алгоритм создаст условия для признания процессуальных действий законными, а доказательства — допустимыми.

Однако предлагаемое решение потребует закрепления в УПК РФ процедуры фактического задержания, что приведет к проблеме существования двух видов задержания.

В плане рассматриваемой проблемы в реальности возможны следующие две ситуации: 1) скрылся подозреваемый, признанный таковым на основании п. п. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ; 2) скрылся подозреваемый, признанный таковым на основании п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, а именно: если он был ранее уже был задержан на основании ст. 91 УПК РФ.

В первой ситуации возникает проблема определения основания задержания разысканного скрывшегося подозреваемого, которого в настоящее время в УПК РФ нет. Во второй — проблема применения повторного задержания, однако и в этом случае положения ст. 91 УПК РФ к ней также неприменимы. Если в отношении первой ситуации при розыске скрывшегося подозреваемого задержание производится в первый раз, то в отношении второй — задержание должно быть избрано во второй раз (повторно). Однако повторное задержание в УПК РФ не предусмотрено.

Для случаев, когда в отношении обнаруженного скрывшегося подозреваемого необходимо избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу, Б. Гаврилов предлагает внести изменения в ст. 108 УПК РФ, согласно которым предусмотреть право подозреваемого предстать перед судом для подтверждения законности избрания этой меры пресечения [4, с. 7]. С этим предложением следует согласиться, однако при этом следует оговорить в законе о действии ч. 4 ст. 108 УПК РФ при доставлении задержанного скрывшегося подозреваемого в суд.

Перечисленные ситуации в законе не урегулированы, поэтому, думается, в УПК РФ должны быть внесены соответствующие дополнения и изменения.

Так, в ч. 3 ст. 91 УПК РФ необходимо установить в качестве самостоятельного основания задержания подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования, следующее: «При установлении места нахождения скрывшегося подозреваемого, в отношении которого следователем, дознавателем был объявлен розыск, он может быть задержан, за исключением случая, если ранее в отношении него было произведено задержание».

В ч. 1 ст. 210 УПК РФ слово «неизвестно» заменить на слово «не установлено».

Дополнить ст. 210 частью 4 следующего содержания: «При обнаружении места нахождения скрывшегося подозреваемого, объявленного в розыск, в отношении которого ранее было произведено задержание, при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, к нему может быть избрана мера пресечения, а в случаях, предусмотренных статьей 108 настоящего Кодекса, в качестве меры пресечения может быть избрано заключение под стражу». Соответственно, часть 4 ст. 210 УПК РФ в нынешней редакции считать частью 5.

В ч.ч. 3 ст. 210 УПК после слова «обнаружения» добавить слово «подозреваемый».

Кроме того, необходимо предусмотреть весь комплекс вопросов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов задержанного скрывшегося подозреваемого: необходимость разъяснения ему прав, и, прежде всего, право пригласить защитника, право на телефонный звонок в целях уведомления близких родственников и др.

Представляется, что эти дополнения компенсируют пробелы действующего УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архипов А. С. Задержание подозреваемого по поручению следователя вне места производства предварительного расследования (процессуальный аспект) // Российский следователь. — 2017. — № 8. — С. 7—9.

2. Бекетов М. Процессуальные аспекты исполнения органами дознания поручений следователя о производстве розыскных действий // Уголовное право. — 2009. — № 3. — С. 65—68.

3. Быков В. М., Попов А. М. Приостановление и возобновление предварительного расследования. — Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер», 2006. — 178 с.

4. Гаврилов Б. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Российская юстиция. — 2003. — № 10. — С. 5—9.

5. Гладышева О. В., Репкин М. С. Понятие и правовая природа розыскных действий следователя // Российский следователь. — 2009. — № 1. — С. 4—6.

6. Ефимичев С., Ефимичев П. Некоторые вопросы приостановления предварительного расследования // Уголовное право. — 2005. — № 3. — С. 77—79.

7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2017. — 1280 с. (автор главы — Е. И. Жидкова).

8. Ларин Е. Г., Павлов А. В. Место розыскных действий в системе средств розыска подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 2. — С. 63—67.

9. Мешков М. В., Гончар В. В. Историко-правовые аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Современная наука. — 2015. — № 3. — С. 51—54.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: «ООО ИТИ «Технологии», 2003. — 944 с.

11. Седелников П. В. Приостановление предварительного расследования ввиду объявления подозреваемого, обвиняемого в розыск: выбор основания / П. В. Седелников, Е. Н. Чемерилова, М. Н. Уварова // Законодательство и практика. Науч.-практ. журн. Омской академии МВД России. — 2020. — № 1 (44). — С. 20—23.

12. Сеньков А. А. Розыск скрывшегося подсудимого // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право. — 2011. — № 27. — С. 72—75.

13. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 2-е изд. доп. и перераб. — СПб.: Питер, 2016. — 848 с.

14. Яковлева С. А., Юнисов И. Р. Вопросы уголовно-процессуального регулирования задержания подозреваемого, объявленного в розыск // Вестник Марийского гос. ун-та. — Сер.: Исторические науки. Юридические науки. — 2020. — Т. 6. — № 2. — С. 196—206.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Arkhipov A. S. Detention of a suspect on behalf of an investigator outside the place of preliminary investigation (procedural aspect) // Russian investigator. - 2017. - No. 8. - pp. 7-9.

2. Beketov M. Procedural aspects of the execution by the bodies of inquiry of the investigator's instructions on the production of investigative actions // Criminal law. - 2009. - No. 3. - pp. 65-68.

3. Bykov V. M., Popov A.M. Suspension and resumption of the preliminary investigation. - Chelyabinsk: Publishing house "Polygraph-Master", 2006. - 178 p.

4. Gavrilov B. Novelties of the criminal process against the background of criminal statistics // Russian justice. - 2003. - No. 10. - pp. 5-9.

5. Gladysheva O. V., Repkin M. S. The concept and legal nature of investigative actions of an investigator // A Russian investigator. - 2009. - No. 1. - p. 4-6.

6. Efimichev S., Efimichev P. Some issues of suspending the preliminary investigation // Criminal Law. - 2005. - No. 3. - pp. 77-79.

7. The course of criminal procedure / edited by L. V. Golovko. - Moscow: Statute, 2017 — - 1280 p. (the author of the chapter is E. I. Zhidkova).

8. Larin E. G., Pavlov A.V. The place of search actions in the system of means of searching for a suspect (accused) // Bulletin of the Omsk Law Academy. - 2016. - No. 2. - pp. 63-67.

9. Meshkov M. V., Gonchar V. V. Historical and legal aspects of the search for the suspect and the accused // Modern science. - 2015. - No. 3. - pp. 51-54.

10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. - M.: "LLC ITI "Technologies", 2003 — 944 p.

11. Sedelnikov P. V. Suspension of the preliminary investigation due to the appearance of the suspect, the accused in the search: the choice of the basis / P. V. Sedelnikov, E. N. Chemerilova, M. N. Uvarova // Legislation and practice. Scientific-practical. journal. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 1 (44). — P. 20-23.

12. Senkov A. A. Search for the fugitive defendant // Vestn. Yuzhno-Ural. state University. Ser.: Pravo. - 2011. - No. 27. - pp. 72-75.

13. Smirnov A.V., Kalinovsky K. B. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article by article / under the general editorship of A.V. Smirnov. - 2nd ed. add. and reprint. - St. Petersburg: Peter, 2016 — 848 p.

14. Yakovleva S. A., Yunisov I. R. Issues of criminal procedural regulation of the detention of a suspect put on the wanted list // Bulletin of the Mari State University. - Ser.: Historical Sciences. Legal sciences. - 2020. - Vol. 6. - No. 2. - pp. 196-206.

УДК 3409

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-139-149

Безруков Сергей Сергеевич

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: bss76@inbox.ru.

Bezrukov Sergey Sergeevich

Head of the Center for Organizational Support of Scientific Activity of the All-Russia Research Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: bss76@inbox.ru

Сторчилова Наталья Владимировна

начальник отдела методического сопровождения научно-исследовательских работ центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
E-mail: st.natta@rambler.ru.

Storchilova Natalia Vladimirovna

Head of the Department for Methodological Support of Research Works of the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russia Research Institute Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: st.natta@rambler.ru

**ОБ ОПЫТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СВОДНОГО ПЕРЕЧНЯ ПРОБЛЕМ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ТРЕБУЮЩИХ НАУЧНОГО РАЗРЕШЕНИЯ**

Введение: в статье раскрываются понятие и значение Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, порядок его формирования, приводятся данные об использовании данного документа в ходе планирования научной деятельности в системе МВД России в период с 2017 года по настоящее время. Особое внимание авторы статьи уделяют сложностям, с которыми сталкивается разработчик при формировании Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, а также перспективам его использования в научном обеспечении деятельности органов внутренних дел России.

Материалы и методы: при подготовке статьи использованы материалы, представленные подразделениями центрального аппарата МВД России для формирования Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения; основными методами, позволившими рассмотреть и раскрыть необходимость и значимость Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел, требующих научного разрешения, являются общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция и др.

Результаты исследования: в статье проанализированы опыт работы ВНИИ МВД России по формированию и использованию Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, в 2016, 2017, 2018, 2020 годах, предложения и замечания подразделений центрального аппарата МВД России, образовательных и научных организаций системы МВД России, касающиеся формирования Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, данные обзоров о результатах научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации в 2019 и 2020 годах; раскрыта необходимость и значимость Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел, требующих научного разрешения, для планирования и подготовки научных исследований, результаты разработки которых станут наиболее востребованными в практической деятельности органов внутренних дел, позволят исключить проведение научных исследований по неактуальным тематикам, не имеющим практической значимости для органов внутренних дел, а также проведение исследований по одним и тем же тематикам.

Выводы и заключения: опыт работы по формированию Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, показал важность указанного документа, позволяющего систематизировать проблемы, возникающие в оперативно-служебной деятельности и являющегося ориентиром для научных и практических работников в выборе приоритетных направлений научных исследований.

Ключевые слова: научная проблема, оперативно-служебная деятельность, заказчик, исполнитель, научно-исследовательская работа, организация научной деятельности, планирование научной деятельности, научное обеспечение.

EXPERIENCE IN DRAWING UP A CONSOLIDATED LIST OF PROBLEMS REQUIRING SCIENTIFIC RESOLUTION FACED BY THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article addresses the definition and the role of the Consolidated list of problems requiring scientific resolution faced by the Internal Affairs agencies of the Russian Federation and the method of its formation. The authors analyze the experience of utilizing of this document while planning the scientific researches within the Internal Affairs Ministry of Russia from 2017 until now. Special attention is paid to the difficulties faced by the compli-

ers of the Consolidated list and to the perspectives of its utilization in the scientific support of the Internal Affairs agencies of the Russian Federation.

Materials and Methods: the article is based upon materials including those the Ministry's central office units provided to form the Consolidated list. The main methods allowing to examine the meaning of the Consolidated list and its importance, are the general scientific ones: analysis, synthesis, deduction, induction and others.

Results of the Study: The experience of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation in drawing up and utilizing the Consolidated list in the years 2016, 2017, 2018, 2020 is viewed. The suggestions and comments on the process of drawing up and utilizing the Consolidated list provided by the Ministry's central office units, by educational and scientific organizations of the Ministry are analyzed as well as the data from the survey on the results of scientific activity of the Internal Affairs agencies of the Russian Federation in 2019 and 2020. The authors come to the conclusion about the meaning and the importance of the Consolidated list for planning and carrying out researches, the outcome of which will be most demanded in the practical work of the law enforcement units. The utilizing of the Consolidated list will help to eliminate researches on subjects irrelevant for the law enforcement activity as well as duplicating researches.

Findings and Conclusions: the experience of drawing up the Consolidated list of problems requiring scientific resolution faced by the Internal Affairs agencies of the Russian Federation has proven the importance of this document, which makes it possible to systematize the operational and performance problems in order to guide researchers and practitioners choosing research priorities.

Keywords: scientific problem, operational activity, client, contractor, scientific research, scientific research organization, research planning, scientific support.

Выявление проблем оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел наряду с оценкой возможности их разрешения посредством проведения научных исследований представляют собой наиболее важные элементы системы организации научного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. С целью своевременного обнаружения и разрешения таких проблем приказом МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» предусмотрена ежегодная разработка Сводного перечня проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения (далее — Сводный перечень).

Сводный перечень является служебным документом, в котором в систематизированном виде содержатся возникающие в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел теоретические и (или) практические проблемные вопросы, носящие среднесрочный и долгосрочный характер, разрешение которых требует проведения научных исследований. Необходимо отметить, что Сводный перечень не относится к планирующим документам, а скорее является документом концептуальным, ориентирующим, задающим вектор развития ведомственной науки.

Сводный перечень формирует ВНИИ МВД России. Его основой выступают предложения подразделений МВД России, дополняемые и корректируемые разработчиком. В целях оказания методической помощи при подготовке заявок на проведение научных исследований по наиболее актуальным тематикам деятельности органов внутренних дел указанный документ направляется заказчикам научно-исследовательских работ — в подразделения центрального аппарата, территориальные органы МВД России, иные заинтересованные органы, организации и подразделения МВД России.

Для планирования и подготовки научных исследований, результаты которых станут наиболее востребованными в практической деятельности органов внутренних дел, а также с целью исключения проведения научных исследований по неактуальным тематикам, не имеющим практической значимости для органов внутренних дел, а равно проведения исследований по одним и тем же тематикам, Сводный перечень направляется исполнителям научно-исследовательских работ — в образовательные и научные организации системы МВД России.

В рамках подготовки обзора о результатах научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации в 2019 году ВНИИ МВД России проведен анализ работы по формированию и использованию Сводного перечня.

Начиная с 2016 года, подразделения центрального аппарата, территориальные органы МВД России, иные подразделения МВД России ежегодно выявляют проблемы оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, требующие научного разрешения. Наиболее важные и значимые из них включаются в Сводный перечень. На их основе формируются темы научных исследований, определяются возможные результаты научно-исследовательских работ в виде нормативно-правовых, организационно-методических, аналитических, информационных, научных и иных материалов, которые в последующем находят свое отражение в плане научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ПНО), планах научной деятельности и научно-исследовательских работ образовательных и научных организаций системы МВД России.

В 2016 году на основе предложений подразделений МВД России в Сводный перечень было включено 262 проблемы, требующие научного разрешения, 106 из которых нашли свое отражение в ПНО на 2017 год. В 2017 году Сводный перечень включал в себя 160 проблем, 13 из которых нашли отражение в ПНО на 2017 год, 10 — в ПНО на 2018 год. Сводный перечень, подготовленный в 2018 году, содержал 144 проблемы, 14 из них вошли в ПНО на 2018 год, 31 — в ПНО на 2019 год, 6 — в ПНО на 2020 год.

В 2019 году Сводный перечень не формировался, поскольку приказом МВД России от 24 апреля 2019 года № 272 «О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России» был скорректирован приказ МВД России № 155, изменились порядок и сроки подготовки Сводного перечня.

Анализ работы по формированию и использованию Сводного перечня убедительно свидетельствует о том, что, субъекты научной деятельности — заинтересованные подразделения МВД России, как правило, не учитывают его при планировании своей деятельности, а большинство проблем оперативно-служебной деятельности так

и не находит своего отражения в заявках на проведение научных исследований, не получает своего научного разрешения.

В связи с этим ВНИИ МВД России в 2020 году в заинтересованные подразделения центрального аппарата, иные подразделения и организации МВД России были направлены запросы о дальнейшей целесообразности формирования Сводного перечня. По данному вопросу высказаны различные предложения (в том числе диаметрально противоположные). Большинство подразделений МВД России дальнейшее формирование Сводного перечня (в существующем или видоизмененном формате) считают необходимым, указывают на целесообразность придания ему нормативного статуса (ДПД МВД России, ГУОООП МВД России, ГУУР МВД России, КРУ МВД России, ГУНК МВД России, ГУОБДД МВД России, ДИТСиЗИ МВД России, НЦБ Интерпола МВД России, ОПБ МВД России, Академия управления МВД России, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, ВИПК МВД России, ФКУ «НЦ БДД МВД России», ФКУ «ЦКО МВД России»).

Более того, отдельные подразделения МВД России не просто формально поддерживали идею сохранения Сводного перечня, но и отметили значимость и необходимость этого документа в сфере определения приоритетных направлений для научных разработок. Так, ДПД МВД России полагает, что в рамках действующей системы организационного построения научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации Сводный перечень является одним из инструментов реализации функции координации научной (научно-исследовательской) деятельности, возложенной на ВНИИ МВД России. Данный документ, несмотря на свой рекомендательный характер, создает информационную основу планирования научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Ряд подразделений (ГУУР МВД России, КРУ МВД России, НЦБ Интерпола МВД России, ОПБ МВД России, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, ВИПК МВД России, ФКУ «ЦКО МВД России») указали на важность Сводного перечня как единственного документа, позволяющего систематизировать проблемы, возникающие в оперативно-служебной деятельности, являющегося ориентиром для научных и практических работников в выборе приоритетных направлений исследований.

В то же время предложены отдельные меры, призванные усовершенствовать подход к формированию и реализации Сводного перечня. Так, ГУОООП МВД России полагает излишним включение в Сводный перечень проблем, которые могут быть разрешены путем проведения плановых либо оперативных внеплановых научно-исследовательских работ, предлагая размещать в нем исключительно проблемы, разрешение которых в ближайшей перспективе невозможно ввиду отсутствия человеческих и материальных ресурсов, профильных специалистов и т. д.

ФКУ «НЦ БДД МВД России» предложено ежегодно перерабатывать Сводный перечень, включать в него только новые проблемы с одновременной организацией соответствующего мониторинга со стороны координатора научной деятельности в системе МВД России. Научные проблемы, не получившие научного разрешения и исключенные

из Сводного перечня, рекомендовано относить к темам перспективных диссертационных исследований. Критерием оценки реализации Сводного перечня предложено считать проведение научно-исследовательских работ не менее чем по 90 % проблемных вопросов.

ГУОБДД МВД России считает целесообразным изменить сроки формирования Сводного перечня — приблизить их к дате представления заявок на проведение научных исследований (август-сентябрь).

Отдельные подразделения МВД России убеждены в нецелесообразности дальнейшего формирования Сводного перечня (ОАД МВД России, ДГСК МВД России, ГУЭБиПК МВД России, ГУПЭ МВД России, УОС МВД России, УОД МВД России, УМС МВД России, УОГЗ МВД России, ОУ МВД России, ЭКЦ МВД России, ФКУ «НПО «СТиС МВД России»). Среди причин отказа от подготовки данного документа называются следующие: 1) в существующем формате Сводный перечень не способствует решению научных и практических проблем, возникающих в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел; 2) Сводный перечень носит лишь информативный характер, не является формальным основанием для планирования и проведения научно-исследовательских работ. В связи с этим предлагается издание единого ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего научную (научно-исследовательскую) деятельность, в котором будут определены статус Сводного перечня, его форма, приоритет при планировании, механизм реализации и контроля.

Как представляется, определение Сводного перечня, закрепленное в приказе МВД России от 1 апреля 2016 года № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации», является исчерпывающим и не нуждается в концептуальной переработке: в нем достаточно четко отражен статус документа, а перевод его в разряд планирующих документов, отражение в его содержании механизмов реализации и контроля повлекут за собой утрату основной смысловой нагрузки Сводного перечня как документа идеологического.

В Сводный перечень включаются основные проблемные вопросы, возникающие в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Этому предшествует серьезная работа, проводимая не только подразделениями центрального аппарата, но и территориальными органами внутренних дел. Проблемы выявляются «низовыми» подразделениями, обсуждаются на заседаниях научно-практических секций, после чего направляются в подразделения центрального аппарата МВД России, которыми также оценивается их актуальность и значимость для органов внутренних дел. Их систематизация в едином документе предопределяет приоритеты научной деятельности в системе МВД России на последующий период, позволяет сконцентрировать научные исследования на решении оперативно-служебных задач практических органов. Данные проблемы должны быть конкретизированы в ПНО, планах научной деятельности и научно-исследовательских работ образовательных и научных организаций системы МВД России.

В подготовленном ВНИИ МВД России обзоре о результатах научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел в 2020 году руководителям

подразделений МВД России, выступающих заказчиками научной научно-исследовательских работ, предложено в 2021 году пересмотреть принципы и подходы к направлению предложений в Сводный перечень, обеспечив во вверенных подразделениях своевременное выявление проблем оперативно-служебной деятельности, требующих научного разрешения, а также направление заявок в ПНО, планы научной деятельности и научно-исследовательских работ образовательных и научных организаций системы МВД России в соответствии со Сводным перечнем. Руководителям образовательных и научных организаций системы МВД России предложено ориентировать сотрудников вверенных подразделений, участвующих в проведении научных исследований, на необходимость использования Сводного перечня при выборе тем научных исследований; исключить проведение научных исследований по темам, не соответствующим интересам органов внутренних дел Российской Федерации.

В 2020 году в Сводный перечень, сформированный в соответствии с изменениями, внесенными приказом МВД России № 272, были включены не только 78 проблем оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, требующих научного разрешения, но и обоснование этих проблем, а также примерные тематики и виды результатов научно-исследовательских работ, имеющих первоочередное значение для органов внутренних дел. Благодаря внесенным изменениям в ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие научную деятельность, Сводный перечень теперь ежегодно актуализируется: на основе информации заказчиков научно-исследовательских работ проблемы, нашедшие свое научное разрешение, исключаются из него, темы, не получившие научного разрешения, остаются, а выявленные подразделениями МВД России новые проблемы находят в нем свое отражение.

Мониторинг ПНО, планов научной деятельности и научно-исследовательских работ образовательных и научных организаций системы МВД России, проведенный ВНИИ МВД России, а также информация, поступившая из подразделений МВД России, являющихся заказчиками научной продукции, показывает, что из 78 проблем Сводного перечня 2020 года, носящих среднесрочный и долгосрочный характер, 41 уже получила научное разрешение.

Сводный перечень, актуализированный в 2021 году, содержит 67 проблем деятельности органов внутренних дел, требующих научного разрешения, включая 29 новых проблемных вопросов, выявленных заинтересованными подразделениями Министерства. Среди них проблемы, связанные с отсутствием методик расчета штатной численности различных подразделений МВД России; наделением органов внутренних дел несвойственными функциями; отсутствием актуальных методик взаимодействия оперативных подразделений; противодействием преступлениям, совершаемым с использованием новых технологий; отсутствием алгоритма действий сотрудников в ситуациях, связанных с применением беспилотных летательных аппаратов; а также проблемы, возникающие в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в условиях осложнения эпидемиологической обстановки и многие другие.

Сводный перечень, сформированный в 2021 году, поддержан подразделениями — заказчиками научной продукции, активно используется в настоящее время: в рабочем

порядке поступает большое количество звонков из территориальных органов МВД России, сотрудниками высказывается заинтересованность в разработке актуальных для них тем, нашедших отражение в Сводном перечне.

Необходимо отметить, что при формировании Сводного перечня приходится сталкиваться с рядом проблем. Во-первых, проблемные вопросы деятельности некоторых подразделений МВД России остаются вне сферы научных исследований. Например, в текущем году 13 подразделений центрального аппарата МВД России сообщили об отсутствии в их деятельности проблем, требующих научного разрешения (БСТМ МВД России, ГУУР МВД России, ДДО МВД России, ДГСК МВД России, ДИТСиЗИ МВД России, КРУ МВД России, НЦБ Интерпола МВД России, ОПБ МВД России, ОУ МВД России, Следственный департамент МВД России, УБКМ МВД России, УОС МВД России, ФЭД МВД России). В итоге проблемы деятельности следственных подразделений [1, с. 48—51; 3, с. 118—121; 8, с. 177—182] подразделений уголовного розыска [5, с. 107—110; 6, с. 52—59; 11, с. 537—544], контрольно-ревизионных подразделений [2, с. 49—54], проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел [7, с. 166—170; 9, с. 161—166], проблемы оперативных подразделений органов внутренних дел, функционирующих при чрезвычайных ситуациях [4, с. 55—57], в сфере международного розыска [10, с. 91—94] и многие другие в Сводный перечень не вошли. Даже поверхностный анализ списка подразделений, не обнаруживших проблем в собственной деятельности, заставит усомниться в обоснованности подобных утверждений. По-видимому, указанные подразделения МВД России, решающие сложные задачи в наукоемких предметных областях, не рассматривают научное обеспечение в качестве необходимого условия повышения эффективности их деятельности.

Во-вторых, в отдельных случаях обоснование необходимости включения проблемы в Сводный перечень носит расплывчатый характер и выражается общими фразами, такими как «повышение эффективности оперативно-служебной деятельности подразделений», что требует корректировки и уточнения обоснования.

В-третьих, большинство поступивших для включения в Сводный перечень предложений сформулировано таким образом, что их проблемность и необходимость научного исследования неочевидны и нуждаются в дополнительных пояснениях. По указанной причине при формировании Сводного перечня возникает потребность в корректировке и изменении формулировки таких предложений.

Несмотря на обозначенные сложности и проблемные вопросы, изменение подхода к формированию Сводного перечня, анализ поступающих из подразделений МВД России предложений, отзывы территориальных органов МВД России, а также имеющийся во ВНИИ МВД России опыт подготовки данного документа позволяют утверждать, что Сводный перечень является необходимым, актуальным и востребованным.

Можно предположить, что основной причиной непринятия Сводного перечня рядом подразделений центрального аппарата МВД России является отсутствие устоявшейся практики его реализации в сфере научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В приказ МВД России № 155, регламентирующий формирование Сводного перечня, за непродолжительный период его действия неодно-

кратно вносились существенные изменения, корректировавшие сроки, форму подготовки, круг субъектов, участвующих в его формировании. В результате практические органы, объем и специфика повседневной работы которых не всегда позволяют детально вникнуть во все нововведения, вынуждены менять отработанные подходы к выявлению проблем, требующих научного разрешения, направлению заявок на проведение научных исследований. Поэтому Сводный перечень и воспринимается ими как излишний документ, назначение которого не вполне понятно.

Без сомнения, в течение непродолжительного времени процесс реализации Сводного перечня будет отработан и оптимизирован, т. к. его наличие у заказчиков научно-исследовательских работ существенно упрощает выбор тем научных исследований при подготовке заявок, а ведомственным научным и образовательным организациям Сводный перечень позволяет планировать проведение научных исследований по наиболее актуальным проблемам, с высокой вероятностью внедрения их результатов в практическую деятельность.

С целью совершенствования порядка формирования и реализации Сводного перечня, как основополагающего документа научного обеспечения деятельности МВД России, поступившие во ВНИИ МВД России от всех заинтересованных подразделений МВД России предложения, касающиеся нормативного закрепления формы Сводного перечня, условий его формирования, характера использования (рекомендательный или обязательный), будут учтены в текущем году при переработке нормативной правовой базы, регламентирующей научную (научно-исследовательскую) деятельность в системе МВД России и разработке нового приказа «Об организации научного обеспечения в органах внутренних дел Российской Федерации и научной деятельности в системе МВД России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Галушко А. В., Донской Д. Д. Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел по раскрытию имущественных преступлений // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России: сб. науч. ст. / под ред. А. Д. Аветисяна [и др.]. — Ставрополь, 2018. — С. 48—51.

2. Гапоненко В. Ф. Проблемы рационализации процесса проведения ревизий финансово-хозяйственной деятельности контрольно-ревизионными подразделениями в системе органов внутренних дел Российской Федерации // Экономическая безопасность России: правовые, управленческие, финансовые и IT-аспекты: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — М., 2020. — С. 49—54.

3. Закаляпина Л. А., Малхасян И. А. Проблемы деятельности следователей органов внутренних дел при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности: сб. науч. ст. по мат-лам Региональн. кругл. стола: мат-лы и докл. — Ставрополь, 2020. — С. 177—182.

4. Закаляпин Д. В., Апарина О. Ю. Некоторые проблемы оперативно-розыскного обеспечения деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, функционирующих при чрезвычайных ситуациях // Вестник СевКавГТИ. — 2017. — № 3 (30). — С. 55—57.

5. Копыл Д. В. К проблемам деятельности полиции по противодействию незаконному заведению транспортными средствами и легализации криминального автотранспорта // Общество и право. — 2020. — № 4 (74). — С. 107—110.
6. Кудра Д. М. Проблемы организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (41). — С. 52—59.
7. Лемайкина С. В. Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Юрист-Правоведь. — 2019. — № 3 (90). — С. 166—170.
8. Пинкевич Т. В., Зубалова О. А. Проблемные вопросы квалификации экономических преступлений в деятельности органов предварительного расследования // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России: сб. мат-в всерос. кругл. стола / под ред. А. Д. Аветисяна, А. А. Рясова, Д. А. Рясова, Е. В. Сопневой. — Ставрополь, 2017. — С. 177—182.
9. Саркисян Г. Г. Правовая основа информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: современное состояние и проблемы // Юрист-Правоведь. — 2020. — № 3 (94). — С. 161—166.
10. Смирнова Ю. А. Проблемы международного розыска обвиняемых // Социально-политические науки. — 2020. — Т. 10. — № 3. — С. 91—94.
11. Шляхтин Е. П., Каунов А. В. Проблемы при проведении гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2020. — Т. 11. — № 4 (42). — С. 537—544.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Galushko A.V., Donskoy D.D. Problems in improving the work of Internal Affairs bodies in solving property crimes // Improvement of the activities of preliminary investigation bodies and forensic units at the current stage of Russia's development: Collection of scientific articles / edited by A.D. Avetisyan and others. Stavropol, 2018. — P. 48-51.
2. Gaponenko V.F. Problems encountered in the rationalization of the process of auditing financial and economic activities by monitoring and auditing units in the internal affairs system of the Russian Federation // Economic security of Russia: legal, managerial, financial and IT aspects: Collection of articles of the International scientific and practical conference. Moscow, 2020. — P. 49-54.
3. Zakalyapina L.A., Malkhasyan I.A. Problems with the work of Internal Affairs investigators at the end of a preliminary investigation with an indictment // Criminal law, criminal procedure and forensic aspects of countering modern crime: Collection of scientific articles from the regional round table: Materials and reports. Stavropol, 2020. — P. 177-182.
4. Zakalyapin D.V., Aparina O.Y. Some problems in the operational support of operational units of Internal Affairs agencies operating in emergency situations // Journal of the North Caucasus Humanitarian and Technical Institute. — 2017. — № 3 (30). — P. 55-57.
5. Kopyl D.V. Police efforts to combat illegal possession of vehicles and the legalization of criminal vehicles // Society and law. — 2020. — № 4 (74). — P. 107-110.
6. Kudra D.M. Problems of arranging the search for minors who are missing or have left their families or specialized State institutions without permission // Journal of the Siberian Judicial Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. — 2020. — № 4 (41). — P. 52-59.
7. Lemaykina S.V. Problems of information support for the operational and investigative activities of internal affairs bodies // Yurist-Pravoved. — 2019. — № 3 (90). — P. 166-170.

8. Pinkevich T.V., Zubalova O.A. Problematic issues related to the qualification of economic crimes in the activities of preliminary investigation bodies // Problems in the activities of preliminary investigation bodies and ways of resolving them in Russia: Collection of materials of the National Round Table / edited by A.D. Avetisyan, A.A. Ryasov, D.A. Ryasov, E.V. Sopneva. Stavropol, 2017. – P. 177-182.
9. Sarkisyan G.G. The legal basis for the provision of information and analysis for the operational and investigative activities of Internal Affairs bodies: current situation and problems // Yurist-Pravoved. – 2020. – № 3 (94). – P. 161-166.
10. Smirnova Y.A. Problems in the international search for indictees // Social and political sciences. – 2020. – Vol. 10. № 3. . – P. 91-94.
11. Shlyakhtin E.P., Kaunov A.V. Problems in conducting a transparent survey of the operational activities of Internal Affairs agencies // Journal of the Kazan Judicial Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2020. – Vol. 11. № 4 (42). – P. 537-544.

УДК 346.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-150-159

Никитенко Илья Викторович

профессор кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России;
доцент кафедры права Приамурского гос-
ударственного университета
им. Шолом-Алейхема
доктор юридических наук, доцент
E-mail: dfvnii@mail.ru

Nikitenko Ilya Viktorovich

Professor of the Department of the Far East-
ern Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia;
Associate Professor of the Department of
Law of the Amur State University named
after Sholem Aleichem
Doctor of Law, Assistant Professor

Бабак Олег Владимирович

главный специалист прокуратуры Еврей-
ской автономной области
E-mail: bow-73-11@mail.ru

Babak Oleg Vladimirovic

Chief specialist of the Prosecutor's Office of
the Jewish Autonomous Region
E-mail: bow-73-11@mail.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ
РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ
ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА**

Ведение: в статье рассмотрены вопросы обеспечения прав предпринимателей через реализацию контрольно-надзорных функций органами прокуратуры, а именно, надзор за соблюдением законодательства в указанной сфере правовых отношений. Вместе с этим представлены характерные нарушения прав предпринимателей, выявляемые посредством контрольно-надзорных функций. В этой связи авторы кратко излагают значение и суть прокурорского надзора при реализации соответствующих государственных функций. Авторы также отмечают, что подобные задачи осуществляются через надзор за исполнением положений законодательства государственными учреждениями и органами, призванными контролировать соблюдение различных правил и нормативов, связанных с обеспечением безопасности, соблюдением прав потребителей и т. п. Фокусируется внимание на приоритете выполнения подобными государственными структурами своих функций по выявлению и предупреждению рассматриваемой категории правонарушений, проверке законности и полноты принимаемых мер по устранению выявленных фактов.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации и другие федеральные законы, участвующие в правовом регулировании правоотношений в связи и по поводу предпринимательской деятельности, нормативные правовые акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующие вопросы организации надзора, прокурорской деятельности в сфере защиты предпринимателей. Методологической основой исследования послужил общенаучный диалектический метод познания, а также методы анализа и синтеза, систематиче-

ский и формально-логический методы, системно-структурный, функциональный и сравнительно-правовой. В качестве эмпирического материала использовались статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации и материалы практической деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Результаты исследования: на основе критического анализа авторы описывают возможные пути совершенствования как самой надзорной деятельности, так и её результативности в плане защиты законных прав и интересов предпринимателей.

Выводы и заключения: в статье содержатся предложения о внесении возможных изменений в действующее законодательство, что позволит органам прокуратуры более качественно осуществлять свои надзорные функции в рассматриваемой сфере правовых отношений.

Ключевые слова: надзорная деятельность, предпринимательская деятельность, прокурорский надзор, субъекты предпринимательской деятельности, характерные нарушения, возможные пути совершенствования данного надзора.

ENSURING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS THROUGH THE IMPLEMENTATION OF CONTROL AND SUPERVISORY FUNCTIONS OF THE STATE

Introduction: the article discusses the issues of ensuring the rights of entrepreneurs through the prosecutor's supervision over compliance with legislation in this area of legal relations, and also presents the typical violations of the rights of entrepreneurs identified through the implementation of control and supervisory functions. In this regard, the authors briefly outline the meaning and essence of prosecutorial supervision in the implementation of relevant state functions. The authors note that such functions are carried out through the supervision of the implementation of the provisions of the legislation by state institutions and bodies designed to monitor compliance with various rules and regulations related to safety, compliance with consumer rights, etc. Attention is focused on the priority of such state structures performing their functions to identify and prevent the considered category of offenses, to verify the legality and completeness of measures to eliminate the revealed facts.

Materials and Methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation and other federal laws participating in the legal regulation of legal relations in connection with and in relation to entrepreneurial activity, normative legal acts of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, regulating the issues of organizing supervision, prosecutorial activities in the field of protecting entrepreneurs. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of cognition, as well as methods of analysis and synthesis, systematic and formal-logical methods, system-structural, functional and comparative-legal. Statistical data of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and materials of practical activities of the prosecution authorities of the Russian Federation were used as empirical material.

Results of the Study: based on a critical analysis, the authors describe possible ways to improve both the supervisory activity itself and its effectiveness in terms of protecting the legitimate rights and interests of the business community.

Findings and Conclusions: the article contains proposals for possible amendments to the current legislation, which will allow the prosecutor's office to better perform its supervisory functions in the area of legal relations under consideration.

Keywords: *business activity, business entities, prosecutor's supervision, typical violations, possible ways to improve this supervision.*

Деловые отношения прочно вошли в жизнь современного общества. Невозможно представить экономически развитую страну без производства, предпринимательства, коммерции, кредитной и финансовой деятельности в целом. Данные явления стали неотъемлемой частью повседневной жизни, постоянно осваиваются всё новые и новые области общественного бытия.

Известно и то, что деловые отношения в этих сферах называют предпринимательством, являющееся одной из специфических разновидностей экономической деятельности, основополагающим принципом которой является свобода волеизъявления субъектами рассматриваемых правоотношений. Кроме этого необходимо отметить то, что предпринимательское право, как и соответствующую этому праву отрасль законодательства отличают диспозитивность в выборе методов правового воздействия на участников правовых отношений в предпринимательской сфере.

Основные же гарантии осуществления предпринимательской деятельности закреплены в статьях 8 и 34 Конституции Российской Федерации¹. Поэтому каждый вправе использовать свои возможности, способности, таланты, свое имущество в личных интересах, во благо личности, общества и государства.

Представляя одну из экономических основ современной России, предпринимательство признаётся в нашей стране не только полезным, но и социально поощряемым видом деятельности. Предпринимательство является движущей силой экономического роста государства, обеспечивает решение экономических и социальных задач, насыщение рынка товарами и услугами, обеспечивает занятость населения, увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Обеспечение законных интересов и прав предпринимателей признается актуальным направлением в деятельности государственных органов и публичной власти. Однако реалии таковы, что процессы формирования и развития бизнеса, особенно в его среднем и малом сегментах, сдерживаются монополизацией рынков, экономическим протекционизмом и ограничением конкуренции, а также несовершенством законодательной базы, которая призвана обеспечивать правовое регулирование отношений в сфере предпринимательства, неверным толкованием, а, следовательно, и применением существующих законов, высоким уровнем коррупции и другими факторами, влияющими на атмосферу предпринимательства в целом [2, с. 89—95].

---

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс».

В этой связи хочется вспомнить об опыте развития предпринимательства в Китайской Народной Республике (далее — КНР), где малый и средний бизнес находятся под особым покровительством правительства страны. Так, на фоне жёстких ограничений на проведение всевозможных контрольных мероприятий для указанного сегмента предпринимательства современный Китай является одним из мировых лидеров создающих максимально комфортные условия для среднего и малого предпринимательства.

Координация же государственной поддержки в данном сегменте предпринимательской деятельности осуществляется специализированным департаментом по делам малого и среднего бизнеса, функционирующим в структуре исполнительной власти КНР. Этот же департамент, наряду с Верховной народной прокуратурой КНР, в пределах своей компетенции, обеспечивает защиту прав субъектов предпринимательской деятельности [5, с. 199—203].

По мнению ряда аналитиков, сегодня в Российской Федерации ещё не сформировалась качественная «юридическая среда», обеспечивающая надлежащую защиту прав субъектов предпринимательской деятельности [1].

Существенная роль по защите прав предпринимателей в связи с осуществлением экономической деятельности возложена на органы прокуратуры. Прокурорский надзор, в свою очередь, является одной из основных функций российского государства, которая представляет собой взаимосвязанные действия прокуроров различных уровней по выявлению, предупреждению, пресечению и предотвращению правонарушений, а также обеспечению контроля устранения последствий выявленных правонарушений со стороны государственных и иных органов и должностных лиц.

Известно, что права предпринимателей в связи с осуществлением ими экономической деятельности гарантируются соответствующими положениями отечественного законодательства, а при необходимости должны быть защищены в административном либо судебном порядке судебными, правоохранительными и иными органами государственной власти. Однако не всегда государство должным образом, справляется с этой задачей. Правовая реальность такова, что права хозяйствующих субъектов часто нарушаются именно теми, кто обязан обеспечивать их правовую защиту, что негативно сказывается, не только на правопорядке, но и на экономическом развитии государства. Поэтому основными целями прокурорского надзора в области обеспечения прав предпринимателей являются побуждение всех участников рассматриваемых правоотношений неукоснительно выполнять требования законодательства, а также организация правоохранительной деятельности. Вероятно, подобные цели могут быть реализованы посредством выявления недостатков в правоприменительной практике. Представляется, что в более широком плане цели прокурорского надзора состоят не только в предотвращении нарушений законодательства и соответствующих актах прокурорского реагирования на выявленные факты уже имеющих место нарушений закона, но и в выявлении негативных факторов, препятствующих развитию предпринимательства.

Надзор за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности в настоящее время является приоритетным и осуществляется органами прокуратуры в соответствии с приказами Генерального прокурора Российской Федерации, в которых

урегулированы вопросы организации надзора¹, прокурорской деятельности в сфере защиты предпринимателей от необоснованных плановых и внеплановых проверок контролирующих органов², рассмотрения обращений субъектов предпринимательской деятельности³.

Надо отметить, что одной из наиболее действенных мер, направленных на надзорное обеспечение прав отечественного предпринимательства, стало создание в органах прокуратуры России специальных подразделений по защите прав предпринимателей. Среди главных задач указанных подразделений надзор за соблюдением административных регламентов при осуществлении контрольно-надзорных функций всеми уполномоченными государственными и муниципальными органами, а также обеспечение свободы экономической деятельности и конкуренции.

Известно, что одним из важнейших аспектов надзорной деятельности в области обеспечения прав предпринимателей является выявление правонарушений, направленных против интересов ведения бизнеса. Очевидно, что подобные факты нередко выявляются в ходе прокурорских проверок, которые часто являются весьма эффективной мерой, способствующей восстановлению нарушенных прав в досудебном порядке [3].

И хотя основная часть выявляемых органами прокуратуры фактов нарушения прав предпринимателей связана с контрольной либо надзорной деятельностью государственных органов, наделённых соответствующими полномочиями, многие из рассматриваемых нарушений имеют непосредственное отношение к исполнению договорных обязательств, выражающихся, например, в несвоевременной оплате заказчиками своих обязательств по государственным либо муниципальным контрактам. Известно и то, что подобные нарушения часто становятся предметом исковых требований

---

¹ Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]: офиц. текст приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 53 от 31 марта 2008 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс]: приказ Ген. прокурора Рос. Федерации № 93 от 27.03.2009. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; О порядке формирования органами прокуратуры Российской Федерации ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: приказ Ген. прокурора Российской Федерации № 783 от 08.11.2019. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Об утверждении Регламента рассмотрения обращений и мониторинга анкет обратной связи, поступающих из личного кабинета предпринимателя на портале «Бизнес-навигатор МСП» [Электронный ресурс]: приказ Ген. прокурора Рос. Федерации № 491 от 12.06.2019. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Об утверждении Регламента рассмотрения обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов, поступающих посредством цифровой платформы для приема таких обращений [Электронный ресурс]: приказ Ген. прокурора Рос. Федерации № 665 от 19.09.2019. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

и далее судебных тяжб, нередко причиняющих не только материальные, но и репутационные потери ответчикам. Кроме этого подобные нарушения снижают доверие предпринимателей к потенциальным контрагентам, что также негативно отражается на деловой атмосфере и экономике в целом.

В этой связи органы прокуратуры ведут контроль соблюдения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, определяют графики приема предпринимателей, устанавливают и развивают информационно-конструктивное сотрудничество с разными органами государственной власти, контролирующими и правоохранительными органами, сообществами предпринимателей, обеспечивают межведомственную координацию контрольной и надзорной работы различных административных органов на уровне муниципалитетов, субъектов федерации, а при необходимости и на общенациональном уровне.

В 2019 году для устранения выявленных нарушений и восстановления прав предпринимателей прокуроры внесли около 30 тыс. представлений.

По результатам рассмотрения дел о выявленных фактах: к дисциплинарной ответственности привлечены более 15,5 тыс. должностных лиц, к административной — порядка 4,8 тыс. лиц. Также в результате принятых мер прокурорского реагирования были погашены долги перед предпринимателями на сумму свыше 26 млрд руб.¹

Однако, несмотря на работу, проводимую органами прокуратуры в целях надзорного обеспечения в области соблюдения прав предпринимателей, число нарушений в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в 2019 году составило порядка 186 тыс. 948 (прирост нарушений составил 3,1 % по сравнению с показателями прошлого года)². Результаты же за 11 месяцев 2020 года также показывают значительный рост выявленных нарушений на 6,4 % по сравнению с показателями за аналогичный предыдущий период³.

Так, в ходе проверок по соблюдению прав субъектов предпринимательской деятельности прокуроры выявляют множественные нарушения, значительную часть из которых условно можно отнести к нарушениям, возникающим из взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с административными учреждениями и ведомствами, выполняющими контрольные либо мониторинговые функции:

— связанные с изданием региональными органами власти и местного самоуправления незаконных правовых актов, ущемляющих права предпринимателей или связанных с незаконным вмешательством в их деятельность;

— нарушения закона государственными органами, обладающими контрольными и надзорными полномочиями, в процессе осуществления ими своей деятельности;

— несвоевременное внесение органами контроля либо внесение недостоверных сведений ФГИС «Единый реестр проверок» о мероприятиях по контролю;

— осуществление лицензионного контроля при отсутствии регламентов;

— создание различных административных барьеров при реализации предпринимателями своих прав, ограничение конкуренции и предоставление преференций и льгот

---

¹ Офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1793036/> (дата обращения: 25.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

отдельным лицам, требование ненужных документов, множественные проволочки при рассмотрении заявлений;

— незаконные отказы в предоставлении земельных участков, в том числе по надуманным основаниям, истребование от субъектов предпринимательской деятельности документов и информации, не предусмотренных законом, факты волокиты при рассмотрении обращений по земельно-правовым вопросам [4, с. 231—232];

— несвоевременная оплата заказчиками своих обязательств по государственным и муниципальным контрактам.

Как видно из вышеперечисленных видов нарушений, роль органов прокуратуры заключается в противодействии им. Реализация этой роли проявляется через надзор за исполнением законов со стороны контролирующих органов. При этом первостепенное значение придается выполнению ими своих обязанностей по выявлению и пресечению правонарушений в данной сфере, проверке законности и полноты мер по устранению нарушений, которые принимаются этими органами.

Также органами прокуратуры в ходе проведения надзорных мероприятий выявляется несовершенство законодательного регулирования в сфере предпринимательской деятельности, а именно:

1. Остается неурегулированным вопрос согласования внеплановых проверок, проводимых по основаниям, предусмотренным подпунктами 2, 3 п. 6 ст. 71.1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ)¹.

В силу подпунктов 2, 3 п. 6 ст. 71.1 ЗК РФ внеплановые проверки в отношении объектов земельных отношений проводятся в случаях:

а) выявления признаков нарушений требований законодательства Российской Федерации, за которые законодательством России предусмотрена административная и иная ответственность;

б) поступления в орган государственного земельного надзора обращений и заявлений субъектов предпринимательской деятельности, а также сведений от органов государственной власти, органов местного самоуправления о нарушениях имущественных прав Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, юридических лиц и граждан.

В соответствии с п. 7 ст. 71.1 ЗК РФ внеплановая проверка субъектов предпринимательской деятельности проводится органом государственного земельного надзора после согласования с органом прокуратуры по месту нахождения объекта земельных отношений, являющегося предметом внеплановой проверки.

Вместе с тем ч. 5 ст. 10 федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»² не предусматривает согласование внеплановых проверок органами прокуратуры по основаниям, предусмотренным подпунктами 2, 3 п. 6 ст. 71.1 ЗК РФ.

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Не урегулирован также вопрос о необходимости согласования с Минвостокразвития России региональным органом надзора в сфере градостроительства проверок по таким основаниям, как получение извещения от застройщика, проверка исполнения пунктов программы строительства.

Статьей 24 федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»¹, приказом Минвостокразвития России «Об установлении порядка согласования внеплановых проверок органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля в отношении резидентов территории опережающего социально-экономического развития»² предусмотрена обязанность органа контроля (надзора) согласовывать с Минвостокразвития России проведение внеплановых проверок в отношении резидентов ТОСЭР.

В ст. 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ)³ нет деления проверок на плановые и внеплановые, поэтому применяется общий термин «проверки», и проводятся без формирования ежегодного плана проведения плановых проверок (на основании программ проверок). В качестве оснований для их проведения значатся соответствующее извещение застройщика, обращения и заявления граждан, требование прокурора, истечение срока предписания и др.

3. Имеется пробел в правовом регулировании (не установлен конкретный срок приведения муниципальных нормативных правовых актов в соответствие с действующим законодательством), который влияет на трактовку понятия обоснованности принятия мер прокурорского реагирования в целях устранения противоречий в актах. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ устанавливает лишь срок приведения устава муниципального образования в соответствие с федеральным законом, законом субъекта федерации, который не должен превышать шести месяцев.

4. Имеются правовые пробелы в регулировании отдельных вопросов, как государственного контроля (надзора), так и муниципального контроля. Например, неупорядоченное распределение контрольно-надзорных полномочий по уровням государственной власти, приводящее к дублированию исполнения контрольно-надзорных функций в отношении одного и того же предмета различными контрольными и надзорными органами, а также слабому межведомственному взаимодействию в ходе контрольно-надзорной деятельности.

---

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Об установлении порядка согласования внеплановых проверок органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля в отношении резидентов территории опережающего социально-экономического развития [Электронный ресурс]: приказ М-ва Рос. Федерации по развитию Дальнего Востока № 43 от 2 апр. 2015 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Аналитический обзор наиболее распространённых недостатков в связи с предупреждением нарушения прав предпринимателей при осуществлении ими экономической деятельности посредством реализации контрольно-надзорных функций вообще и прокурорского надзора в частности позволяет прийти к выводу о том, что нередко факты нарушения выявляются лишь после того, когда уже имеют место значительные экономические издержки, влекущие прямые или косвенные убытки, а иногда приводящие к полной остановке бизнеса, вынуждающей предпринимателей прибегать к процедурам банкротства. В этой связи представляется уместным обратить внимание надзорных органов государства на повышение эффективности именно профилактической работы, направленной на раннее предупреждение возможных нарушений.

Анализ сложившейся правоприменительной практики в области выявления фактов нарушения прав предпринимателей и связанных с этим актов прокурорского реагирования позволил прийти к некоторым обобщающим выводам о возможных направлениях совершенствования как самой надзорной деятельности, так и её результативности в плане защиты законных прав и интересов предпринимательского сообщества.

Для улучшения эффективности работы органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора в данной сфере можно наметить следующие возможные пути:

1. Усилить административную ответственность должностных лиц контролирующих органов, а именно исключить из диспозиции ч. 3 ст. 19.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)¹ признак кратности совершения правонарушения.

2. Продолжить совершенствование регулирования законодательства в сфере предпринимательской деятельности (устранение правовых пробелов).

3. Для активного участия прокуратуры в правотворческом процессе на региональном и муниципальном уровне усилить взаимодействия органов прокуратуры с органами власти субъекта федерации и муниципалитетами.

Кроме того, целесообразно организовать более тесное взаимодействие с уполномоченным по защите прав предпринимателей в субъекте федерации по совместной выработке законопроектов и последующего их внесения в органы власти субъекта федерации, т. к. органы прокуратуры субъекта федерации обладают законодательной инициативой, в отличие от уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте федерации, который, в соответствии с региональным законодательством, таким правом не обладает.

4. Для повышения активности использования прокурорами и бизнес-сообществом потенциала ФГИС «Единый реестр проверок» необходимо продолжить совершенствование в порядке его ведения, а именно расширить состав информации за счет включения сведений не только о проверках, но и об остальных видах осуществляемых контролирующими органами мероприятий по контролю, а также о проводимых ими административных расследованиях.

5. В целях выявления нарушений в действиях органов, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия в отношении субъектов хозяйствования, необходимо не реже двух раз в год проводить сверку плановых и внеплановых мероприятий

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

с посещением их места нахождения. Данная мера позволит своевременно выявлять и реагировать на нарушения прав предпринимателей.

Подводя итог вышесказанному можно констатировать, что на фоне отдельных и несистемных проблем сегодня прокурорский надзор в сфере предпринимательской деятельности в целом выполняет свои функции, являясь действующим гарантом соблюдения прав субъектов предпринимательства. Помимо этого, надзорные функции органов прокуратуры обеспечивают соблюдение законности со стороны иных контролирующих органов государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асвойнов Д. А., Халиулин А. Г. Прокурорский надзор как Гарант юридической защиты в сфере предпринимательской деятельности // Экономика и юриспруденция. — 2018. — № 1. — С. 14—16.
2. Никитенко И. В., Завражина О. В. Возможности российского законодательства при защите прав добросовестного приобретателя недвижимости // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решения: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола с всерос. и междунар. участием. 29—30 апр. 2020 г. Часть 2. — Шахты. — 2020. — С. 89—95.
3. Никитенко И. В., Приходько А. Н. Досудебное урегулирование гражданско-правовых споров: вопросы теории, законодательства и правоприменительной практики // Теория и практика современной юридической науки: сб. науч. тр. по итогам международной науч.-практ. конф. (11 апр. 2018 г.) № 5. — Самара: ИЦРОН, 2018. — 114 с.
4. Прокурорская проверка: методика и тактика проведения / О. Н. Коршунова и др.; под ред. О. Н. Коршуновой — СПб.: Изд-во «Юрид. центр», 2017. — 428 с.
5. Чжан Хунцзян. Политика развития малого и среднего предпринимательства в Китае // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ): Т. 5. — № 4. — 2014. — С. 199—203.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Asvoynov D. A., Khaliulin A. G. Prokurorskiy nadzor kak Garant yuridicheskoy zashchity v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti // Ekonomika i yurisprudentsiya. — 2018. — № 1. — p. 14—16.
2. Nikitenko I. V., Zavrazhina O. V. Vozmozhnosti rossiyskogo zakonodatel'stva pri zashchite prav dobrosovestnogo priobretatelya nedvizhimosti // Yuridicheskaya nauka v XXI veke: aktual'nyye problemy i perspektivy ikh resheniya: sb. nauch. st. po itogam raboty kruglogo stola s vseros. i mezhdunar. uchastiye. 29—30 apr. 2020 g. Chast' 2. — Shakhty. — 2020. — p. 89—95.
3. Nikitenko I. V., Prikhod'ko A. N. Dosudebnoye uregulirovaniye grazhdan-sko-pravovykh spоров: voprosy teorii, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki // Teoriya i praktika sovremennoy yuridicheskoy nauki: sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar-noy nauch.-prakt. konf. (11 apr. 2018 g.) № 5. — Samara: ITSRON, 2018. — 114 p.
4. Prokurorskaya proverka: metodika i taktika provedeniya / O. N. Korshunova i dr. ; pod red. O. N. Korshunovoy — SPb. : Izd-vo «Yurid. tsentr», 2017. - 428 p.
5. Chzhan Khuntszyan. Politika razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Kitaye // Uchenyye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta (TOGU): T. 5. — № 4. — 2014. — p. 199—203.

УДК 343.72

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-160-173

Велиев Яков Павлович

старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: vel0486@mail.ru.

Veliev Yakov Pavlovich

Senior lecturer of the Department of Investigation and Search Operations of Law-Enforcement Bodies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vel0486@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЁННЫХ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ СДЕЛОК КУПЛИ-ПРОДАЖИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Введение: в статье рассматриваются противоправные деяния, связанные с заключением договорных обязательств при купле-продаже автотранспортных средств. С учетом изученных особенностей данных видов преступной деятельности, правоприменительной практики, материалов предварительных проверок и расследованных уголовных дел автором предлагается алгоритм действий сотрудников оперативных подразделений по информационному поиску сведений, имеющих значение для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты правоохранительных органов Российской Федерации.

Методологической основой исследования является всеобщий диалектический метод научного познания, а также анализ, синтез, дедукция, индукция. Использовались также такие частно-научные методы, как: системно-структурный — для исследовании основ построения оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, социологический — для интервьюирования и анкетирования респондентов.

Результаты исследования позволили обозначить основные виды оперативного поиска и предложить их классификацию по ряду значимых оснований. В работе предлагаются пути решения проблемных аспектов, возникающих при информационном поиске оперативно-значимой информации.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о том, что для повышения эффективности и результативности действий оперативных сотрудников необходимо применение «оперативного поиска», который представляет собой последовательность действий, направленных на получение сведений, имеющих значение для установления лиц и фактов преступной деятельности, с целью дальнейшей проверки, анализа и принятия решения по результатам проверки. Также указывается на необходимость регламентирования оформления результатов мониторинга информационно-телекоммуникативной сети Интернет и унификации оформления результатов полученных при проведении аналитического исследования уголовных дел, материалов проверки и иных материалов, содержащих оперативно-значимые сведения.

Ключевые слова: мошенничество, сделка купли-продажи, автотранспорт, информационный поиск, подделка, мониторинг.

SOME PECULIARITIES OF DETECTION AND SOLUTION OF FRAUD COMMITTED DURING EXECUTING PURCHASE AND SALE TRANSACTIONS OF MOTOR VEHICLES

Introduction: The article deals with illegal acts related to the conclusion of contractual obligations for the purchase and sale of motor vehicles. The author proposes an algorithm for actions of criminal intelligence unit for information searching that is important for conducting of law enforcement intelligence operations. Such features as criminal activity, law enforcement practice, materials of preliminary examination and investigated criminal cases were studied and taken into account.

Materials and Methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure and operational-search legislation, departmental normative legal acts of law enforcement agencies of the Russian Federation.

The methodological basis of the research is the dialectical method of scientific knowledge, as well as analysis, synthesis, deduction, and induction. We also used some private scientific methods like: system-structural method for studying the basics of building operational-search characteristics of fraud, sociological method was used for interviewing and conducting survey of respondents.

Results of the Study: allowed us to identify the main types of instant search and offer their classification for a number of significant arguments. The paper offers ways to solve the problematic aspects that arise in searching information for operationally significant information.

Findings and Conclusions: It was concluded that to increase the efficiency and effectiveness of operatives it is necessary to use “instant search”. It is a sequence of actions in furtherance of obtaining information relevant to identify the person and facts of criminal activity aimed to further inspection, analysis and decision-making by inspection results. It points to the necessity to regulate the design of information and communication resource (the Internet)

monitoring results; to unify the results obtained in the analytical studies of criminal cases, screening report and other materials containing operational-relevant information.

Keywords: fraud, purchase and sale transaction, motor vehicle, searching information, forgery, monitoring.

В Российской Федерации автотранспорт является важнейшей сферой обеспечения жизнедеятельности общества. Количество автомобилей в России растет с каждым годом и в 2019 году составило 52,4 млн единиц. Согласно статистическим данным, продажи новых автомобилей на российском рынке в 2019 году составили 1 млн 580 тыс. единиц — на 2,3 % меньше, чем в 2018 году. Также отмечается высокая доля объема продаж автомобилей с пробегом в России, что составляет 5 млн 404, 5 тыс. единиц, что на 0,4 % меньше, чем в 2018 году¹. Таким образом, статистические данные продаж на первичном и вторичном автомобильном рынке свидетельствуют о популярности данного сегмента в экономической сфере.

С увеличением на потребительском рынке доли купли-продажи автомобилей, увеличивается заинтересованность преступных групп к данному экономическому сегменту рыночной экономики.

Эффективность и результативность борьбы с рассматриваемыми мошенничествами напрямую зависит от знаний сотрудников правоохранительных органов характеристики преступлений, в частности о способах их совершения.

На основе анализа изученных уголовных дел и дел оперативного учета можно предложить следующую классификацию видов совершения мошенничеств с автотранспортом:

1. Мошенничество, связанное с продажей запасных частей автомобилей «распилов»² и «конструкторов»³, под видом автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации с уплаченными таможенными налогами и сборами и зарегистрированных в территориальном подразделении ГИБДД МВД России.

2. Мошенничество, связанное с куплей-продажей иностранных автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации без уплаты таможенных налогов и сборов.

---

¹ Статистические данные аналитического агентства «АВТОСТАТ» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 27.06.2020).

² «Распил» — это автомобиль, который распиливается в иностранном государстве на две части и ввозится в Россию. В таможенном управлении он оформляется не как автомобиль, а как запасные части, т. е. уплачивается меньший налог на ввоз. В России данные две части свариваются в единый автомобиль. Данный автомобиль нельзя поставить на учет в ГИБДД, т. к. таможенными органами не выдается паспорт транспортного средства, а выдается государственная таможенная декларация, по сути, это не автомобиль, а всего лишь запасные части.

³ «Конструктор» — это автомобиль, который привезен из-за границы в разобранном состоянии и собранный в России. Все компоненты остаются целыми узлами, которые можно снова собрать и которое не оформляется как целое изделие, и потому пошлины на него меньше — на каждый узел выдадут отдельную таможенную декларацию.

3. Мошенничество при купле-продаже похищенных автомобилей.

4. Мошенничество при оформлении сделок купли-продажи автомобилей, которые находятся в обременении у третьих лиц.

5. Мошенничество при продаже автомобиля, находящегося в залоге у банка.

6. Мошенничество при оформлении сделок автосалонами [4, с. 119].

Результаты анкетирования оперативных сотрудников показали, что в настоящее время наиболее распространенными видами мошеннических действий рассматриваемого преступления являются: продажа автомобилей «распилов и конструкторов» (составляет 33 %), продажа похищенных автотранспортных средств (24 %), в обременении у третьих лиц (19 %), в залоге у банка (13,2 %), продажа иностранных автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации без уплаты таможенных налогов и сборов (5,6 %), при оформлении сделок с фиктивными автосалонами (5 %) ¹.

Каждый из данных способов совершения преступления характерен для различных регионов России. Например, мошенничество, связанное с продажей запасных частей автомобилей «распилов» и «конструкторов» наиболее распространено в Дальневосточном регионе, в связи территориальной близостью стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Японией, откуда осуществляется импорт автомобилей и запасных частей (в том числе кузовных составных).

Процесс выявления фактов преступной деятельности направлен на обнаружение и проверку сведений, содержащих новые знания, имеющие оперативную значимость для борьбы с противоправными деяниями. Данный процесс происходит по нескольким оперативно-тактическим схемам. Так, при опросе оперативных сотрудников было установлено, что при выявлении лиц, совершающих мошенничества в сфере купли-продажи автотранспорта применялись следующие схемы: от лица к преступлению — 29,7 %; от преступления к лицу — 70,3 %.

Поисковая работа приобретает особое значение в процессе борьбы с заранее подготовленными, организованными, интеллектуальными преступлениями. К данной категории, вне всякого сомнения, можно отнести и мошеннические действия. Важнейшим фактором, оказывающим влияние на результативность проведения поисковой работы, является умение обнаружить подготавливаемое преступление, что позволяет оперативным сотрудникам действовать на опережение: предупредить преступление или задокументировать противоправные действия мошенников.

Условием успешного выявления и раскрытия преступлений сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел является их умение к поиску информации, которая состоит из сбора сведений о фактах совершения преступлений и о лицах, их совершивших. Выявление указанных лиц и их преступных деяний предполагает получение сведений ранее неизвестных оперативным подразделениям. Полученные сведения должны быть проверены в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

¹ Результаты анкетирования 121 сотрудников оперативных подразделений.

При опросе оперативных сотрудников подтверждается необходимость оперативного поиска: 69,1 % респондентов ответили, что установлению лиц, совершающих мошенничества при купле-продаже автотранспортных средств, способствовала информация, полученная в результате проведения оперативного поиска.

Применительно к деятельности по выявлению преступных групп, совершающих мошеннические действия при оформлении сделок купли-продажи автотранспорта, наибольший результат был достигнут при проведении поисковых мероприятий на криминогенных объектах:

— в местах совершения сделок и оформления документов купли-продажи автотранспорта (устанавливаются при анализе уголовных дел и материалов проверок из показаний заявителей, потерпевших);

— в местах законной продажи авто и мототранспорта (автомобильный рынок, автосалоны);

— в электронно-информационной среде (интернет сайты по купле-продаже автотранспорта и различных транспортных агрегатов);

— в местах сбыта автомобильных агрегатов (автомобильные разборки);

— в местах ввоза и вывоза авто- и мототранспорта, а также агрегатов (кузовов и иных запасных частей) с территории иностранного государства и на территорию иностранного государства (таможенные пункты пропуска);

— в местах по ремонту автотранспорта (автосервисы, в которых осуществляется изменение идентификационных номеров агрегатов и свариваются кузова транспортного средства в единый автомобиль — «распил» или «конструктор»);

— в местах изготовления поддельных документов на транспортное средство (паспорт транспортного средства, свидетельство о регистрации транспортного средства (далее — СОР), документы прохождения таможенного контроля) и документов, удостоверяющих личность (паспорт, военный билет и т. д.), включая электронную среду как место сбыта поддельных документов.

— в местах изготовления регистрационных номеров на транспортное средство.

Эффективность и результативность выявления признаков мошеннических действий зависит от знаний об исследуемом объекте. Оперативный сотрудник должен обладать техническими знаниями об автотранспортных средствах либо выявлять их с помощью специалиста, обладающего такими знаниями. Также необходимо уметь выявлять признаки подделки документов на автотранспортные средства и на гражданина.

Выявление и раскрытие данных мошенничеств осложняется тем, что большинство сведений содержится в информационно-коммуникативной сети Интернет, и установить их без специальных знаний невозможно. Например, при изучении уголовных дел в сфере мошеннических действий, совершённых при купле-продаже автотранспорта установлено, что преступники заказывали поддельные документы, через интернет-сайты. На данные сайты лицами, совершающими рассматриваемые мошеннические действия, предоставляются сведения о легальном автотранспортном средстве. Таким образом, создается пакет поддельных документов (паспорт транспортного средства, СОР, паспорт

гражданина Российской Федерации и др.) с целью сбыта автомобиля. Денежные средства переводят на мобильные телефоны различными платежами через «Qiwі Кошелек» либо через посредников при личной встрече. Наличие интернет-сайтов, предлагающих услуги по изготовлению поддельных документов на автотранспортные средства, способствует совершению преступления. В связи с этим проведение оперативного поиска (электронного мониторинга) сети Интернет, с целью установления следов преступления является важным фактором эффективной и результативной борьбы с мошенничествами.

В исследовании интерес представляет такое направление оперативного поиска, как установление места сбыта нелегального автотранспорта, а также мест продажи данных транспортных средств, в том числе размещенных в электронно-информационной среде.

Согласимся с мнением А. Н. Першина, который отмечает, что поиск электронной информации необходим при разработке мер борьбы с преступностью. При этом результаты такого поиска будут иметь организационно-тактическое значение в установлении обстоятельств совершения преступления и лиц, причастных к нему [6, с. 116].

Особое место в применении специальных компьютерно-технических знаний в следственной и оперативно-розыскной практике занимает обнаружение и фиксация цифровых следов. К указанным следам А. И. Семикаленова И. А. Рядковский совместно с Е. Р. Россинской [7, с. 7] относят криминалистически-значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, её обработки, хранения и передачи [8, с. 179].

При анализе уголовных дел, материалов проверок и дел оперативного учета установлено, что в 85 % случаях потерпевшие от мошеннических действий при совершении сделок купли-продажи автотранспорта находили транспортные средства по объявлениям, выложенных на интернет-сайтах (Drom.ru, Avito.ru и т. д.).

В связи со сказанным оперативный поиск в электронно-информационной среде имеет большое значение для выявления и раскрытия преступной деятельности лиц, занимающихся мошенничеством при совершении сделок купли-продажи автотранспорта. Проведение мониторинга интернет-ресурсов (интернет-сайтов по продаже автомобилей и др.) необходимо для выявления объявлений по продаже автомобилей, выставленных ранее на сайтах, таких как автомобили «распилы» или «конструкторы», т. е. продавцами автомобилей было указано, что документы на автомобили отсутствуют. Данная информация также содержится в архиве интернет-сайтов.

Сотрудники оперативных подразделений могут обладать недостаточными знаниями и возможностями для проведения всестороннего «мониторинга» интернет-сайтов по продаже автотранспорта, агрегатов и запасных частей транспортных средств. С этой целью должны быть задействованы специальные технические подразделения, а также лица, обладающие знаниями в данной области.

Такой же точки зрения придерживаются А. А. Алябьев и А. В. Лагуточкин, которые отмечают, что современный криминальный мир уже не мыслит своего преступного функционирования без Интернета, с помощью которого осуществляется:

- удаленная связь между преступными группировками различной направленности;
- обмен преступным опытом;
- приискание соучастников готовящихся преступлений, криминальный поиск жертвы и орудий преступлений;
- сбыт имущества, добытого преступным путем;
- осуществление расчетно-денежных операций между лицами в условиях подготовки и совершения преступлений;
- совершение преступлений посредством использования сетевого информационного пространства [1, с. 67].

В нашей работе выделим следующие направления оперативного поиска в информационном пространстве сети Интернет:

- установление лиц (в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц), занимающихся легальным бизнесом автомобилей, запасных частей автомобилей «распилов» и «конструкторов»;
- установление интернет-сайтов, занимающихся продажей поддельных документов на автотранспортные средства;
- установление лиц, непосредственного занимающихся продажей автозапчастей с автомобилями «распилов» или «конструкторов»;
- установление объявлений о возможной постановке на регистрационный учет автомобиля «конструктор»;
- установление правовой помощи на снятие ограничений на автотранспортные средства, находящиеся в залоге у банка, либо по решению суда.

Безусловно, данный перечень не исчерпывающий и зависит от способа совершения мошеннических посягательств в сфере купли-продажи автотранспортных средств.

Эффективность работы по данному направлению поиска зависит в большей степени от получения своевременной и качественной информации о местах сбыта похищенного и о лицах, причастных к данным преступлениям.

Важнейшим направлением выявления и раскрытия рассматриваемых преступлений является поиск сведений в криминогенной среде.

Согласимся с мнением А. Е. Шалагина, который утверждает, что криминогенная среда — это «относительно устойчивая часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности, активно противостоящая мерам государственного и общественного контроля» [9, с. 137]. Поэтому рассматривая какую-либо микросреду как первооснову формирования личности, правомерно исходить из того, что главным критерием оценки среды является характер межличностных отношений.

Наибольший оперативный интерес для сотрудников уголовного розыска, занимающихся выявлением и раскрытием мошенничеств в сфере купли-продажи автотранспорта, представляет деятельность организованных преступных групп (далее — ОПГ). По нашему мнению, нельзя применять однотипный подход к изучению данных лиц, поскольку в рассматриваемых преступлениях, в зависимости от сферы криминальных ин-

тересов и способов совершения противоправных деяний, существуют различные преступные группы.

Для проведения ОРМ по выявлению преступной деятельности ОПГ, первоначально изучается оперативная обстановка в местах совершения преступлений (оформления договора купли-продажи и передачи денежных средств) и передачи транспортного средства, обобщается и анализируется имеющаяся и поступающая информация.

Анализируя уголовные дела рассматриваемой категории преступлений, установлено, в 56 % случаях автотранспортное средство демонстрируется потенциальному продавцу в общественном месте, неподалеку от проезжей части, возле торговых центров, во дворах жилых домов; 20 % на автомобильном рынке; 14 % в автосалоне¹. Как правило, встреча может осуществляться в местах, где отсутствуют камеры видеонаблюдения или камеры расположены на дальнем расстоянии от места сделки. Как правило, места хранения автотранспорта находятся неподалеку от места предполагаемой сделки: автостоянки, гаражно-строительные комплексы, автомобильные рынки и т. д. В дальнейшем при раскрытии преступной деятельности данных групп, используя оперативный поиск, можно выявлять места хранения автомобилей, используемых в качестве предмета сделки.

Переходя к рассмотрению особенностей осуществления информационного поиска с целью выявления участников преступных групп, необходимо предварительно остановиться на некоторых общих положениях информационного поиска. Общеизвестно, что эффективность борьбы с преступностью во многом определяется уровнем информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

В свою очередь, Е. Н. Яковец аналитическую работу определяет, как «метод ОРД, предполагающий „проникновение“ в документальные источники сведений и соответствующие массивы данных, содержащих знания об объектах, представляющих оперативный интерес, и их детальное изучение в целях получения оперативно-значимых результатов» [10, с. 134].

Рассматривая особенности осуществления информационного поиска рассматриваемых преступных групп, необходимо отметить, что эффективность борьбы сотрудников оперативных подразделений с преступностью в значительной мере зависит от уровня их оперативной осведомленности. Важное место в этом отводится повсеместно внедряемым в деятельность ОВД системам информационных баз данных. Умение правильно использовать накопившейся за многие годы оперативной работы информационный ресурс является целенаправленной деятельностью сотрудников уголовного розыска.

По нашему мнению, часть информации для выявления и раскрытия мошенничеств при оформлении сделок купли-продажи, а также информацию о хищениях автомобилей можно объединить в единую подсистему программно-технического комплекса интегрированного банка данных комплексного пользования федерального уровня, в целях систематизации сведений субъектов МВД России, об имущественных преступлениях, свя-

---

¹ Статистические данные, полученные при изучении 210 уголовных дел в сфере мошенничеств при купле-продаже автотранспортных средств.

занных с автотранспортными средствами. Существующая правовая и оперативно-тактическая ситуации объективно детерминируют необходимость создания единой подсистемы программно-технического комплекса интегрированного банка данных комплексного пользования федерального уровня в целях систематизации сведений субъектов МВД России об имущественных преступлениях, связанных с автотранспортными средствами.

Создание информационной базы имеет ряд организационных и правовых трудностей. Однако её создание и использование обеспечит успешную борьбу с рассматриваемыми преступлениями.

Раскрытие мошенничеств в сфере автотранспорта имеет свою специфику, связанную с процессом получения первичных сведений о проверяемом объекте и их анализом.

Особенное значение имеет изучение документов на автомобиль, оставшихся у потерпевшего:

- паспорт транспортного средства (далее — ПТС);
- договор купли — продажи автотранспорта;
- государственный регистрационный документ.

При анализе поддельных документов следует исследовать печати на бланках ПТС, договорах, государственных регистрационных документах с целью установления схожих преступлений.

Как правило, результатом технико-криминалистического исследования документов на автотранспорт является вывод о том, что данные документы изготовлены не ФГУП «Гознак».

Приведем примеры установленных признаков подделки документов на автотранспорт:

- в бланке ПТС изображения защитных сеток, бланковых строк, линий графления бланка выполнены способом плоской офсетной печати; изображения знаков серийной нумерации выполнены способом цветной электрографии;
- в бланке свидетельства о регистрации транспортного средства — изображения защитных сеток на лицевой и оборотной сторонах бланка, а также изображения водяных знаков RUS* на внутренней поверхности бланка выполнены способом цветной струйной печати; изображения знаков серийной нумерации лицевой и оборотной сторонах бланка выполнены способом цветной электрографии.

Данные сведения необходимы для установления схожих по признакам подделки документов уголовных дел, материалов проверок. И в случае установления лиц, причастных к совершению рассматриваемых преступлений, уголовные дела будут объединены в единое производство.

Следующим этапом изучения уголовных дел является исследование нелегального автомобиля. С этой целью необходимо проведение автотехнической экспертизы. При автотехнической экспертизе исследуется техническое состояние деталей и узлов транспортных средств, а также маркировочные обозначения транспортных средств. Устанавливаются способы подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, следы сварки кузовных деталей. В случае, если исследуемый объект явля-

ется нелегальным автомобилем «конструктором», автотехническая экспертиза покажет, что целостность автомобиля не была нарушена, поскольку в данном случае номерные агрегаты автомобиля номер (кузова, шильдик¹) соответствуют сведениям указанных в документах.

С целью сбора фактических данных необходимо выяснить у потерпевшего следующие сведения:

— о способе поиска автомобиля для покупки (через интернет-сайт Drom.ru, Avito.ru, Farpost.ru или другие объявления, на автомобильном рынке, в автосалоне, через знакомых);

— о способе встречи потерпевшего с продавцом автомобиля (установить абонентский номер продавца либо через мессенджеры WhatsApp, Telegram, Viber и др.²);

— о месте, где осуществлялся показ автомобиля, о том, кто при этом присутствовал;

— осуществлялся ли осмотр на специализированном автосервисе, кто из автомехаников проводил осмотр транспортного средства, какие недостатки были обнаружены;

— о месте заключения сделки купли-продажи автотранспортного средства;

— о лице, оформлявшем договор купли-продажи автотранспорта, в каком помещении происходила сделка или в каком автомобиле (может ли потерпевший опознать данное лицо, составить фоторобот).

— о способе оплаты по договору купли-продажи автомобиля;

— иные сведения, имеющие значение для выявления лиц, совершивших преступление.

Полученные сведения от заявителя необходимы для поиска информации, способствующей раскрытию преступления и установлению лиц, его совершивших. Данная информация содержится в следующих документах и предметах:

— документы, используемые преступниками для совершения обмана покупателя (ПТС, государственный регистрационный документ на автомобиль, договор купли-продажи). Для изготовления ПТС преступники находят информацию об аналогичном автомобиле той же марки, узнают его государственный регистрационный знак, серию ПТС, дату растаможивания автомобиля, дату постановки автомобиля на регистрационный учет. С целью отыскания оригинального автомобиля мошенники через сайты сети Интернет находят объявления о продаже автомобиля необходимой марки, схожего по цвету, году выпуска. Созваниваются с продавцом под видом покупателя, узнают у него серию ПТС, дату его выдачи, дату, когда автомобиль был растаможен, государственный регистрационный знак, дату постановки на учет автомобиля. В ПТС вписываются реквизиты собственника автомобиля, который официально нахо-

¹ Шильдик — информационная табличка, на которой размещены надписи и обозначения, относящиеся к маркируемому изделию.

² Мессенджер — это программа (приложение) для смартфона или персонального компьютера, позволяющая мгновенно обмениваться текстовыми сообщениями, телефонными звонками, разговаривать с использованием видеосвязи.

дится на учете в ГИБДД, таким образом, появляется автомобиль-двойник. Также в ПТС вписываются анкетные данные несуществующего лица, от чьего имени будет продаваться автомобиль. Составляется договор купли-продажи от имени собственника автомобиля и вымышленного лица, которое вписывается в документ для предъявления будущему покупателю;

— автомобиль «распил», «конструктор», выдаваемый преступниками за легальное транспортное средство;

— предметы и средства, используемые для изменения идентификационных номеров агрегатов транспортных средств;

— предметы, используемые для изготовления поддельных документов на автомобиль;

— электронные носители информации (ноутбуки, компьютеры, флэш-накопители и иные электронные документы), на которых имеются сведения о преступной деятельности разрабатываемых.

Наиболее важным моментом при раскрытии рассматриваемых преступлений является установление непосредственно предметов сделки, а именно нелегального автомобиля, с целью дальнейшего проведения оперативно-розыскных мероприятий по фиксации непосредственно сделки.

Существует несколько способов выявления данных автомобилей:

— как уже ранее отмечалось, мониторинг интернет-ресурсов, содержащих информацию по продаже автомобилей. В случае установления нелегального автотранспорта проводим оперативно-технические мероприятия: снятие информации с технических каналов связи с целью установления IP-адреса технического устройства, с которого было выложено объявление о продаже автомобиля.

— обработать места совершения преступления либо покушения на совершение мошеннических действий. Местом совершения преступления будет являться место непосредственной передачи денежных средств покупателем преступнику за автомобиль. Как правило, встреча может осуществляться в местах, где отсутствуют камеры видеонаблюдения или они расположены на дальнем расстоянии от места сделки.

— по уже изученным уголовным делам направить запрос в Федеральную таможенную службу (далее — ФТС), с целью получения сведений о юридическом и физическом лице, которое оформляло ввоз кузова или автомобиля с территории иностранного государства. При необходимости использовать каналы НЦБ Интерпола для идентификации транспортных средств с изменёнными агрегатными номерами по учётам заводов-изготовителей.

Как представляется, в рамках рассматриваемых преступлений необходимо установить лиц, занимающихся подделкой документов. При изучении уголовных дел установлено, что не во все ОПГ входили участники группы, занимающиеся подделкой документов на автомобиль. В большинстве случаев изготавливали поддельные документы на нелегальные автомобили иные лица, не входящие в состав ОПГ.

Также необходимо отследить финансовый след сделки при покупке поддельных документов на нелегальный автомобиль. С этой целью необходимо провести ОРМ

«Наведение справок» в финансово-платежных системах «Qiwі Кошелек», Webmoney и др. по цепочке от получателя денежных средств (абонентский номер, зарегистрированный на лицо с вымышленными данными) до физического лица, который непосредственно будет получать данные деньги в финансово-кредитном учреждении.

Установить лиц, занимающихся подделкой документов, возможно при инициативном проведении электронного мониторинга сети Интернет, сайтов, предлагающих приобрести поддельные документы. Процесс установления лиц, совершающих сбыт поддельных документов, связан проведением оперативно-технических мероприятий и ОРМ «Проверочная закупка», фиксирующего факты незаконной деятельности по сбыту поддельных документов в сети Интернет.

После того, как предметы и документы, могущие быть доказательствами, выявлены, возникает необходимость принять меры к их сохранности, чтобы иметь возможность использовать при расследовании уголовных дел.

Как уже было отмечено, большую роль в раскрытии данных преступлений играет не только установление электронных сведений (цифровой информации), но и дальнейшие её использование в процессе расследования.

Обратимся к вопросу о преобразовании цифровой информации в доказательство. Доказательство с позиций информационной концепции — это единство информации и её материального носителя [5, с. 36]. В. С. Балакшин обоснованно считает, что доказательство — знаково-информационная система [2, с. 109]. В такую систему условно могут быть включены:

- цифровая информация, содержащаяся на любом электронном носителе;
- электронный носитель информации;
- процессуально регламентированный порядок собирания, проверки и оценки доказательств, размещенных на электронных носителях (ст.ст. 81—81.1, 164.1 УПК РФ и др.) [3, с. 65].

В ходе раскрытия имеется возможность непосредственно проследить преступные действия разрабатываемых лиц и их связей, а также фиксировать их действия. События преступлений могут фиксироваться проведением комплекса ОРМ.

С помощью ОРМ «Наблюдение» можно зафиксировать и отследить нелегальный автомобиль с момента ввоза на территорию Российской Федерации или с иного места хранения до момента его продажи в качестве легального транспортного средства. При проведении ОРМ «Наблюдение» в таможенных пунктах пропуска необходимо осуществление взаимодействия с оперативными службами ФТС: получение сведений о ввозимых и вывозимых автомобилях, запасных частей, сведений о лицах, осуществляющих ввоз и вывоз автомобилей, осуществление при необходимости задержания. Также можно установить всех участников ОПГ, места встреч преступников со своими сообщниками, факт передачи мошенниками материальных ценностей, автомобилей или документов другим лицам (сообщникам, пособникам).

При анализе уголовных дел в отношении преступных групп, занимающихся рассматриваемыми преступлениями, можно сделать вывод о том, что особое значение при фиксации действий преступников является проведение ОРМ: «Наблюдение», «Опера-

тивный эксперимент» или «Проверочная закупка». Данные мероприятия используются для фиксации сделки купли-продажи автотранспорта.

Например, при планировании данных мероприятий возможен оперативный сценарий, при котором во время проведения ОРМ «Проверочная закупка» без цели задержания необходимо сфотографировать документы на автомобиль (ПТС, СОР), который демонстрирует продавец. Это необходимо для идентификации поддельных документов на автомобиль и дальнейшего сравнения с другими документами, находящимися в уголовных делах.

Однако в случае установления всех членов ОПГ, предметов и документов, имеющих доказательства по делу, причастности их к иным фактам преступной деятельности, целесообразно проводить задержание сразу при проведении ОРМ «Проверочная закупка».

После проведения комплекса оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий необходимо их оценка с целью дальнейшего использования в уголовно-процессуальном доказывании. Только после этого принимать решение о задержании всех участников ОПГ. Однако в любой оперативной ситуации могут возникнуть обстоятельства, при которых промедление принятия решений может повлиять на сохранность сведений, имеющих значение для доказывания по уголовным делам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алябьев А. А. Лагуточкин А. В. Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве сети Интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгородский юридический институт МВД России. — 2013 (1). С. 66—69.
2. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: моногр. — М., 2016. — 382 с.
3. Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. — 2019. — № 6 (129). — С. 61—68.
4. Велиев Я. П. Способы совершения мошенничеств при купле-продаже автотранспорта и первоначальные действия сотрудников полиции ОВД по раскрытию данных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — № 2 (47) 2019. — С. 117—124.
5. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. — М., 2000. — 138 с.
6. Першин А. Н. Криминалистические основы анализа документированной информации в уголовном судопроизводстве: моногр. / А. Н. Першин. — Омск: Омская академия МВД России, 2015. — 159 с.
7. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (19 февр. 2019 г.). — Алматы, 2019. — С. 6—8.
8. Семикаленова А. И. Рядковский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 178—184.
9. Шалагин А. Е. Криминальная среда и её общественная опасность // Ученые записи Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 2. — С. 136—141.

10. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в ОВД: моногр. — М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2005. — 218 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alyabyev A.A. Lagutochkin A.V. Problems of the implementation of operational-search measures in the information space of the Internet // Problems of law enforcement. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, (1). pp. 66-69.
2. Balakshin V.S. Otsenka dopustimosti dokazatel'stv in rossiiskom ugovnom protsesse: monogr. M., 2016., 382p.
3. Bakhteev D.V., Smakhtin E.V. Forensic features of procedural actions with digital traces. Russian Law Journal, 2019, N 6 (129) pp. 61-68.
4. Veliev Y.P. Methods of committing fraud in the purchase and sale of vehicles and the initial actions of police officers of the Internal Affairs Directorate to disclose these crimes // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2 (47) 2019. - Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. - pp. 117-124.
5. Orlov Yu.K. Osnovy teorii dokazatel'stv in ugovnom protsesse. M., 2000., 138 p.
6. Pershin A.N. Forensic bases of analysis of documented information in criminal proceedings: monograph / A.N. Pershin-Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.-159 p.
7. Rossinskaya E.R., Ryadovskij I.A. Konceptsiya cifrovyyh sledov in kriminalistike // Aurbakirovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (19 fevralya 2019). Almata, 2019. pp. 6 - 8.
8. Semikalenova A.I. Ryadkovsky I.A. The use of special knowledge in the detection and fixation of digital traces: analysis of modern practice // Actual problems of Russian law, 2019, N 6 (103) pp. 178-184.
9. Shalagin A.E. The criminal environment and its social danger// Records of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2016 No. 2 pp. 136-141.
10. Yakovets E.N. Problems of analytical work in the police department: Monograph. - M. : Ed. house I.I. Shumilova, 2005.– 219 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-174-180

Делов Никита Сергеевич

преподаватель кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Рос-
товского юридического института
МВД России
E-mail: rui@mvd.ru

Delov Nikita Sergeyevich

Lecturer of the Criminalistics and Opera-
tional-Investigative Activities Depart-
ment, Rostov Law Institute of the Minis-
try of Internal Affairs of the Russian Fed-
eration
E-mail: rui@mvd.ru

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УМЫШЛЕННЫХ УНИЧТОЖЕНИЙ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЙ ИМУЩЕСТВА

Введение: данные официальной статистики свидетельствуют о том, что ранее отмечавшиеся темпы снижения преступности в стране замедлились. При этом среднее количество умышленных уничтожений или повреждений имущества за последнюю четверть века достаточно высоко (20—25 тыс. преступлений в год). В 2020 году практически две трети умышленных уничтожений или повреждений имущества (ст. 167 УК РФ ч. 2) остаются нераскрытыми (3456 из 5302, т. е. 65,2 %).

Объект статьи — преступная деятельность, связанная с умышленными уничтожениями или повреждениями имущества, а также особенности их раскрытия и расследования.

Предмет статьи — закономерности развития науки криминалистики в области методико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение умышленных уничтожений или повреждений имущества, данные официальной статистики за последние три года, результаты анализа уголовных дел.

Методами познания в рамках настоящей статьи выступили деятельностный и ситуационный подходы, а также общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты исследования: дано понятие, содержание криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества

Выводы и заключения: в работе представлены основные теоретические проблемы криминалистической характеристики преступлений, предложены понятие и структура криминалистической характеристики умышленных уничтожений или

повреждений имущества, представлены промежуточные результаты проведенного исследования.

Ключевые слова: криминалистика, имущество, криминалистическая характеристика, взаимосвязи, отличительные свойства.

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY

Introduction: official statistics show that the previously observed rate of decline in crime in the country has slowed down. At the same time, the average number of intentional destruction or damage to property over the past quarter of a century is quite high (20—25 thousand crimes per year). In 2020, almost two-thirds of intentional destruction or damage to property (Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 2) remain unsolved (3456 out of 5302, i.e. 65.2 %).

The object of the article is criminal activity related to intentional destruction or damage to property, as well as the specifics of their disclosure and investigation.

The subject of the article is the regularities of the development of the science of criminalistics in the field of methodological and forensic support for the disclosure and investigation of intentional destruction or damage to property.

Materials and Methods: the legal framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, criminal procedure legislation regulating the disclosure, investigation and prevention of intentional destruction or damage to property, official statistics for the last three years, the results of the analysis of criminal cases.

The methods of cognition in the framework of this article are the activity and situational approaches, as well as general scientific and private scientific methods.

Results of the Study: the concept and content of the forensic characteristics of intentional destruction or damage to property are given.

Findings and Conclusions: the paper presents the main theoretical problems of criminalistic characterization of crimes, suggests the concept and structure of criminalistic characterization of intentional destruction or damage to property, and presents the interim results of the study.

Keywords: criminalistics, property, criminalistic characteristics, relationships, distinctive properties.

Познание преступной деятельности, связанной с умышленным уничтожением или повреждением имущества, в науке криминалистике связано с работами таких ученых-криминалистов, как: Р. С. Белкин, А. В. Варданян, Л. Г. Видонов, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, Г. А. Густов, Г. Г. Зуйков, А. Н. Колесниченко, Г. Н. Мудьюгин, Д. В.

Ривман, В. И. Рохлин, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. А. Эскархопуло, Н. П. Яблоков и др. [10].

Вместе с тем комплексно вопросы умышленного уничтожения или повреждения имущества и особенности их расследования на первоначальном этапе на уровне диссертационного исследования не изучались

Следует также иметь в виду, что «в условиях современных реалий, а также наработанной теоретической базы криминалистики, как отмечают А. В. Варданян и Г. А. Варданян, соотношение граней предмета криминалистики носит не только двойственный, но и диалектически обусловленный характер. Иными словами, процессы криминалистического познания преступности и мер по совершенствованию борьбы с нею находятся в состоянии диалектического единства» [6].

Криминалистическая характеристика преступлений выступает базовым понятием языка и системы криминалистики, несмотря на особую дискутируемость. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества представляет собой вид организационной деятельности, направленной на реализацию созданных условий для применения средств, приемов и методов науки криминалистики в целях надлежащего исполнения норм материального и процессуального права.

Криминалистическое обеспечение процессов предупреждения, раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений предполагает их научное обоснование посредством создания соответствующих криминалистических характеристик.

Криминалистическая характеристика отражает те или иные закономерности механизма преступления, как исходной составляющей предмета криминалистики. Преступная деятельность рассматривается учеными-криминалистами гораздо шире, и поэтому данная деятельность, как явление объективной действительности, должна характеризоваться как в докриминальный, криминальный так и посткриминальный периоды с учетом имеющихся взаимосвязей и закономерностей между элементами, её составляющими.

Полагаем, что имеющаяся на страницах научной печати критика криминалистической характеристики преступлений касается не столько её необходимости, сколько качеств данного научно-познавательного инструмента обоснования методических рекомендаций.

Частная теория криминалистической характеристики, по мнению А. А. Бессонова, представляет собой «комплекс научных положений о принципах, методах, условиях и этапах формирования видовых (подвидовых) криминалистических характеристик преступлений и накопленная в них система знаний о закономерностях преступной деятельности, их значении и технологии использования в создании новых и совершенствования существующих частных криминалистических методик, а также в практике расследования конкретных видов преступлений» [5].

Согласно положениям, разработанным А. В. Варданяном [7; 8], и применительно к теме данной статьи следует сделать следующие выводы:

— создание и совершенствование методики расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества, как составляющей криминалистического

обеспечения, предполагает описание криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 167 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ);

— при создании криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества направленность исследования должна быть связана с качеством и практической ориентированностью процессов их раскрытия, расследования и предупреждения;

— криминалистическое обеспечение на основе созданных криминалистических характеристик преступлений позволит создать необходимые условия для использования криминалистических средств, приемов, методов и рекомендаций, а также их реализацию в повседневной практике правоприменителей;

— криминалистическая характеристика умышленных уничтожений или повреждений имущества должна отражать наиболее значимые элементы относительно фаз преступной деятельности;

— изучение новых закономерностей, входящих в криминалистическую характеристику умышленных уничтожений или повреждений имущества, как задача криминалистики, позволит дополнить предмет криминалистики и уточнить дефиниции её языка.

Для раскрытия понятийного содержания следует рассмотреть:

1) вопросы корреляции элементов криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества;

2) количественный и содержательный состав криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества;

3) отличительные свойства элементов.

Эффективное использование элементов криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества возможно при наличии установленных и проверенных закономерностей объективной действительности, отражающих корреляционные связи и взаимозависимости отдельных элементов. При этом имеют значение не только внутриэлементные связи (например, между способом совершения и способом сокрытия умышленных уничтожений или повреждений имущества), связи между отдельными элементами (например, между способами умышленных уничтожений или повреждений имущества и оставленными следами), но и связи с другими элементами (например, связь способа умышленных уничтожений или повреждений имущества и способов краж).

Количество элементов криминалистической характеристики преступлений, в зависимости от вида или разновидности преступлений, неодинаково. По данным официальной статистики за 2020 год, треть умышленных уничтожений или повреждений имущества совершены из хулиганских побуждений, путем поджога (9519). Из них практические каждое четвертое осталось нераскрытым (+ 5,2 % — 2011 фактов).

На наш взгляд, к наиболее типичным элементам криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества относятся:

— способы умышленных уничтожений или повреждений имущества;

— обстановка умышленных уничтожений или повреждений имущества;

— особенности проявления свойств личности, умышленно уничтожившей или повредившей имущество, потерпевших, и других элементов криминалистической характеристики.

Способ умышленного уничтожения или повреждения имущества представляет собой центральный элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 167 УК РФ.

При этом детальное изучение уголовных дел показало, что следует учитывать и такой важный элемент, как место умышленных уничтожений или повреждений имущества в структуре преступной деятельности.

Так, нами были получены статистические данные, согласно которым умышленные уничтожения или повреждения имущества совершены:

- с целью избежать уголовной ответственности и наказания за другое тяжкое преступление (15 %);
- с целью подготовки к совершению другого преступления (12 %);
- самостоятельно (71 %);
- иное (2 %).

Более четверти исследованных нами материалов уголовных дел об умышленных уничтожениях или повреждениях имущества связаны с действиями по подготовке к сокрытию и посткриминальному поведению. Значимость способов для раскрытия умышленных уничтожений или повреждений имущества подтвердили 95 % респондентов, указанный вопрос следует рассмотреть отдельно на основе выводов и предложений А. С. Андреева [1; 2; 3].

Свойства личности субъектов, как элемент криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества, должны быть включены, по мнению 67 % респондентов.

Следует иметь в виду, что по изученным уголовным делам менее 40 % лиц, привлеченных к ответственности по статье 167 УК РФ, имели судимость. Более 28 % совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Иными словами, криминалистическая характеристика, как основа организации умышленных уничтожений или повреждений имущества, должна представлять собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов с определёнными свойствами и закономерностями, влияющими на организацию и эффективность процессов их раскрытия и расследования.

Факторы, детерминирующие формирование способов умышленного уничтожения или повреждения имущества, по традиции, заложенной Р. С. Белкиным, делятся на: объективные (характеристика имущества, подвергнутого умышленному уничтожению или повреждению, количество участников, пространственно-временные характеристики преступного события, наличие конфликтов в докриминальных ситуациях, неочевидность посткриминальных ситуаций) и субъективные (цель и мотивы субъекта преступления). В 78 % случаев преступник и жертва были знакомы между собой (родственники, соседи, коллеги по работе или досугу и иные причины знакомства). В тех случаях, когда преступник и потерпевший были незнакомы друг другу, средняя сумма ущерба от умышленного уничтожения или повреждения имущества гораздо выше, чем в случае наличия их знакомства [4].

Наличие конфликта, предшествовавшего совершению умышленного уничтожения или повреждения имущества, имело место в 57 % случаев, не имело — в 43 % [9].

Потерпевший в момент умышленного уничтожения или повреждения имущества:

— не знал, что совершается преступление, предусмотренное статьей 167 УК РФ — 31 %;

— знал о совершении преступления: препятствовал совершению (52 %);

— воспрепятствования совершению не оказывал (17 %).

Деятельность потерпевшего в посткриминальный период (первые сутки): безразличное (11 %); сообщение о преступлении (82 %); иное (7 %).

В момент совершения преступления, предусмотренного статьей 167 УК РФ, потерпевший: находился в алкогольном опьянении (22 %), не находился с данным состоянием (78 %).

Необходимость создания единой криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 167 УК РФ, подтверждается результатами проведенного опроса:

1) знания о криминалистической характеристике преступлений в практике расследования применяют только 34,7 % респондентов;

2) о необходимости и потребности в разработке криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества заявило более 75%;

3) большинство из заявивших о потребности в криминалистической обеспечении раскрытия и расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества указало на необходимость разработки современных методических рекомендаций.

Таким образом, криминалистическая характеристика умышленных уничтожений или повреждений имущества представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов с отличительными свойствами, влияющими на процесс их раскрытия и расследования.

Отличительные свойства элементов криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества подразумевают, что при научном познании следует получить такие системы криминалистических знаний, которые пригодны как для образовательного процесса, так и для дальнейшего их применения полученных компетенций в правоохранительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреев А. С. Исследовательская программа криминалистической теории о механизме посткриминальной деятельности и язык криминалистики // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2018. — № 3. — С. 106—109.

2. Андреев А. С. К вопросу о создании частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в условиях посткриминального противодействия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4 (9). — С. 125—133.

3. Андреев А. С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 27. — С. 5—22.

4. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М., 1997. — С. 217.

5. Бессонов А. А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник ПАГС. — 2014. — № 6 (45). — С. 45—50.
6. Варданян А. В., Варданян Г. А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 3—7.
7. Варданян А. В. О современных тенденциях развития криминалистических методик. Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики // Сб. мат-в междунар. науч.-практ. конф. Ростовский юридический институт МВД России. — Ростов н/Д., 2020. — С. 8—14.
8. Варданян А. В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 1. — С. 44—49.
9. Варданян А. В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Философия права. — 2018. — № 3 (86). — С. 62—63.
10. Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 143 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andreev A. S. Research program of criminalistic theory on the mechanism of post-criminal activity and the language of criminalistics // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. No. 3. pp. 106-109.
2. Andreev A. S. On the issue of creating private methods of solution, investigation and prevention of crimes in the context of post-criminal counteraction // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (9). pp. 125-133.
3. Andreev A. S. Behavior (activity) of persons who accidentally turned out to be participants in a criminal event, as an element of the mechanism of crime: from the formulation of a scientific problem to the results of the study // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2018. No. 27. p. 5-22.
4. Belkin R. S. Criminalisticheskaya enciklopediya – - М., 1997. P. 217.
5. Bessonov A. A. On the essence of criminalistic characteristics of crimes / / Vestnik PAGS. 2014. No. 6 (45). p. 45-50.
6. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private criminalistic methods. Economic and legal sciences. 2021. No. 1. p. 3-7.
7. Vardanyan A.V. On modern trends in the development of forensic techniques. Criminalistics: topical issues of theory and practice. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2020. pp. 8-14.
8. Vardanyan A.V. Razvitie sistem znaniy o kriminalisticheskoy kharakteristike postkriminalnoy deyatel'nosti kak zakonomernyy rezultat'nogo razvitiya nauki kriminalistiki [Development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics]. 2021. No. 1. pp. 44-49.
9. Vardanyan A.V. The phenomenon of aggression in the structure of modern violent crime. 2018. No. 3 (86). pp. 62-63.
10. Yablokov N. P. Subject, system and theoretical foundations of criminalistics / A. N. Vasilyev, N. P. Yablokov. - М.: Moscow State University Publishing House, 1984. - 143 p.

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-181-189

Ищенко Евгений Петрович

заведующий кафедрой
криминалистики Московского
государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федера-
ции
Заслуженный деятель науки России
E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Evgeny Petrovich

Head of the Department of Criminalistics
Kutafin Moscow State Law University
doctor of Law, professor
Honored Lawyer of the Russian Federa-
tion
honored Scientist of Russia
E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Костюченко Олег Георгиевич

старший следователь-криминалист
технико-криминалистического отдела
управления криминалистики
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской
Федерации по г. Москве
kostucenkooleg746@gmail.com

Kostyuchenko Oleg Georgievich

senior forensic investigator of the tech-
nical and forensic Department of the
criminalistics Department of the Main
investigative Department of the Investi-
gative Committee of the Russian Federa-
tion in Moscow major of justice
kostucenkooleg746@gmail.com

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ
НОСИТЕЛЯХ ИНФОРМАЦИИ**

Введение: в статье рассматриваются новейшие технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательственной информации, имеющейся на её электронных носителях. Без их использования невозможно результативное производство ни одного следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия в киберпространстве, в котором и остаются виртуальные (электронные) следы. Основное внимание уделено наиболее совершенным и универсальным средствам отечественного и зарубежного производства, показаны те проблемные задачи, которые они позволяют решать.

Материалы и методы: нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного

познания, имеющий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные приемы анализа, сравнения, наблюдения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили расширить понятие современных технико-криминалистических средств за счет их новейших образцов, раскрыть их потенциальные и реальные возможности в следственной практике.

Выводы и заключения: российский криминалитет постоянно совершенствуется, в особенности путем проникновения в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, освоения киберпространства. В этой связи необходимы специальные технические средства, позволяющие обнаружить, изъять и исследовать судебные доказательства, имеющиеся на различных электронных носителях доказательственной информации.

Ключевые слова: компьютерная преступность, технико-криминалистические средства, виртуальные следы, смартфон, мобильные средства коммуникации (МСК), доказательственная информация.

MODERN TECHNICAL AND FORENSIC TOOLS USED TO DETECT EVIDENCE ON ELECTRONIC MEDIA

Introduction: the article discusses the latest technical and forensic tools used for the detection, recording, seizure and investigation of evidentiary information available on its electronic media. Without their use, it is impossible to effectively carry out any investigative actions and operational search activities in cyberspace, in which virtual (electronic) traces remain. The main attention is paid to the most advanced and universal means of domestic and foreign production, showing the problematic tasks that they allow you to solve.

Materials and methods: the normative base of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive techniques of analysis, comparison, observation, generalization and description.

The results of the study allowed us to expand the concept of modern technical and forensic tools at the expense of their latest models, to reveal their potential and real possibilities in investigative practice.

Conclusions and conclusions: Russian criminals are constantly improving, especially through penetration into the Internet, the development of cyberspace. In this regard, special technical means are needed to detect, seize and examine forensic evidence available on various electronic media of evidentiary information.

Keywords: computer crime, technical and forensic tools, virtual traces, smartphone, MSK, evidentiary information.

Сегодня практически каждый житель планеты, в той или иной мере, пользуется современными цифровыми сервисами. В числе прочих глобальных тенденций мирового прогресса цифровизация приобретает характерные черты крупномасштабного долгосрочного процесса, определяющего качественное содержание текущего этапа эволюции людского сообщества. Не обошли ее заинтересованным вниманием и криминальные элементы.

За 2019 год совершено почти 300 тыс. преступлений в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий, из них раскрыто только 65 тыс. деликтов; в 2020 году совершено 510,4 тыс. преступлений, из которых раскрыто только 94,9 тысяч¹. Статистика свидетельствует о необходимости пересмотра тактических и методических основ расследования данной категории преступлений, а также разработки и использования новых технико-криминалистических средств.

Для совершения «компьютерных преступлений» все чаще используются современные электронные устройства (компьютеры, планшеты, ноутбуки, сотовые телефоны и смартфоны, портативные устройства GPS, цифровые фотоаппараты, флэш-карты, факсы и др.). Действия преступника не всегда могут быть им проконтролированы, в связи с чем в перечисленных выше портативных устройствах остаются так называемые «виртуальные следы», которые свидетельствуют о тех или иных криминальных манипуляциях в киберпространстве.

Крайне актуальными являются вопросы исследования носителей информации, в том числе мобильных средств коммуникации (МСК) — портативных электронных устройств, предназначенных для индивидуального использования. Как справедливо отмечает Е.И. Третьякова, в настоящее время «средство мобильной связи становится чаще всего не предметом преступного посягательства, а средством его совершения. И в этом случае наибольший интерес представляет не сам предмет с его внешними индивидуальными характеристиками, а информация, хранящаяся в его памяти» [9, с. 49-51].

Информация, полученная из указанных источников, может иметь для органов следствия важное значение, в том числе не только диагностического, но и идентификационного характера. Актуальность технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, имеет важное практическое значение.

С помощью упомянутых средств возможно извлечение «виртуальных следов» из памяти различных электронных устройств и использование их при расследовании преступлений, совершенных с выходом в киберпространство. В этой части следует согласиться с О.П. Грибуновым, что средства сотовой связи - это источники криминалистически значимой информации, которую следует активно использовать в целях

---

¹ Состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года. Официальный сайт Министерства Внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.ru/> - (дата обращения 10.03.2021)

выявления, раскрытия, расследования и, конечно же, предупреждения преступлений [2, с. 138].

В ходе расследования уполномоченные на то субъекты проводят комплекс неотложных следственных действий, в которые помимо осмотра места происшествия могут быть включены выемки, обыски, осмотры предметов и документов, проверки показаний на месте, следственные эксперименты и др. Целью указанных следственных действий выступает обнаружение как источников виртуальных следов, так и самих следов преступления, отобразившихся на задействованных устройствах.

Поэтому при проведении следственного осмотра необходимо изымать все имеющиеся мобильные телефоны и смартфоны, проводить их осмотр сразу после основного осмотра. Мобильные телефоны можно обнаружить в ходе проведения осмотра места происшествия, осмотра жилища, личного досмотра, обыска, выемки.

Во всех случаях задержания подозреваемого лица необходимо сначала провести его личный досмотр, затем личный обыск. Это позволит изъять и обнаружить все портативные устройства, содержащие в себе полезную информацию, в том числе мобильные телефоны, сим-карты и т.д. Также рекомендуется проводить обыски в месте проживания, работы и иных объектов, проводить поиски всех возможных устройств, даже тех, которые не вызывают первоначальных подозрений.

Для того, чтобы исключить возможность подозреваемым или иным лицам удалить с мобильного телефона информацию с помощью удаленного доступа, иными возможными способами (например, с аккаунта пользователя и т.д.), необходимо использовать специальный чехол «Мешок Фарадея», предназначенный для помещения изымаемых средств связи, в частности, смартфонов и мобильных телефонов, с целью блокировки их функциональных свойств и возможности злоумышленников дальнейшего пользования ими.

Все электронные носители информации высокотехнологичны и при работе с ними имеют свои особенности. Одних визуальных осмотров и фиксации в протоколах осмотра или иных следственных действий недостаточно. Поэтому возникает необходимость приглашения специалиста, так как необходимые следы могут быть зашифрованы, спрятаны или перекодированы.

Для того, чтобы обнаруженные следы, а также иная значимая для дела информация стали допустимыми доказательствами, важно соблюдать процессуальные и технические правила работы с ними.

На вооружении правоохранительных органов, в том числе Следственного комитета Российской Федерации, имеются такие технико-криминалистические средства,

с помощью которых можно:

1) извлекать всю имеющуюся информацию из памяти устройства, в том числе удаленную. Современные устройства могут извлекать информацию из жестких дисков, карт памяти, сим-карт и т.д.;

2) устанавливать местонахождение конкретного электронного устройства и соответственно лица, которое в данный момент им пользуется. При этом можно определять точное местонахождение и время (с помощью геоданных, метаданных фото-

видеофайлов, по приемным и передающим модулям систем GPS, ГЛОНАСС, по беспроводным сетям Wi Fi);

3) проводить анализ контактов участников преступных групп и сообществ, устанавливать наиболее активных участников, выявлять лидеров, доказывать период общения ее участников.

С помощью таких устройств можно установить места соединения с точками доступа к сетям Wi Fi, либо с помощью системы ГЛОНАСС определить маршрут передвижения подозреваемого.

Таковыми техническими приборами, помогающими органам следствия и суда извлекать полную информацию (включая удаленную) из памяти названных электронных устройств, а также электронных накопителей, являются средства извлечения судебной информации или мобильные криминалисты: UFED (Universal Forensic Extraction Device), XRY, Тарантула и другие. Эти приборы позволяют работать даже с выключенными устройствами, без наличия аккумуляторов, с содержащими пароли и пр.

В ходе производства следственных действий, таких как осмотр места происшествия, жилища, служебных помещений, транспортных средств и др., применяется практика изъятия мобильных средств коммуникации (МСК), к которым относятся мобильные телефоны — устройства голосовой радиосвязи с возможностью выхода в локальную или глобальную телефонную сеть и получения персонального вызова из нее; смартфоны — гибридные мобильные устройства, совмещающие функции мобильного телефона и карманного персонального компьютера; планшетные компьютеры — электронные устройства с сенсорным экраном, позволяющим управлять компьютерными программами через прикосновение к объектам программы на экране, и др.

В ходе производства следственных действий, с целью обнаружения мобильных устройств, электронных носителей информации, SIM-карт, записывающих устройств и прочих аналогичных объектов, целесообразно применять нелинейные локаторы серий: «Лорнет», «Orion», «Люкс», «NR», «BWS WH» или профессиональные детекторы нелинейных переходов «NR900EM» и др. [1, с. 9-14]. Данные технические средства внедрены в практику правоохранительных органов и активно применяются на территории нашей страны.

При осмотре и исследовании МСК могут быть получены сведения об электронной переписке, касающиеся реализации преступного замысла; сведения, составляющие охраняемую законом тайну; сведения о незаконных финансовых и бухгалтерских операциях; фото- и видеоизображения, содержащие информацию о взаимосвязях лиц, географических местах и времени их посещения; экстремистские материалы и иная информация, запрещенная к распространению на территории Российской Федерации; программное обеспечение (ПО), применяемое для совершения компьютерных преступлений, и пр. [6, с. 156-163].

Эксперты в области компьютерно-технической экспертизы: В.А. Егоров и О.Н. Ильиных, выделили следующие связанные с МСК и имеющие значение для следствия следы: 1) следы на мобильном устройстве — список контактов, сведения о соединениях абонентов сетей сотовой связи (журнал звонков, сообщения), сведения о произ-

ведённых финансовых операциях, данные из прикладных приложений – мессенджеров: Viber, Skype, WhatsApp, Facebook, V Kontakte и др.; 2) следы на SIM-карте — абонентская книга номеров, журнал звонков, сообщения (SMS, MMS) [5, с. 1-5].

Использование специальных знаний позволяет не только выявить и зафиксировать следы преступной деятельности, оставленные на МСК, но и установить местонахождение (подозреваемого) преступника или жертвы; определить маршрут их перемещений; выяснить принадлежность переданных с помощью мобильного устройства сведений конкретному лицу.

В результате перед органами предварительного расследования встает проблема обнаружения, фиксации, изъятия представляющей доказательственное значение информации и процессуального оформления произведенных действий.

На первоначальном этапе расследования особое значение имеет биллинг — анализ входящих, исходящих вызовов, сообщений, соединений и их продолжительности. Данные биллинг-систем могут быть предоставлены правоохранительным органам операторами связи по факту расследования преступлений [4, с. 92-101]. Существенную помощь в выявлении интересующей следственные органы группы абонентов и определения круга их общения из запрашиваемых данных биллинга, оказывают специализированные технические средства, одним из которых является аппаратно-программный комплекс (АПК) «Сегмент-С».

Установление местонахождения подозреваемых (преступников) или их жертв может осуществляться субъектами расследования с применением специализированных технологий — Cell ID, UMTS, A-GPS и др. Для получения доступа к информации, представляющей интерес для следствия и имеющей доказательственное значение, но хранящейся на заблокированных и зашифрованных мобильных устройствах, следственными органами применяются АПК Universal Forensic Extraction Device (UFED), Мобильный Криминалист-Эксперт, XRY, MOBILedit Forensic, Tarantula, CellXtract и др.

Специализированное ПО позволяет провести упрощенное и быстрое извлечение информации из обширного ряда МСК: мобильных телефонов, смартфонов, планшетов, телефонов китайской сборки на базе микропроцессора, некоторых моделей GPS-приемников, сим-карт и карт памяти мобильных устройств.

В 2012-2013 годах все следственные управления Следственного комитета Российской Федерации (СК России) были обеспечены АПК Universal Forensic Extraction Device «UFED» (универсальное извлечение судебных данных) производства фирмы «Cellebrite» (Израиль), предназначенными для проведения оперативного исследования МСК.

АПК UFED дает возможность извлекать, декодировать и анализировать цифровые данные, полученные из мобильных устройств, на существующем ПК или ноутбуке. Комплекс поставляется с периферийными устройствами и принадлежностями, необходимыми для успешного проведения исследований. UFED позволяет получить доступ не только к неповрежденным данным, но и к скрытым данным, а также к тем,

которые были удалены. О применении данного АПК в практике раскрытия и расследования преступлений неоднократно освещались в литературе [3, с. 152-153].

Значительным преимуществом анализируемого АПК является возможность восстановления данных из получивших распространение в России и за рубежом мессенджеров — систем мгновенного обмена сообщениями (Telegram, WhatsApp, Viber и др.), а также переписки в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook и др.).

UFED 4PC выпускается в вариантах: Ultimate и Logical. UFED 4PC Ultimate включает в себя UFED Physical Analyzer для глубокого декодирования, анализа и подготовки отчетов. UFED 4PC Logical содержит UFED Logical Analyzer для простого декодирования и анализа информации. Эффективность UFED подтверждается следственной и судебной практикой применения в отделах криминалистики следственных управлений СК России.

АПК XRY производства компании Micro Systemation (Швеция) активно применяют в практике своей работы правоохранительные органы Великобритании и США. АПК обеспечивает защищенное извлечение цифровой информации из разнообразных мобильных устройств, включая смартфоны, GPS-навигаторы, 3G-модемы и планшетные компьютеры. Он позволяет извлекать данные вызовов IP-телефонии, картографическую информацию GPS и журналы средств оперативной пересылки сообщений. Отличительной особенностью АПК XRY является малая трудозатратность: с его помощью можно исследовать до трех мобильных устройств одновременно.

Одним из ТС, используемых в компьютерной криминалистике для исследования МСК, является отечественный АПК «Мобильный Криминалист», разработанный специалистами компании «Оксиджен Софтвер». Он позволяет получить общую информацию о мобильном устройстве и сведения о контактах и соединениях, включая соединения Wi-Fi; ознакомиться с SMS, MMS, фотографиями, видео- и аудиозаписями, голосовыми заметками; восстановить удаленные данные, найденные с помощью встроенного просмотрщика баз SQLite; проследить маршруты передвижения владельца. При этом анализ информации мобильного устройства может производиться непосредственно из программы или с использованием функции расширенного экспорта. Отчеты создаются в популярных текстовых форматах — XLS, RTF, PDF, XML, CSV, TSV и др. «Мобильный Криминалист» позволяет сохранять в файл архивы всех подключенных устройств [7, с. 450-460].

Сделать данные доступными, действенными, пригодными для использования в качестве судебных доказательств — задача следователя и привлекаемых к следствию специалистов и экспертов. Условием успешного решения этой задачи является квалифицированное применение инновационных технологий и новейших достижений в области цифровой криминалистики, значительно расширяющих доказательственную базу уголовного дела.

В результате проведенного исследования необходимо сделать следующие выводы: технико-криминалистическое обеспечение по обнаружению, фиксации и изъятию следов на виртуальных носителях информации имеет свое собственное направ-

ление развития, отвечает поставленным целям при раскрытии и расследовании преступлений, не только в сфере компьютерной информации. Однако в настоящее время современные способы совершения преступлений и возможности преступников скрывать следы требуют дальнейшего совершенствования не только технического обеспечения правоохранительного блока, но и правового регулирования разрешения указанных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Багмет А. М.* Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах / Багмет А. М., Скобелин С. Ю. // Вестник криминалистики. — 2013. — № 4 (48). — С. 9—14.
2. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). — С. 137—142.
3. Грибунов О.П. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // В сборнике: Криминалистические чтения на Байкале - 2015. материалы Международной научно-практической конференции. ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Восточно-Сибирский филиал; отв. ред. Д. А. Степаненко. 2015. — С. 150—154.
4. *Дворкина Н. Б.* Использование OpenCellID API в мобильных сервисах / Дворкина Н. Б., Намиот Д. Е. // Прикладная информатика. — 2010. — № 5 (29). — С.92—101.
5. *Егоров В.А.* Особенности назначения и производства судебных экспертиз по делам о преступлениях, связанных с использованием средств сотовой связи /Егоров Владимир Александрович, Ильиных Ольга Николаевна // Концепт. – 2014. — С. 1—5.
6. *Осипенко А.Л.* Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / Осипенко Анатолий Леонидович, Гайдин Александр Иванович // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 156—163.
7. *Пастухов П.С.* О необходимости развития компьютерной криминалистики / Пастухов П. С. // Пермский юридический альманах. — 2018. — № 1. — С.487—488.
8. *Романов В. И.* Криминалистическая техника и потребности следственной практики / Романов В. И. // Российский следователь. — 2015. — № 24. — С. 13—16.
9. *Третьякова Е.И.* Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации / Третьякова Е. И. // Вестник Уральского финансово-юридического института. — 2018. — № 3 (13). — С. 49—51.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bagmet A.M., Skobelin S. Yu. Actual issues of the use of forensic technology for obtaining information contained in mobile electronic devices // Bulletin of Criminalistics. — 2013. —No. 4 (48). — pp. 9-14/
2. Gribunov O. P. Means of cellular communication as a source of criminalistically significant information // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (83). - pp. 137-142.
3. Gribunov O. P. Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current state // In the collection: Criminalistic readings on Lake Baikal-2015. materials of the International scientific and Practical Conference. Federal State Educational

Institution "Russian State University of Justice" East-Siberian Branch; ed. by D. A. Stepanenko. 2015. - pp. 150-154.

4. Dworkina N. B. Using the OpenCellID API in mobile services / Dworkina N. B., Namiot D. E. // Applied Informatics. — 2010. — No. 5 (29). — pp. 92-101.

5. Egorov V. A. Features of the appointment and production of forensic examinations in cases of prestukpleniya related to the use of cellular communications / Egorov Vladimir Aleksandrovich, Ilinykh Olga Nikolaevna // Concept. - 2014. - S29. — pp.1-5.

6. Osipenko A. L. Pravovoe regulirovanie i takticheskie osobennosti vypyatiya elektronnykh media informatsii [Legal regulation and tactical features of the withdrawal of electronic data carriers] // Osipenko Anatoly Leonidovich, Gaidin Alexander Ivanovich // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2014. — No. 1. — pp. 155-163/

7. Pastukhov P. S. On the need for the development of computer criminalistics / Pastukhov P. S. // Perm Legal almanac. — 2018. — No. 1. — pp. 478-488.

8. Romanov V. I. Criminalisticheskaya tekhnika i vozrozhdenie investigative praktiki [Criminalistic technique and the needs of investigative practice]. — 2015. - No. 24.- pp. 13-16.

9. Tretyakova E. I. Mobile phone as a source of criminalistically significant information / Tretyakova E. I. // Bulletin of the Ural Financial and Legal Institute. — 2018. — No. 3 (13). — pp. 49-51.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-190-200

Россинская Елена Рафаиловна

директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации
E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Rossinskaya Elena Rafailovna

Director of the Forensic Expertise Institute,
Head of the Forensic Expertise Department,
Kutafin Moscow State Law University
Doctor of Law, Professor
Honored Scientist of the Russian Federation
E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

**КОНЦЕПЦИЯ УЧЕНИЯ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ КАК ОСНОВЕ МЕТОДИК
РАССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹**

Введение: статья продолжает наши публикации по учениям, составляющим теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности — научной основы раскрытия и расследования компьютерных преступлений. В ней рассматривается следующий этап исследования содержания этой теории. Отмечается, что в эпоху цифровизации открываются новые возможности изучения и обобщения больших массивов криминалистически значимой информации с использованием технологии Big Data. На этой основе может быть реализована концепция информационно-компьютерных криминалистических моделей компьютерных преступлений.

Материалы и методы: основываясь на методологии криминалистики, включающей методы диалектической и формальной логики, общенаучные и специальные методы, с учетом анализа следственной и оперативно-розыскной практики сделано заключение о необходимости изменения сложившихся стереотипов расследования компьютерных преступлений, поскольку способы этих преступлений не коррелируют напрямую с их видами, а для совершения разных видов компьютерных преступлений часто используются одни и те же методы и информационно-компьютерное обеспечение.

Результаты исследования: предложена концепция криминалистического учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основа ме-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

тодик расследования компьютерных преступлений. Обосновано определение предмета, объектов и содержания учения.

Выводы и заключения: разработана концепция нового учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений, которая является элементом системы теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Предмет учения — это общие закономерности формирования информационно-компьютерных моделей компьютерных преступлений на основе корреляционных связей между комбинациями ИТ-технологий и компьютерных систем, применяемых для различных способов совершения и сокрытия компьютерных преступлений и цифровыми следами, а также ИТ-компетенциями преступников и потерпевших. В объекты учения входит криминалистически значимая компьютерная информация о комбинациях ИТ-технологий, о цифровых следах, о компетенциях в области ИТ-технологий преступников и потерпевших.

Ключевые слова: цифровизация, компьютерные преступления, способы компьютерных преступлений, теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях.

THE CONCEPT OF THE DOCTRINE ON INFORMATION-COMPUTER FORENSIC MODELS AS THE BASIS OF COMPUTER CRIME INVESTIGATION TECHNIQUES

Introduction: The article continues our publications on the doctrines that make up the theory of information and computer support for forensic activity — the scientific basis for the solution and investigation of computer crimes. It examines the next stage the content of this theory study. It is noted that in the era of digitalization, new opportunities are opening for studying and generalizing large arrays of forensically significant information using Big Data technology. On this basis, the concept of information-computer forensic models of computer crimes can be implemented.

Materials and Methods: based on the methodology of criminalistics including methods of dialectical and formal logic, general scientific and special methods, taking into account the analysis of investigative and operational-search practice, it was concluded that it is necessary to change the prevailing stereotypes of investigating computer crimes, since the methods of these crimes do not directly correlate with their types, but for commission of different types of computer crimes often use the same methods and information and computer support.

Results of the Study: the concept of criminalistics doctrine on information-computer forensic models as the basis of methods for investigating computer crimes is proposed. The definition of the subject, objects and content of the doctrine is substantiated.

Summary and conclusions: The concept of a new doctrine on information-computer forensic models of computer crimes, which is an element of the system of the theory of information-computer support of criminalistics activity, has been developed. The subject of the doctrine is the general patterns of the formation of information and computer models of computer crimes based on correlations between combinations of IT technologies and computer systems used for various methods of committing and concealing computer crimes and digital footprints, as well as the IT competencies of criminals and victims. The objects of doctrine include forensically significant computer information about combinations of IT technologies, digital footprints, and IT competencies of criminals and victims.

Keywords: digitalization, computer crimes, methods of computer crimes, theory of information and computer support for criminalistics activities, the doctrine of information and computer criminalistics models.

Процесс цифровизации, наряду с позитивным влиянием на все сферы человеческой деятельности, имеет и негативные последствия, связанные с появлением новых видов преступлений в сфере компьютерной информации, а также обусловившим использование информационных компьютерных технологий в преступной деятельности для совершения многих «традиционных» преступлений (преступлений против личности, в сфере экономики, экономической деятельности, общественной безопасности и др.).

В начале XXI века преступления с использованием компьютерных технологий, хотя они тогда еще не получили широкого распространения в связи с ограниченным использованием в нашей стране компьютерных средств и систем, сложностями с интернет-коммуникациями, обусловленными использованием телефонных каналов для обмена электронными сообщениями, было предложено объединить в группу независимо от состава и именовать «компьютерными преступлениями». Указывалось, что дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом аспекте, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования. Были сформулированы основы родовой криминалистической характеристики этих преступлений [1, с. 256—271; 2, с. 944—950]. Однако в настоящее время разработка методик расследования компьютерных преступлений требует совершенно новых подходов.

Данная статья служит продолжением публикаций по проблемам разрабатываемой нами теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, которая должна явиться научной основой раскрытия и расследования компьютерных преступлений. Напомним, что предметом этой теории являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел, Объектами теории являются, с одной стороны, сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой — система действий и отношений в механизмах преступлений

с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации [3, с. 168—176]. Система теории [4, с. 193—202] включает ряд уже разработанных учений: учение о способах компьютерных преступлений (правонарушений) [5, с. 87—99]; учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации [6, с. 6—9; 7, с. 86—95]; учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем [8, с. 745—759]. Определен ряд основных дефиниций теории, таких как цифровой след, вредоносная программа, контрафактный информационно-компьютерный продукт и др., разработан новый раздел криминалистической техники и технологии, представляющий собой систему научных положений и основанных на них рекомендаций, средств, приемов и методик, предназначенных для собирания и исследования информации о компьютерных средствах и системах, в том числе цифровых следах, процессах их возникновения, передачи и трансформации в целях получения доказательств в судопроизводстве, раскрытия и предупреждения преступлений.

Следующим этапом нашего исследования является рассмотрение криминалистической характеристики компьютерных преступлений в условиях глобальной цифровизации и новых возможностей оперирования большими информационными массивами криминалистически значимой информации.

Проблемам криминалистической характеристики видов преступлений посвящена обширная научная и методическая литература, поскольку эта категория является одной из главных составляющих любой криминалистической методики. В криминалистической науке с ней связаны постоянные дискуссии: высказывания как за, так и против. Профессор Р. С. Белкин указывал на то, что «криминалистическая характеристика приобретает практическое значение лишь в тех случаях, когда между её составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер». А том виде, как она излагается в учебниках криминалистики, она носит ходульный характер, «легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними» [9, с. 220—224].

Профессора В. Я. Колдин и Е. П. Ищенко отмечали, что подавляющее большинство определений криминалистической характеристики представляют её как функциональную систему, в общем виде — систему данных, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Однако научная разработка этой категории явно недостаточна и сводится к определению понятия и обсуждению набора составляющих его признаков, в то время как собственно системные характеристики, за редкими исключениями, не рассматриваются. Вообще никем не был осуществлен системно-структурный анализ. По мнению В. Я. Колдина и Е. П. Ищенко, качественно новым этапом должно являться создание типовой информационной модели преступления, которая на основе выявленных статистических зависимостей между её элементами позволяет получать новый источник актуальной криминалистически значимой информации [10, с. 128—144]. «Под

типовой информационной моделью понимается информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений». [11, с. 8—14].

Целью данной статьи не является детальное рассмотрение позиций участников дискуссии. Считаю необходимым отметить, что основу дефиниции криминалистическая характеристика преступлений, по мнению многих авторов, отстаивающих эту категорию, и ученых, противопоставляющих криминалистической характеристике категорию «типовая информационная модель», составляет необходимость моделирования вида преступления. Это моделирование производится путем обобщения сведений о криминалистически значимых признаках вида преступления, полученных из массивов уголовных дел, и прослеживания закономерных связей между этими признаками.

Представляет интерес исследование А. А. Бессонова, в котором произведено обобщение двух вышеупомянутых категорий и сделан вывод о том, что криминалистическая характеристика преступлений — «информационная модель, которая отражает криминалистическую сущность преступлений определённого вида (подвида, криминалистически схожих групп), заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой, построенная на основе анализа и обобщения практики их расследования и судебного рассмотрения, и имеющая значение для формирования частных методик расследования и решения задач деятельности по расследованию и предупреждению преступлений» [12, с. 11].

Процессы цифровизации обусловили начало активного внедрения ИТ-технологии в сферу уголовного судопроизводства [13, с. 728—751], что открывает возможности обобщения больших массивов криминалистики значимой информации. Базируясь на подходе к криминалистической характеристике вида преступления как к информационной модели А. А. Бессонов выступил с предложением: «создавать цифровые модели, максимально адаптированные к использованию в цифровой среде... по сути, речь идет о цифровизации типовых криминалистических характеристик преступлений, т. е. о представлении их в форме соответствующих цифровых моделей» [14, с. 58—61].

Однако, как указывалось выше, различные виды преступлений с использованием компьютерных средства и систем могут совершаться одним и тем же способом. В качестве примера рассмотрим один из способов обеспечения преступником анонимности своих действий в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет) с использованием цепочки прокси-серверов. VPN-технологии обеспечивают шифрование сетевого трафика между компьютером пользователя и VPN-прокси-сервером, являющимся шлюзом выхода в сеть Интернет и, соответственно, скрывают реальный IP-адрес пользователя. Если необходим более высокий уровень конспирации, преступники арендуют вычислительные мощности у провайдеров хостинговых услуг в любой точке мира и настраивают на них собственные VPN-серверы или виртуальные машины.

Способы компьютерных преступлений являются полноструктурными, причем могут быть выбраны различные технологии подготовки, совершения и сокрытия, слабо коррелирующие с видом преступления. Отметим, что в большинстве современных программ-троянов сочетаются целые наборы функций, открывающие преступникам широкие возможности для манипулирования пользовательской информацией. Например, Trojan-Banker.Win32.RTM, помимо присущей только этому виду троянских программ функциональности поиска и копирования пользовательской информации, относящейся к банковским счетам, системам электронных денег и пластиковым картам, обладает возможностями:

- поиска файлов по именам,
- записи истории нажатий клавиш клавиатуры,
- записи видео и созданию снимков экрана,
- копирования буфера обмена,
- блокирования и нарушения работы операционной системы,
- получения от сервера управления команд на запуск дополнительных программных модулей, отправки собранной информации на сервер управления и т. п. [5, с. 87—99].

Именно поэтому объединение информационных моделей по видам преступлений не является результативным. Общность способов компьютерных преступлений начала проследиваться еще в конце XX века, хотя тогда информационные технологии в нашей стране еще мало использовались в преступной деятельности [1, с. 256—271; 2, с. 944—950].

Основой для нашего исследования послужила криминалистическая методология, включающая методы диалектической и формальной логики, общенаучные и специальные методы криминалистики, а также мониторинг следственной и оперативно-розыскной практики, результаты опросов и анкетирования специалистов в области ИТ-технологий. Эти опросы показали, что сегодня необходимы новые подходы к расследованию компьютерных преступлений, поскольку их способы не находятся в прямой зависимости от видов этих преступлений. Для подготовки, совершения и сокрытия как преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), так и других видов преступлений, например, краж, мошенничеств, убийств, создания групп смерти, организации массовых беспорядков и террористических актов, незаконного оборота наркотических средств, преступлений в банковской сфере, незаконной организации азартных игр и др. используется зачастую одно и то же информационно-компьютерное обеспечение преступной деятельности.

Родовая криминалистическая характеристика компьютерных преступлений обуславливает общность способов преступлений в пределах данного криминалистического рода. А для преступлений, совершаемых «традиционными» способами, элементы криминалистической характеристики тесно связаны с видом преступления, поэтому можно констатировать для разных видов преступлений различия во всех элементах их криминалистических характеристик. В этом и состоит особенность компьютерных преступлений.

Для создания методик расследования компьютерных преступлений необходимо изменить подход к отбору и систематизации криминалистически значимых признаков преступлений. В этих условиях можно вернуться к формированию типовых информационных моделей, которые могут приобрести уже совершенно новое звучание, будучи основанными на использовании современных информационно-компьютерных технологий.

На основании общности способов для различных видов преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем, возможно формирование информационно-компьютерных моделей преступлений, которые будут отличаться предметами посягательства и в какой-то степени потерпевшей стороной. Что касается сведений о личности типичного преступника, то в первую очередь важна информация о том, каков его уровень владения компьютерными технологиями. Основу характеристики потерпевшего (потерпевшей стороны) также должна составлять его компетенция в области IT-технологий.

Данный вопрос требует серьезной теоретической проработки. На основании вышеизложенного представляется актуальным в рамках теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, основываясь на учении о способах компьютерных преступлений, о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации, о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, сформулировать концепцию нового учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений.

Предмет этого учения составляют общие закономерности построения информационно-компьютерных моделей компьютерных преступлений на основе корреляционных связей между комбинациями IT-технологий, используемых для осуществления различных способов компьютерных преступлений, независимо от их вида, и следовой картиной в виде цифровых следов, а также компетенциями в информационных компьютерных технологиях преступника и потерпевшей стороны.

Объектом учения является криминалистически значимая компьютерная информация:

- об использованных комбинациях компьютерных средств и систем для осуществления различных способов компьютерных преступлений;
- о цифровых следах, в том числе следах воздействия вредоносных программ;
- о контрафактных информационно-компьютерных продуктах;
- о степени владения информационными компьютерными технологиями лиц, совершающих данные преступления;
- о степени владения информационными компьютерными технологиями потерпевших (потерпевшей стороны).

Основным принципом формирования информационно-компьютерных моделей является ранжирование их по сложности способов реализации противоправных действий, включая используемые IT-технологии и корреляции с этими способами уровня компетенции преступников, состава преступной группы или сообщества.

Корреляционные связи существуют также между способом компьютерного преступления и компьютерной грамотностью потерпевшего, которая также может иметь разные уровни по компетентности: пользователь; специалист в области IT-технологий.

Приведем несколько примеров. Для несанкционированного доступа к компьютерным средствам и системам одним из основных способов является внедрение троянских программ при массовых рассылках сообщений электронной почты, содержащих вложения, маскирующиеся под полезный для пользователя документ, так называемых фишинговых писем (от англ. fish — «ловить рыбу»). При попытке открытия такого вложения в систему загружается и устанавливается троянская программа [15]. Иначе этот способ реализуется не через вложение, а через интернет-ссылку, при переходе по которой неопытный пользователь направляется на сайт, содержащий наборы программ, которые находят слабые места в безопасности компьютерной системы и через них загружают вредоносную программу [16, с. 728—745]. Данный способ распространения вредоносного программного обеспечения настолько востребован, что пользователям постоянно советуют не открывать неизвестных вложений и не переходить, по неизвестным ссылкам, прикрепленным к электронным письмам [17]. Использование этого способа дает представление об уровне компетенции как преступника, так и потерпевшего.

Значительно более сложными являются способы, которые построены на модульной архитектуре, когда дополнительный модуль отвечает за конкретный вид действия, но на зараженном компьютере может работать только во взаимодействии с главным модулем. Информацию о компьютерной системе, собранную основным модулем пользователя, программа направляет на управляющий сервер, который отдает команду по загрузке на компьютер дополнительных модулей, необходимых для реализации преступного умысла. Это позволяет атаковать не только компьютеры физических лиц, но и крупные корпоративные сети, например, для хищения денежных средств либо кражи конфиденциальной информации [18].

Очевидно, что для подготовки, совершения и сокрытия подобных преступлений необходимо участие группы или сообщества, обладающих высоким уровнем компетенции в области IT-технологий. Потерпевшая сторона здесь будет представлена значительно более квалифицированными пользователями или системными администраторами.

Другим примером являются компьютерные атаки на локальные корпоративные сети. Эти атаки могут быть как внешними, так и производиться изнутри организации с участием её сотрудников. Заметим, что преступник-инсайдер может использовать вредоносные программы, как и преступник-аутсайдер. Причем его участие может быть опосредованным путем предоставления соучастникам сведений, необходимых для несанкционированного доступа к корпоративной компьютерной сети, в том числе об уязвимых местах в программном обеспечении либо ошибках в настройках сетевого оборудования.

В ряде случаев необходимым условием является вовлечение потерпевшего в преступление путем прямого общения с применением психологических приемов, склоняющих, например, к разглашению уникального кода в СМС-сообщении для авторизации на сетевом ресурсе, или к самостоятельной загрузке программы удаленного ад-

министрирования на свой компьютер и предоставлению реквизитов доступа к нему преступникам.

Важно иметь в виду, что недостаточная компетенция пользователей и связанный с этим низкий уровень обеспечения информационной безопасности, в том числе использование ненадежных паролей, заводских настроек и конфигураций программного обеспечения и оборудования, предоставляет широкий спектр возможностей для получения несанкционированного доступа к конфиденциальной информации.

Проведенное нами исследование позволило, базируясь на основных закономерностях, составляющих предмет теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, разработать концепцию учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений, включая предмет и объекты учения, элементы, составляющие информационно-компьютерные модели, представления о корреляционных связях между этими элементами. На основе учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений, используя технологии больших данных (Big Data), можно будет начать разработку упомянутых А. А. Бессоновым цифровых криминалистических моделей [14, с. 58—61] видов компьютерных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Россинская Е. Р. Методика расследования преступлений в сфере движения компьютерной информации // В кн.: Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами, гл. 12. — М.: Московский институт МВД РФ, 1999. — 972 с.
2. Криминалистика: учебник / Под ред. Р. С. Белкина. — М.: Норма, 1999. — 972 с.
3. Россинская Е. Р. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронежские криминалистические чтения. — № 2 (19). — 2017. — С. 168—176.
4. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 2 (99). — 2019. — С. 193—202.
5. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. — № 3 (148). — 2019. — С. 87—99.
6. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной науч.-практ. конф. (19 февр. 2019 г.). — Алматы: Казахстан, 2019. — С. 6—9.
7. Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Контрафактный информационно-компьютерный продукт как объект криминалистического исследования компьютерных средств и систем // Lex Russica. — Т. 73. — № 8 (168) — 2020. — С. 86—95.
8. Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — Т. 11. — Вып. 3. — 2020. — С. 745—759.
9. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: Норма: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. — 240 с.

10. Колдин В. Я., Ищенко Е. П. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — № 6 (269). — 2006. — С. 128—144.
11. Ищенко Е. П. Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Информационный бюллетень № 17 по материалам Криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений». — М., 2002. — С. 8—14.
12. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений. автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — 46 с.
13. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — № 46. — 2019. — С. 728—751.
14. Бессонов А. А. Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности // Академическая мысль. — № 4 (13). — 2020. — С. 58—61.
15. Bert Rankin. How Malware Works — Malicious Strategies and Tactics. URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (дата обращения: 02.02.2021).
16. Custers B. H. M., Pool R. L. D., Cornelisse R. Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology 2019. — 16 (6). — P. 728—745.
17. Roldán J., Boubeta-Puig, J., Luis Martínez, J., Ortiz, G. Integrating complex event processing and machine learning: An intelligent architecture for detecting IoT security attacks // Expert Systems with Applications. — 2020. — Volume 149. — 1 July 2020.
18. Левцов В. Анатомия таргетированной атаки. — URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/> (дата обращения: 05.03.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Methods for investigating crimes in the field of the movement of computer information. / In the book. Criminalistics. Methodology for the investigation of new types of crimes committed by organized criminal communities, Ch. 12. — М.: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1999. — 972 p.
2. Criminalistics. Textbook. / Under the pre. R.S. Belkin. М.: Norma, 1999. — 972 p.
3. Rossinskaya E.R. Information and computer support of criminalistics activity as a private criminalistics theory // Voronezh criminalistics readings №2 (19), 2017. — pp. 168-176.
4. Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of criminalistics activity: concept, system, basic patterns // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, №. 2 (99), 2019. — P. 193-202.
5. Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A. Modern methods of computer crimes and the patterns of their implementation // Lex Russica, No. 3 (148), 2019. — P. 87-99.
6. Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A. The concept of digital footprints in criminalistics // Aubakirovskie readings: materials of the international scientific and practical conference (February 19, 2019). —Almaty: Kazakhstan, 2019. — P.6-9.
7. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. Counterfeit information and computer product as an object of criminalistics research of computer tools and systems // Lex Russica, Volume 73 №8 (168), August 2020. — P. 86-95.
8. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. The fundamentals doctrine of criminalistics research the computer tools and systems as the theory of information and computer support for crimi-

nalistics activity's part // Bulletin of St. Petersburg university. Law. Volume 11, № 3, 2020. – P. 745–759.

9. Belkin R.S. Criminalistics: Problems of today. Topical issues of Russian criminalistics. – М.: Norma: NORMA-INFRA-M, 2001. – 240 p.

10. Koldin V.Ya., Ishchenko E.P. Typical informational model of a crime as the basis of investigation methods // Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence, № 6 (269), 2006. – P. 128-144.

11. Ishchenko EP How to fill the phantom of criminalistics characteristics of crimes with real content // Information bulletin № 17 based on the materials of the Criminalistics readings «Scientific consistency of the criminalistics characteristics of crimes». М., 2002. – P. 8-14.

12. Bessonov A.A. Private theory of criminalistics characteristics of crimes. Author's abstract. diss. Doctor of Law sciences. – М., 2017. – 46 p.

13. Vil'kova T.Yu., Maslennikova L.N. Legality and unification in criminal proceedings: from the forms of procedural documents to the electronic criminal case // Bulletin of Perm University. Legal Sciences, № 46, 2019. – P. 728-751.

14. Bessonov A. A. Digital criminalistics model of crime as a basis for countering cyber-crime // Academic thought, №. 4 (13), 2020. – pp. 58-61.

15. Bert Rankin. How Malware Works - Malicious Strategies and Tactics // URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (date accessed 02.02.2021).

16. Custers, B.H.M., Pool, R.L.D., Cornelisse, R. Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology 2019, 16 (6). – P. 728-745.

17. Roldán, J., Boubeta-Puig, J., Luis Martínez, J., Ortiz, G. Integrating complex event processing and machine learning: An intelligent architecture for detecting IT security attacks // Expert Systems with Applications, 2020, Volume 149, 1 July 2020.

18. Lev'tsov V. Anatomy of a targeted attack. // URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/> (date accessed 03/05/2020).

УДК 343.72

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-201-209

Черкашин Роман Николаевич
Заместитель начальника
Восточно-Сибирского института
МВД России (по организации службы)
E-mail: ronic.07@mail.ru

Cherkashin Roman Nikolaevich
Deputy Chief of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(by service organization)
E-mail: ronic.07@mail.ru

ПРОВОКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Введение: Вопросы тактики и методов проведения ОРМ является наиболее дискуссионной в юридической науке. Критерии правомерности действий сотрудников, рамки закона, границы, отделяющие законные формы и методы от провокации, во многом зависят от подхода исследователей к пониманию фундаментальных принципов и категорий психологии, философии, юриспруденции. Выделение критериев, правовых оснований различных этапов проведения ОРМ «оперативный эксперимент», позволяет снизить риски обвинения в провокации, участников ОРМ «оперативный эксперимент».

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты правоохранительных органов РФ.

Методологической основой исследования является всеобщий диалектический метод научного познания, а также анализ, синтез, дедукция, индукция. Использовались также такие частно-научные методы, как системно-структурный-для исследования основ построения оперативно-розыскной характеристики понятия провокации.

Результаты исследования позволили обозначить теоретико-методологические проблемы провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»

Выводы и заключения: сформулирован вывод о том, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий провокацию, как незаконный метод, следует рассматривать предметно, исходя из содержания конкретного ОРМ. Характер действий, совершаемых участниками ОРМ, которые можно оценить, как провокацию, различен в процессе реализации того или иного ОРМ.

Ключевые слова: Законность, оперативно-розыскное мероприятие, оперативный эксперимент, провокация, свобода выбора.

PROVOCATION IN THE CONTEXT OF THE INVESTIGATIVE AND SEARCH EVENT "STING OPERATION": THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

Introduction: The issues of tactics and methods of conducting investigative and search actions are the most debatable in legal science. The criteria for the legality of employees' actions, the scope of the law, and the boundaries that separate legal forms and methods from provocation largely depend on the approach of researchers to understanding the fundamental principles and categories of psychology, philosophy, and jurisprudence. The identification of criteria and legal grounds for the various stages of the "sting operation" allows reducing the risks of being accused of provocation, participants of this operative experiment.

Materials and Methods: the normative basis of the study was formed by the criminal procedure and operational-search legislation of the Russian Federation, departmental normative legal acts of law enforcement agencies of the Russian Federation.

The methodological basis of the research is the universal dialectical method of scientific knowledge, as well as analysis, synthesis, deduction, and induction. We also used such private-scientific methods as system-structural to study the basics of constructing operational-search characteristics of the concept of provocation.

Results of the Study: allowed us to identify the theoretical and methodological problems of provocation during the investigative and search event "sting operation".

Findings and Conclusions: the conclusion is formulated that when conducting operational search activities, provocation, as an illegal method, should be considered objectively, based on the content of a specific investigative and search action. The nature of the action committed by the participants of the investigative events, which can be assessed as a provocation, differs in the process of implementing a particular investigative and search actions.

Keywords: Legality, operational search event, operational experiment, provocation, freedom of choice.

Истоки провокации, как юридической категории, берут свое начало еще в Древнем Риме. Со временем, содержание и смысл понятия провокации изменился. В отличие от Древнего Рима, где провокация рассматривалась в качестве понятия, используемого в рамках гражданского права и процесса, в отечественной науке права, провокация рассматривается, как правило, в рамках уголовно-правовой тематики. В современной юридической науке, когда речь заходит о провокации, чаще всего, под ней понимают незаконный метод, используемый правоохранительными органами для получения доказательств.

Провокация, понятие многогранное [1, с. 20-35]. Содержание и признаки провокации, критерии, позволяющие формально определить и разграничить законные действия от провокации, носят дискуссионный характер. Практический интерес для исследователей представляют вопросы законности действий должностных лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее-ОРМ), в частности, ОРМ

«оперативный эксперимент» [2, с. 39-42].

Предметом анализа являются дозволения и запреты в процессе проведения ОРМ «оперативный эксперимент», характеристика конкретных действий (бездействия), позволяющие объективно считать законной деятельность сотрудников, проводящих ОРМ. Среди вопросов соблюдения законности в процессе подготовки и реализации ОРМ, особый интерес представляет проблема провокации, как недопустимого метода получения доказательств, прямо запрещенного законодателем¹.

Первоочередной (исходя из этапов проведения ОРМ «оперативный эксперимент») проблемой, на которую обращают внимание исследователи, является выделение критерия обоснованности начала проведения ОРМ. В качестве такого признается получение компрометирующей информации об объекте. Как считает С.Д. Демчук, наличие обоснованного подозрения выступает существенным признаком правомерности ОРМ. Важное место в обосновании законности действий, по мнению ученого, отводится источнику получения информации, сведения о котором должны содержаться в материалах оперативной проверки [3, с. 108].

Соглашаясь с возможными источниками получения информации, перечисленными в научной литературе, необходимо выделить источник, на который, по каким-то причинам, практически не обращают внимания, не упоминают в исследованиях, который остается во многом недооцененным.

На наш взгляд, в качестве свидетельства, доказательства обоснованности и правомерности ОРМ, позволяющего максимально исключить обвинения в незаконности действий, являются сведения, поступившие из открытых источников, прежде всего, средств массовой информации (далее-СМИ). Материалы СМИ, позволяющие, основываясь на фактах, сделать вывод об обоснованном подозрении, получить посредством СМИ сведения о заинтересованных действиях взяточполучателя.

Информация, размещенная в СМИ в этом контексте, может выступить не только основанием проведения проверки, но и быть источником обоснованного подозрения. Информация о предполагаемом коррупционном поведении должностных лиц, заключении государственных контрактов по завышенным ценам, некачественном проведении или отсутствии проведения работ и оказания услуг с составлением актов выполненных работ должностными лицами, сведения, объективно вызывающие, как пишет С.Д. Демчук, «обоснованное подозрение».

Мониторинг СМИ позволяет сделать вывод о систематическом размещении сообщений подобного характера, которые могут быть положены в качестве повода и основания подготовки к проведению ОРМ «оперативный эксперимент».

Дискуссионным вопросом остается поиск и определение границ законности и правомерности действий организаторов и участников ОРМ «оперативный эксперимент», направляющих действия взяточдателя, создающих во многом искусственную ситуацию в процессе проведения ОРМ.

---

¹ См.: статья 5. Федерального закона от 25.12.2008 года № 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «Консультант плюс». 2021.

Отсутствие ясных критериев, позволяющих со всей определенностью отделить провокацию от законных действий, является, пожалуй, одним из самых сложных аспектов проблемы. В разное время этот вопрос становился предметом пристального внимания ученых. Условия правомерного проведения оперативного эксперимента при документировании взятки рассматривают В.А. Голушко, А.С. Малахов [4, с. 33-34]. Как считают исследователи: «Отсутствие четко определенных границ провокации от правомерно созданных условий при проведении оперативного эксперимента создает определенные трудности на практике» [5, с. 32].

Предложение относительно параметров и критериев, позволяющих разграничить правомерное действие правоохранителей от провокационного, противоправного выделяет С.Д. Демчук [6, с. 108].

Гипотетически, исключить вероятность провокации, возможно в случае подтверждения согласия проверяемым лицом, произвести определенные действия (получить взятку, реализовать запрещенные вещества) в момент непосредственного получения вознаграждения или в процессе обсуждения вопросов получения вознаграждения, происходящих под контролем оперативных сотрудников.

Доказательством беспристрастности, процессуального нейтралитета, могли быть стать соответствующие лексические конструкции, используемые вероятным получателем взятки в ходе общения. Такой подход, конечно, имеет и свои недостатки. Во-первых, осуществление контроля переговоров возможно после обращения лица в правоохранительные органы с заявлением о готовящемся противоправном деянии. Во-вторых, не стоит недооценивать юридическую компетентность, предполагаемого взяткополучателя, допущение возможности обращения взяткодателя в правоохранительные органы и осуществление последующего контроля его действий. Проявляя осторожность, объект ОРМ, может избрать внешнюю поведенческую модель и использовать лексические конструкции, не позволяющие со всей определенностью квалифицировать его действия, как противоправные. В-третьих, стремление в ходе ОРМ «оперативный эксперимент» получить согласие взяткодателя на получение вознаграждения, обсуждение деталей получения взятки, может вызвать обоснованные подозрения последнего относительно осуществления внешнего контроля, привести к «незапланированному» отказу от получения взятки.

Непосредственно из проблемы законности действий сотрудников в процессе проведения ОРМ «оперативный эксперимент» вытекает другая, на наш взгляд, не менее значимая. Исходя из возможности провокационных действий при проведении ОРМ, в том числе и «оперативный эксперимент», некоторые исследователи ставят вопрос о возможности исключения ответственности объекта ОРМ в случае провокационных действий сотрудников полиции. Существующие на этот предмет точки зрения, как и на вопрос определения границ между правомерным оперативным экспериментом и уголовно запрещенной провокацией ранее были рассмотрены А.В. Савинским [7, с. 23-28].

Привлекательная с позиции защиты прав и свобод человека, общеправовых принципов (презумпции невиновности и т.д.), которые мы разделяем в полной мере, при более тщательном анализе, эта идея оказывается уязвима для критики, вызывает

определенные возражения.

Предположим, данная точка зрения верна. В этом случае, если следовать общей логики, получается, что взяточполучатель выступает в определенном смысле, в пассивной роли, изначально беспомощного, ведомого, лишенного сознательного выбора. В сущности, положение о провокации как обстоятельстве, освобождающем от ответственности за совершение преступления, исходят не столько из юридической, сколько психологической интерпретации сущности человека, понимании психических процессов. Вместе с тем, даже психологические теории личности, признают за человеком инициативу, свободу выбора, наличие воли, которые могут быть подвержены деформации и трансформации в определенных, исключительных условиях, прежде всего, ограничения свободы, применения мер физического и психического насилия.

Анализируя процесс проведения ОРМ «оперативный эксперимент», необходимо отметить, что процедура получения взятки не носит насильственного характера, и взяточполучатель имеет возможность отказаться от совершения противоправного деяния, сообщить о возможных фактах угроз, шантажа еще до получения незаконного вознаграждения. Как верно отмечает В.Н. Борков, «В отличие от лица, причиняющего вред под воздействием физического или психического принуждения, провоцируемому никто не угрожает, его воля свободна» [8, с. 114].

Согласно требованиям статьи 9 Федерального закона от 25.12.2008 г. №273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции», «Государственный или муниципальный служащий обязан уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений»¹.

Должностной статус взяточполучателя априори предполагает определенный образовательный уровень, наличие морально-волевых качеств, здоровой психики, подразумевает знание закона не как фикции, а как профессиональной составляющей служебной деятельности.

Юридические познания, понимание ответственности за совершение противоправных действий, являются доказательством сознательного выбора. Не раскрывая эмоционально-волевою сторону провокационных действий, сторонники этой точки зрения, делают акцент на формальной стороне провокации. Ученые, считающие возможным освобождение объекта ОРМ от ответственности (в случае наличия обстоятельств, указывающих на наличие провокации со стороны оперативных сотрудников), при рассмотрении вопросов проведения ОРМ, в частности ОРМ «оперативный эксперимент», не увязывают невиновность объекта с обязанностью должностного лица, сообщить о факте обращения с целью склонения к противоправным действиям.

Законодатель, в этом смысле, более практичен, закрепляя механизм защиты добросовестных служащих, алгоритм и модель антикоррупционного поведения,

---

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «Консультант плюс». 2021.

предусматривая юридическую ответственность, возможность наказания настойчивого инициатора взятки.

С.Д. Демчук безусловно на наш взгляд прав в этом отношении, верно указывая, что «...невозможно спровоцировать совершение преступления лицом, внутренне (субъективно) не готовым к этому...»[9, с. 109].

Взгляд на добровольность и сознательность поведения вероятного объекта ОРМ, как ключевого фактора в процессе оценки и квалификации действий объекта, разделяет большинство исследователей.

Учитывая объективную возможность отказа от получения взятки со стороны объекта, для квалификации действий оперативных сотрудников, выступающих в качестве организаторов и участников ОРМ «оперативный эксперимент», как провокация, необходимо сочетание очень многих условий и признаков одновременно.

Распространенная в научной литературе по данной проблематике позиция о сознательности и добровольности действий подозреваемого, ничтожности аргумента провокации, как какой-то неизбежности, элемента внушения и психологического воздействия со стороны лица, участвующего в оперативном эксперименте, своего рода «обстоятельств непреодолимой силы» не находит поддержки и в общей теории права. В действующей системе права лицо наделено свободой воли и действий, за исключением случаев невменяемости и совершения действий при непосредственной угрозе жизни и здоровью.

В тоже время следует выразить сомнение относительно позиции С.Д. Демчука, считающего, что «...соблюдение всех критериев законности ОРМ с целью исключения провокации преступления снижает «коэффициент полезного действия»...поскольку требуется более тщательная подготовка ОРМ, вследствие чего увеличиваются затраты необходимых сил и средств.[10, с. 108]. Основой мировоззрения и практических действий сотрудников, принимающих участие в организации и реализации ОРМ «оперативный эксперимент» должна быть Конституция Российской Федерации, закрепляющая основные права и свободы. Позиция законодателя на соблюдение прав граждан, законности при проведении ОРМ, совершенно обоснована и отражает главное направление на создание правового государства и общества. Тщательная подготовка ОРМ, имеет своим следствием исключительно качественное закрепление доказательств совершения преступления, снижает вероятность прекращения производства по уголовному делу по причине процессуальных нарушений, недостаточности улик, усиливает позицию обвинения в судебном процессе и исключает вынесение оправдательного приговора.

Ориентир на повышение роли и значения законности продиктован, среди прочего, и необходимостью учета прецедентной практики Европейского суда по правам человека по данной категории дел. [11, с. 48-59]

Еще одной «претензией» к использованию провокации как метода оперативной работы, помимо его формального запрета, является вред причиняемый государству и общественным отношениями вследствие провокации. Это мнение обоснованно не разделяет В.Н. Борков. На взгляд исследователя: «...реальный вред нормальному функционированию государства, при провокации получения или дачи взятки причи-

нить сложно». [12, с. 115]

Теоретические разногласия относительно природы и сущности провокации в юридической науке, возможности, и даже, в некоторых случаях, допустимости ее использования, не могут изменить догмы права, положения о запрете провокации, зафиксированного законом.

Гипотетически, возможный путь полного искоренения провокации, ее отдельных элементов из арсенала оперативных сотрудников, является запрет на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, содержание которых потенциально предполагает использование провокации: «проверочная закупка», «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент». Научный взгляд и просто здравый смысл, позволяют сделать вывод, что реализация на практике подобного положения, приведет к непредсказуемым последствиям, нанесет существенный вред общественным интересам.

Критически оценивая возможность трансформации провокации в некую сложившуюся систему, считая провокацию, скорее исключением, юридической девиацией, одновременно не следует недооценивать возможность использования этого метода в оперативно-розыскной деятельности.

Умеренный вариант снижения значения и роли провокации, видится в постепенном изменении подхода к оценке доказательств совершения преступлений. Результаты ОРМ «оперативный эксперимент» должны рассматриваться и приниматься в комплексе и взаимосвязи с иными доказательствами противоправной деятельности должностных лиц.

Исследование предметов и документов может, как предварять «оперативный эксперимент», так и проводиться после его проведения. Результаты, полученные в ходе изучения документов, позволяют расширить доказательственную базу, усиливают позицию обвинения в судебном процессе. Как правило, объект ОРМ, не может не оставить «следов», в виде подписанных документов, разрешений, актов и т.д.

Рассмотрение провокации в контексте ОРМ «оперативный эксперимент» позволяет сделать и некоторые выводы, применительно к другим формам ОРМ, с потенциальными высокими рисками провокации.

Провокацию, как незаконный метод, следует рассматривать предметно, исходя из содержания конкретного ОРМ. Характер действий, совершаемых участниками ОРМ, которые можно оценить, как провокацию, различен в процессе реализации того или иного ОРМ.

Модель, алгоритм активных действий или относительного бездействия, которые можно квалифицировать как провокация, в процессе реализации ОРМ «проверочная закупка», «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент» существенно различаются.

Проблема провокации характеризуется широкой палитрой взглядов ученых и практиков. С одной стороны, исследователи соглашались в незаконности провокации как метода получения доказательств, с другой, оставляют за провокацией «право» на существование, признавая в качестве метода выявления и пресечения общественно опасных деяний, защиты интересов государства и общества. Расхождения возникают

при оценке законности конкретных действий, границ дозволенного, рамок служебных полномочий сотрудников, прав и законных интересов объектов проведения ОРМ «оперативный эксперимент».

Рассмотренные критерии и основания правомерности отдельных этапов (начала и непосредственно процесса проведения ОРМ) «оперативный эксперимент» позволят снизить риски использования провокации как незаконного метода получения доказательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев Д.А., Задорожнюк И.Е. Провокация: неопределенность понятия и неустранимость феномена // *Человек*. 2016. № 3. С. 20-35.
2. Румянцев Н.В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие // *Человек: преступление и наказание*. 2018. № 1. (26). С. 39-42.
3. Демчук С. Д. И вновь о провокации преступления // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015. № (32). С. 103-110.
4. Галушко В.А., Малахов А.С. Провокация при проведении оперативного эксперимента // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2016. № 3 (62). С. 33-34.
5. Галушко В.А., Малахов А.С. Провокация при проведении оперативного эксперимента // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2016. № 3 (62). С. 32.
6. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015. № (32). С. 108.
7. Савинский А.В. О соотношении оперативного эксперимента, провокации и обстоятельств, исключающих преступность деяния // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2018. № 3 (21). С. 23-38.
8. Борков В.Н. Жертва оперативной провокации или преступник // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 2 (86). С. 114.
9. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015. № (32). С. 109.
10. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015. № (32). С. 108.
11. Кольцов Д.В. Требования прецедентной практики Европейского суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 3 (51). С. 48-59.
12. Борков В.Н. Жертва оперативной провокации или преступник // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 2 (86). С. 115.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vasiliev D.A., Zadorozhnyuk I.E. Provocation: the uncertainty of the concept and the inevitability of the phenomenon // *Human*. 2016. No. 3. p. 20-35.
2. Rumyantsev N.V. Operational experiment as an operational-search measure // *Human: crime and punishment*. 2018. No. 1. (26). p. 39-42.
3. Demchuk S.D. And again about the provocation of the crime // *Legal science and law enforcement practice*. 2015. No. (32). S. 103-110.
4. Galushko V.A., Malakhov A.S. Provocation during an operative experiment // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 3 (62). S. 33-34.

5. Galushko V.A., Malakhov A.S. Provocation during an operative experiment // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3 (62). P. 32.
6. Demchuk S.D. And again about the provocation of the crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. No. (32). P. 108.
7. Savinsky A.V. On the correlation of an operational experiment, provocation and circumstances excluding the crime of an act // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2018. No. 3 (21). p. 23-38.
8. Borkov V.N. A victim of an operational provocation or a criminal // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (86). P. 114.
9. Demchuk S.D. And again about the provocation of the crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. No. (32). P. 109.
10. Demchuk S.D. And again about the provocation of the crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. No. (32). P. 108.
11. Koltsov D.V. The requirements of the case law of the European Court of Human Rights to the conduct of operational-search measures "test purchase" and "operational experiment" // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (51). p. 48-59.
12. Borkov V.N. A victim of an operational provocation or a criminal // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (86). P. 115.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-210-218

**Щербаченко Александр
Константинович**

доцент кафедры криминалистики и опе-
ративно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: rui@mvd.ru

**Scherbachenko Alexander
Konstantinovich**

Associate Professor of the Criminalistics
and Operational-Investigative Activities
Department, Rostov Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation
Candidate of Law
E-mail: rui@mvd.ru

**УСТОЙЧИВОСТЬ МЕХАНИЗМА МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЁННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ**

Введение: устойчивость механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, как закономерное явление объективной действительности, при росте и качественных изменениях таких преступлений выступают актуальной научной проблемой для науки криминалистики и практики.

Объект статьи — преступная деятельность, направленная на совершение мошенничеств.

Предмет — устойчивость как закономерность механизма мошенничеств, совершённых группой лиц.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение мошенничеств, совершённых группой лиц, данные официальной статистики за последние пять лет, результаты анализа уголовных дел о мошенничествах, совершённых группой лиц.

Методами познания мошенничеств, совершённых группой лиц, в рамках настоящей статьи выступили деятельностный и ситуационный подходы.

Результаты исследования: раскрыта сущность и содержание устойчивости механизма мошенничеств, совершённых группой лиц.

Выводы и заключения: рассмотрены вопросы устойчивости механизма мошенничества, совершённого группой лиц, как свойства повторяться, применительно к: элементам механизма преступления; способам мошенничеств и связанных с ними преступлений; формированию и функционированию группы. Изучение свойства устойчивости механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, позволяет наиболее полно рас-

крыть содержание формируемой базовой методики их раскрытия и расследования, а также повысить качество правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, повторяемость, преступная группа, способ преступления, фальсификация, базовая методика, эффективность.

SUSTAINABILITY OF THE FRAUD MECHANISM COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS

Introduction: At the same time, as our research shows, in the case of an attempt to commit digital fraud, only every 150 people turn to the bank's security service or law enforcement agencies. The stability of the mechanism of fraud committed by a group of persons, as a natural phenomenon of objective reality, with the growth and qualitative changes of such crimes, is an urgent scientific problem for the science of criminology and practice.

The object of the article is criminal activity aimed at committing fraud.

The subject is sustainability as a regularity of the mechanism of fraud committed by a group of persons.

Materials and Methods: the legal framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, criminal procedure legislation regulating the solution, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons, official statistics for the last five years, the results of the analysis of criminal cases of fraud committed by a group of persons.

Within the framework of this article, the activity and situational approach has become the method of cognition of frauds committed by a group of persons.

Results of the Study: the essence and content of the stability of the mechanism of fraud committed by a group of persons are revealed.

Findings and Conclusions: The issues of the stability of the mechanism of fraud committed by a group of persons, as a property of repetition, are considered in relation to: the elements of the mechanism of crime; the methods of fraud and related crimes; the formation and functioning of the group. The study of the stability of the mechanism of fraud committed by a group of persons allows us to fully disclose the content of the formed basic methodology for their solution and investigation, as well as to improve the quality of law enforcement activities.

Keywords: criminalistics, repeatability, criminal group, method of crime, falsification, basic methodology, efficiency.

Данные официальной статистики за 2020 год свидетельствуют о том, что в России следующим по распространенности видов преступлений после кражи выступают мошенничества (15,6 % или 158 тыс. 59 случаев). Остаются нераскрытыми более 190 тыс. мошенничеств. 2/3 мошенничеств совершается с использованием

информационно-телекоммуникационной сети Интернет, мобильных средств связи, компьютерной техники или других информационно-телекоммуникационных технологий (90 тыс. 3 случая). При этом, как показывает проведенное нами исследование, в случае попытки совершения цифрового мошенничества в службу безопасности банка или правоохранительные органы обращается только каждый 150-й человек.

Проведенное исследование показало, что одной из причин такого неудовлетворительного состояния является устойчивость механизма мошенничества, совершённого группой лиц.

Формирование частной базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершённых группой лиц, направлено на решение цели и соответствующих задач с учетом определенных принципов.

Целью формирования данной частной базовой методики является повышение эффективности применения норм права при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых группой.

Базовая криминалистическая характеристика — это система взаимосвязанных и соподчинённых элементов, обобщенно отражающих механизм и способы мошенничеств, совершённых группой лиц, и противодействия его расследованию.

Способ изучаемых нами преступлений выступает обязательным элементом как механизма преступления, так и базовой криминалистической характеристики преступления.

Под способом мошенничества, совершённого группой лиц, мы понимаем систему действий по подготовке, совершению и сокрытию (в ряде случаев посткриминальному противодействию) хищений путем обмана или злоупотребления доверием, причинно обусловленных факторами объективного и субъективного свойства с использованием технологий, технических средств и иных орудий и средств совершения.

Особенности криминалистического обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования преступлений достаточно проработаны ведущими учеными-криминалистами, основополагающие идеи и выводы которых легли в основу проводимого диссертационного исследования [7; 8; 9; 11].

В криминалистике свойство «устойчивость» исследовалось применительно к способу преступления (Г. Г. Зуйков, А. Н. Колесниченко, И. М. Лузгин, В. П. Лавров, В. В. Чурпита и ряд других). Вместе с тем считаем возможным, поскольку способ преступления и его стадии являются основой содержания всего механизма преступления, рассматривать свойство устойчивости применительно к механизму преступления.

Преступная мошенническая деятельность групп проявляется как:

1) отдельные самостоятельные виды: наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) группы составов хищений путем мошенничества (п.п. 2, 4. ст. 159 УК РФ «Мошенничество»; п.п. 2, 4. ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования»; п.п. 2, 4. ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»; п.п. 2, 4. ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»; п.п. 2, 4. ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования»; п.п. 2, 4. ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»);

2) совокупность мошенничеств (сочетание отдельных видов мошенничества, см. п. 1);

3) часть преступной деятельности, осуществляемой преступными формированиями на территории Российской Федерации;

4) элемент транснациональной преступной деятельности.

Указанный вывод подтверждается еще и тем, что исследуемые нами преступления носят групповой характер и в большинстве случаев совершаются в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Наиболее характерно количество участников групп, совершающих мошенничества, выглядит следующим образом: для группы по предварительному сговору — 3—5 человек (86,53 % случаев изученных дел); для организованной группы — 4—11 человек (77,41 % случаев изученных дел). По количеству участников групп, совершающих мошенничества, можно типизировать: малые (3—5 человек), средние (4—11 человек) и крупные (9—15 человек). Среднее количество участников в изученных группах составило 5,07 человек. Изучение временных характеристик существования группы обнаружило следующие статистические данные: для группы по предварительному сговору — в среднем от недели до трех месяцев; для организованной группы — от пяти до девяти месяцев [13].

По возрастному критерию выделяются три группы мошенников:

— молодежные группы (т. е. состав которых относится к возрасту 18—28 лет);

— возрастные группы (состав которых состоит из возраста 40 лет и старше);

— комбинированные группы:

а) молодежные группы с лидерами значительно старше рядовых участников группового мошенничества;

б) группы с лидерами до 30 лет и смешанным составом участников группового мошенничества;

в) иное [12].

Степень организации преступной группы, совершающей мошенничества, прямо пропорционально влияет на размер материального ущерба и сочетание видов мошенничеств и других видов преступной деятельности.

Чем выше степень организации преступной группы, совершающей мошенничества, тем больше материальный ущерб и сочетание видов мошенничеств и других видов преступной деятельности. Выявить механизм мошенничества, совершённого группой лиц, — означает установление всех его элементов, взаимосвязей, включающих не только преступную деятельность, но и противодействие расследованию. В отличие от отдельно взятого вида механизма мошенничества, механизм мошенничества, совершённого группой лиц, позволяет познать закономерности более общего порядка существования группы в криминальный и иные периоды. Состав участников группы, совершающей мошенничество, усложняется по мере изменения организованности группы. Группы мошенников формируются с учетом имеющегося опыта, включая опыт преступной деятельности. Группы, совершающие мошенничество, достаточно часто используют коррумпированные связи. Устойчивость механизма мошенничества, совершённого группой лиц, выражается в повторяемости:

— элементов механизма преступления;

- способов мошенничеств и связанных с ними преступлений;
- особенностей формирования и функционирования группы.

Устойчивость механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, нами применяется ко всем ситуациям до, в момент или после их совершения в целом (а в ряде случаев и при осуществлении оперативно-розыскной, криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности), так и на отдельных стадиях с учетом специфики их ситуативного развития.

Считаем, что типичные особенности устойчивости механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, способствуют быстрому и полному их расследованию и раскрытию.

Нами отмечалось, что в механизме мошенничества, совершённого группой лиц, следует выделить три фазы: начальная, основная, заключительная [14].

Начальная фаза механизма мошенничества, совершённого группой лиц: формирование группы и распределение ролей участников мошенничества; технологическая подготовка участников мошенничества; создание блоков защиты от уголовного преследования или программ поведения на случай возникновения уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности; совершение преступлений, входящих в подготовку мошенничества; выбор сферы и объектов мошенничества; изучение жертвы и её финансового поведения и состояния; определение способов и средств сокрытия мошенничества, совершённого группой лиц; выбор благоприятных мест и времени для совершения мошенничества; создание и поддержание необходимых коррумпированных связей; разработка планов сбыта или легализации похищенного путем мошенничества.

Основная фаза механизма мошенничества, совершённого группой лиц: строгое распределение ролей при подготовке, совершении и сокрытии мошенничества; создание условий для совершения хищения путем мошенничества; уточнение и изменение заранее запланированных действий, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием мошенничества; действия, связанные с завладением похищенного путем мошенничества; маскировка мошенничества под законную или незапрещенную деятельность; приготовление и реализация способов мошенничеств, совершённых группой лиц (коммуникативные способы, способы подлога, способы, связанные с инсценировкой события, комбинированные способы); распределение участников группы, подготавливающих мошенничество.

Заключительная фаза механизма мошенничества, совершённого группой лиц, связана с периодом от момента совершения мошенничества и до начала его раскрытия и расследования и включает действия по: наблюдению за посткриминальным поведением жертвы или работника учреждения (организации), которым причинен вред от мошенничества; противодействию раскрытию и расследованию мошенничества, совершённого группой лиц, в том числе и достаточно самостоятельные способы сокрытия; лжеявке с повинной заранее подготовленного группой для предварительного расследования «субъекта преступления»; легализации или сбыту похищенного при мошенничестве; приобретению новых высокотехнологических средств для совершения последующих мошенничеств [6], совершённых группой лиц; поддержанию условий неочевидности мошенничества, совершённого группой лиц; дискредитации жертвы и потерпевших или возможных доказательств о мошенничестве, совершённом группой лиц.

Проведенное исследование показало, что величина устойчивости (когда вероятность существования приближается к 100 %) по исследуемой категории дел зависит от:

- количественно-качественных показателей способов мошенничеств и их посткриминального противодействия;
- количество эпизодов (в практике встречаются случаи мошенничеств, совершённых группой лиц, по 300 и более эпизодам);
- характеристики преступных групп мошенников;
- средств совершения преступления;
- объема похищенного;
- свойств личности участников;
- и ряда других.

Например, анализ уголовных дел показал, что в 83 % случаев профессиональный опыт применяется мошенниками при выборе способа группового хищения путем обмана или злоупотребления доверием. Отметим, что после 2—3 месяцев при функционировании группы по совершению мошенничеств некоторые стадии преступления могут претерпевать существенные изменения. Это обусловлено появлением доходов и сверхдоходов от мошенничеств, стремление участников в получении большего количества незаконно полученных средств, появлением в группе так называемых блоков защиты и противодействия.

Для исследуемой категории уголовных дел можно выделить два типичных сочетания:

1) полноструктурный способ мошенничества без применения высоких технологий (27,8 %);

2) высокотехнологичный способ мошенничества, состоящий из подготовки и совершения хищения путем обмана или злоупотребления доверием (69,1 %).

В практике существуют иные сочетания, однако они, в силу их малозначительности, нами не рассматривались (3,1 %).

Величина устойчивости механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, выразилась в следующих показателях:

1. Период подготовки к мошенничеству, совершённого группой лиц:

- технологическая подготовка участников мошенничества (81 %);
- распределение ролей участников группы мошенничества (100 %);
- выбор сферы мошенничества (97 %);
- определение способов мошенничества (100 %);
- подбор жертв мошенничества (94 %);
- создание блоков защиты от уголовного преследования (61 %);

— разработка планов сбыта или легализации денежных средств, полученных преступным путем (75 %);

2. Период совершения мошенничества группой лиц:

— маскировка мошенничества под законную или незапрещенную деятельность (71 %);

— получение денежных средств и мгновенный их перевод на серые платежные системы (35 %);

— использование информационно-телекоммуникационных технологий, не позволяющих идентифицировать участников группы (37 %);

— использование при обмане и злоупотреблении доверием заученных скриншотов, аналогичных банковским или иным (37 %);

3. После совершения мошенничества, совершённого группой лиц:

— посткриминальное наблюдение за жертвой (7 %);

— уничтожение или смена телефонов, сим-карт и т. д. (45 %);

— легализация денежных средств, полученных преступным путем (34 %);

— выезд в другой регион или страну (12 %);

— обновление и покупка новых средств совершения мошенничества (27 %).

Анализируя вышеназванные этапы, следует отметить, что наиболее устойчивы первый и второй этап механизма мошенничества, а третий обладает ситуационной природой и зависит от очевидности и размера ущерба, причиненного данным преступлением.

Посткриминальная деятельность по делам о мошенничестве, так же, как и по другим видам преступной деятельности, как отмечает А. С. Андреев, неизбежно наступает и зависит от роли участника группы, его характеристики и посткриминальных ситуаций [1], [2], [3], [4], [5].

При совершении мошенничеств, совершённых группой лиц, количество приемов противодействия увеличивается, а содержание связано с уничтожением следов, маскировкой преступной деятельности или воздействием.

Величина устойчивости механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, зависит от количества и свойств личности участников. Таким образом, устойчивость механизма мошенничеств, совершённых группой лиц, и его элементов в различные этапы неодинакова, и только комплексный анализ позволит сформировать базовую методику их раскрытия и расследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреев А. С. Детерминизм и криминалистическое познание посткриминальной деятельности лиц, совершивших преступление либо связанных с его событием // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2019. — № 3. — С. 73—78.

2. Андреев А. С. Использование статистических методов в управлении посткриминальной деятельностью и поведением лиц: анализ, результаты криминалистических исследований, прогноз. Статистика — язык цифровой цивилизации: сб. докл. II Открытого российского статистического конгресса (г. Азов). — 2018. — С. 336—343.

3. Андреев А. С. Особенности тактики проверки отдельных приемов позитивной посткриминальной деятельности на первоначальном этапе расследования тяжких и особо тяжких преступлений // Философия права. — 2020. — № 2 (93). — С. 109—115.

4. Андреев А. С. Посткриминальная деятельность как критерий криминалистической классификации следственных действий // Сборник мат-в междунар. науч.-практ. конф. (Ростовский юридический институт МВД России). — Ростов н/Д., 2020. — С. 35—42.

5. Андреев А. С. Ситуации посткриминального периода и их классификация // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 12-2. — С. 209—215.

6. Варданян А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 6. — С. 785—794.
7. Варданян А. В., Варданян Г. А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 3—7.
8. Варданян А. В. О современных тенденциях развития криминалистических методик // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики Сборник мат-в междунар. науч.-практ. конф. (Ростовский юридический институт МВД России). — Ростов н/Д., 2020. — С. 8—14.
9. Варданян А. В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 1 (96). — 2021. — С. 137—138.
10. Варданян А. В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — № 1 (17). — 2021. — С. 44—49.
11. Субботина М. В. Концепция формирования базовых методик расследования преступлений: моногр. — Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2007. — С. 53—56.
12. Щербаченко А. К. Группа, совершающая мошенничество, как элемент базовой криминалистической характеристики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 1 (96). — 2021. — С. 214—221.
13. Щербаченко А. К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 222—229.
14. Щербаченко А. К. Механизм мошенничества, совершенного группой лиц // Общество и право. — 2020. — № 1 (71). — С. 65—70.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andreev A. S. Determinism and criminalistic cognition of the post-criminal activity of persons who have committed a crime or are associated with the event // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2019. No. 3. p. 73-78.
2. Andreev A. S. The use of statistical methods in the management of post-criminal activity and behavior of persons: analysis, results of forensic research, forecast. Statistics is the language of digital civilization. Collection of reports of the II Open Russian Statistical Congress. 2018. Azov. p. 336-343.
3. Andreev A. S. Features of the tactics of checking individual techniques of positive post-criminal activity at the initial stage of the investigation of serious and particularly serious crimes. 2020. No. 2 (93). pp. 109-115.
4. Andreev A. S. Post-criminal activity as a criterion of criminalistic classification of investigative actions. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2020. pp. 35-42.
5. Andreev A. S. Post-criminal situations and their classification. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 12-2. pp. 209-215.
6. Vardanyan A.V., Andreev A. S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russia Criminological Journal. 2018. No. 6. pp. 785-794.

7. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private criminalistic methods. Economic and legal sciences. 2021. No. 1. pp. 3-7.

8. Vardanyan A.V. On modern trends in the development of forensic techniques. Criminalistics: topical issues of theory and practice. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2020. p. 8-14.

9. Vardanyan A.V. Counteraction to the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. pp. 137-138.

10. Vardanyan A.V. Development of knowledge systems about criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. No. 1. pp. 44-49.

11. Subbotina M. V. The concept of forming basic methods of investigating crimes: monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. P. 53-56.

12. Shcherbachenko A. K. The group committing fraud as an element of the basic criminalistic characteristics // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. pp. 214-221.

13. Shcherbachenko A. K. Criminalistic classification of fraud committed by a group of persons as the basis for the formation of the basic methodology for their disclosure and investigation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (90). pp. 222-229.

14. Shcherbachenko A. K. The mechanism of fraud committed by a group of persons. 2020. No. 1 (71). pp. 65-70.

К 75-летию профессора Россинского Бориса Вульфовича

14 мая 2021 года отметил свой 75-летний юбилей профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Россинский Борис Вульфович.

Борис Россинский – признанный специалист в области административного права и процесса. Автор, соавтор, редактор более 500 научных и учебно-методических работ. Под его руководством защищено 28 кандидатских диссертаций и при его консультировании 7 докторских диссертаций.

Коллектив Восточно-Сибирского института МВД России желает Борису Вульфовичу новых достижений и научных открытий, дальнейших успехов в деле воспитания достойной смены молодых учёных, новых творческих успехов.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-220-225

Грибунов Олег Павлович

проректор по научной работе
Байкальского государственного
университета
доктор юридических наук, профессор
E-mail: gribunov@mail.ru

Gribunov Oleg Pavlovich

Vice-Rector for Science,
Baikal State University
Doctor of Law, Professor
Email: gribunov@mail.ru

Добров Алексей Николаевич

начальник кафедры административ-
ного права и административной
деятельности ОВД Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: dobson@bk.ru

Dobrov Aleksey Nikolaevich

Head of the Department of Administrative Law
and Administrative Activity of
the Internal Affairs bodies, the East Siberian
Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: dobson@bk.ru

Баранова Светлана Анатольевна

старший преподаватель кафедры
административного права и
административной деятельности ОВД
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Baranova Svetlana Anatolievna

Senior lecturer of the Department of Adminis-
trative Law and Administrative
Activity of the Internal Affairs bodies, the East
Siberian Institute of the Ministry of Internal Af-
fairs of Russia
Candidate of Law
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

**О ВКЛАДЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО
РОССИНСКОГО БОРИСА ВУЛЬФОВИЧА
В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВУЮ НАУКУ**

Введение: статья подготовлена к 75-летию профессора Бориса Вульфовича Рос-
синского. В статье анализируются основные труды ученого, его вклад в развитие отече-
ственного административного права и процесса, а также приводятся значимые факты
биографии профессора.

Материалы и методы: основу статьи образуют данные биографии профессора
Бориса Вульфовича Россинского, его основные научные труды, воспоминания учеников
и последователей.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод
научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции,
индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования наглядно демонстрируют неопределимый вклад выдаю-
щегося ученого в развитие отечественного административного права, в частности,
в совершенствование системы государственного управления деятельностью
по обеспечению безопасности дорожного движения.

Выводы и заключения: Борис Вульфович Россинский — один из ведущих ученых в области российского административного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Ключевые слова: Борис Вульфович Россинский, ученый-административист, наука, научная школа, административное право.

THE CONTRIBUTION OF OUTSTANDING SCIENTIST ROSSINSKIY BORIS VULFOVICH IN THE RUSSIAN ADMINISTRATIVE SCIENCE

Introduction: The article was prepared for the 75th anniversary of Professor Boris Vulfovich Rossinskiy. The article analyzes the main proceedings of the scientist, his contribution to the development of domestic administrative law and litigation, and also provides significant facts from the biography of the professor.

Materials and Methods: The basis of the article is formed by the data of the biography of Professor Boris Vulfovich Rossinskiy, his main scientific proceedings, the memoirs of his students and followers.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the Study: made it possible to show the invaluable contribution of the scientist to the development of domestic administrative law, in particular, in improving the system of state management of road safety activities.

Findings and Conclusions: Boris Vulfovich Rossinskiy is one of the leading scientists in the field of Russian administrative law, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Keywords: Boris Vulfovich Rossinskiy, administrative scientist, science, scientific school, administrative law.

14 мая 2021 г. Борису Вульфовичу Россинскому, Заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору, выдающемуся ученому и специалисту в области отечественного административного права, исполнилось 75 лет.

Большая часть жизни юбиляра связана со служением Родине и юридической науке. За плечами Бориса Вульфовича учеба в Московском авиационном институте и Академии МВД СССР, более 25 лет службы в органах внутренних дел, где им был пройден путь от младшего научного сотрудника до начальника отдела Всесоюзного научно-исследовательского института безопасности дорожного движения МВД СССР,

заместителя начальника Научно-исследовательского центра проблем безопасности дорожного движения МВД России.

Все эти годы Борис Вульфович активно и плодотворно занимался научно-исследовательской деятельностью. В частности, он сформулировал общие принципы управления процессом дорожного движения, которые составили основу для его кандидатской диссертации, посвященной организационным и правовым основам применения в области безопасности дорожного движения автоматизированных систем. Выступив в 1979 г. с идеей разработки нормативно-правового обеспечения применения технических средств в деятельности Государственной автомобильной инспекции, Борис Вульфович высказывал также необходимость опережающего создания законодательной базы, регламентирующей использование приборов автоматической регистрации нарушений правил дорожного движения. Такие инициативы вызвали поддержку, и ученый фактически сформировал новое юридическое направление. Размышляя над проблемами аварийности на дорогах, анализируя недостатки в организации дорожного движения и проблемы в функционировании Государственной автомобильной инспекции, Борис Вульфович пришел к выводу о том, что основной причиной проблем в данной сфере является несоответствие тенденциям времени системы государственного управления безопасностью дорожного движения. Фундаментальные идеи, концепции и размышления ученого легли в основу его докторской диссертации на тему: «Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения (тенденции, проблемы и перспективы развития)», которая была успешно защищена в 1993 г.

Основные труды ученого в данной области [7, 12] востребованы и в настоящее время, продолжают развиваться в исследованиях последователей Б. В. Россинского. Значимую роль трудов Бориса Вульфовича точно определил доктор юридических наук, профессор Владимир Иванович Майоров, написав в одной из своих публикаций, посвященной вкладу юбиляра в науку и практику обеспечения безопасности дорожного движения, «из научных трудов — в практические результаты». Использование разработанных в трудах ученого и его коллег программно-целевых методов управления позволило значительно улучшить ситуацию с дорожно-транспортной аварийностью в стране. В ходе реализации целевой программы основной акцент делается на таких важных направлениях работы, как предупреждение опасного поведения участников дорожного движения, профилактика детского дорожно-транспортного травматизма, развитие системы оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях, совершенствование условий движения транспортных средств и безопасности пешеходов. Это всё то, что в своих трудах предлагал и аргументированно доказывал профессор Б. В. Россинский [2, с. 53].

Борис Вульфович, занимаясь исследованием широкого круга проблем в области обеспечения безопасности дорожного движения, разработал также вопросы реализации методов административного принуждения, производства по делам об административных правонарушениях, формирования концепции института административной ответственности юридических лиц. В последние годы особое внимание ученый уделяет исследованиям, направленным на осуществление в нашей стране административной реформы [5, 11]; поиску оптимальных вариантов построения системы федеральных органов исполнительной власти [10]; теоретическому осмыслению административно-правовых аспектов

системного подхода к государственному управлению [4, 6, 9]; проблемным аспектам административной ответственности [3, 8].

В период службы в органах внутренних дел и после выхода в отставку Борис Вульфович ведет активную педагогическую деятельность. В разные годы преподавал административное право, теорию управления, транспортное право в Академии управления МВД России, Московском автомобильно-дорожном институте (техническом университете), Юридическом институте МВД России; заведовал кафедрой административного и финансового права Московского института экономики, политики и права; работал профессором Государственного университета — Высшей школы экономики, будучи одновременно заместителем декана факультета права ВШЭ по научной работе; читал лекции в Российском государственном гуманитарном университете, в других вузах. С 2005 г. Борис Вульфович заведовал кафедрой административного права, а с 2009 г. заведовал кафедрой административного и финансового права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, являлся проректором РПА по учебной работе, и ректором Всероссийского университета юстиции (РПА Минюста России). С 2018 г. по основному месту работы занимает должность профессора кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Среди многочисленных государственных должностей и общественных постов, которые занимал и продолжает занимать Борис Вульфович, особо следует отметить, что он, в течение двух сроков (2007—2015 гг.), являлся членом Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Более того, юбиляр входит в состав Научно-консультативного совета при Верховном суде Российской Федерации, в экспертный совет по праву ВАК при Минобрнауки России. Профессор работает в редакционных советах нескольких юридических научных изданий, в том числе журнала «Административное право и процесс», будучи заместителем главного редактора.

Борис Вульфович является автором, соавтором, редактором более 500 научных и учебно-методических работ в области административного права и процесса: монографий, учебников, курсов лекций, пособий, практикумов, комментариев к законодательству, многочисленных статей. Среди его трудов следует назвать такие монографии, как «Организационно-управленческие проблемы функционирования государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения», «Формирование и развитие государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения», «История ГАИ» (в соавторстве), «Золотая книга Госавтоинспекции 1936—2006. История службы в трех томах (в соавторстве)», «Административно-правовые аспекты государственного управления в России», «Проблемы государственного управления с позиции теории систем». Более того, Борис Вульфович является автором множества комментариев к законодательству, в том числе к федеральному закону «О безопасности дорожного движения», федеральному закону «Об исполнительном производстве», к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, а также к Правилам дорожного движения Российской Федерации.

Студенты и аспиранты юридических вузов с интересом читают учебники по административному праву и изданные курсы лекций профессора.

Ученый постоянно выступает на различных научных форумах, конференциях, принимает участие в работе круглых столов. Борис Вульфович возглавлял и входил в ряд

диссертационных советов. В настоящее время он член диссертационного совета при Университете имени О. Е. Кутафина, диссертационного совета при Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России), диссертационного совета при Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского, диссертационного совета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Неоценим вклад юбиляра в подготовку квалифицированных научных кадров: несколько поколений учеников и последователей, защитивших под его руководством большое количество кандидатских и докторских диссертаций, искренне благодарны Борису Вульфовичу за вклад в их становление как научных сотрудников, так и личности. Одна из учениц профессора, доктор юридических наук Виктория Петровна Уманская отмечает, что «для нас, его учеников и сослуживцев, Б. В. Россинский не только талантливый ученый, но и Учитель по жизни, играющий огромную роль не только в научном совершенствовании, но и в принятии порой судьбоносных решений [13, с. 49]». Еще одна ученица профессора — доктор юридических наук Кардашова Ирина Борисовна — подчёркивает, что «Б. В. Россинский является подлинным Ученым и Учителем, предоставившим плоды личного научного таланта для коллег и учеников, результаты которых они применяют и развивают в своих работах [1, с. 62]».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кардашова И. Б. О роли административно-правовых методов в обеспечении национальной безопасности // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 59—62.
2. Майоров В. И. О вкладе профессора Б. В. Россинского в науку и практику обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 50—54.
3. Россинский Б. В. Административная ответственность как метод государственного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 11. — С. 3—12.
4. Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. — М.: Норма, 2020. — 168 с.
5. Россинский Б. В. Государственное управление и административные реформы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 11. — С. 3—9.
6. Россинский Б. В. О соотношении широкого подхода к государственному управлению и принципа разделения властей // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 12. — С. 3—6.
7. Россинский Б. В. Организационно-управленческие проблемы функционирования государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения. — М.: НИЦ ГАИ МВД РФ, 1993. — 168 с.
8. Россинский Б. В. Проблемы административной ответственности при осуществлении государственного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 12. — С. 3—19.
9. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиции теории систем. — М.: Норма, 2021. — 264 с.
10. Россинский Б. В. Размышления о реформе системы федеральных органов исполнительной власти // Административное право и процесс. — 2019. — № 10. — С. 38—42.
11. Россинский Б. В. Реализация концепций административной реформы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 1 (41). — С. 31—38.
12. Россинский Б. В. Формирование и развитие государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения. — М.: НИЦ ГАИ МВД РФ, 1992. — 388 с.

13. Уманская В. П. Философия управления в административной науке и в жизни Бориса Вульфовича Россинского // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 44—49.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kardashova I.B. On the role of administrative law methods of providing national security // Administrative law and Procedure. 2016. No. 5. P. 59–62.
2. Mayorov V.I. On the contribution of Professor B.V. Rossinskiy to the traffic safety science and practice // Administrative law and Procedure. 2016. No. 5. P. 50–54.
3. Rossinskiy B.V. Administrative responsibility as a method of state governance // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 11. P. 3–12.
4. Rossinskiy B.V. Administrative and legal aspects of public administration in Russia. Moscow: Norma, 2020. 168 p.
5. Rossinskiy B.V. State administration and administrative reforms // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 11. P. 3–9.
6. Rossinskiy B.V. On the relationship of a broad approach to public administration and principle separation of authorities // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. No. 12. P. 3–6.
7. Rossinskiy B.V. Organizational and managerial problems of functioning of the state system of ensuring road safety. Moscow, 1993, 168 p.
8. Rossinskiy B.V. Problems of administrative responsibility in the effectuation of state management // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 12. P. 3–19.
9. Rossinskiy B.V. Problems of public administration from the standpoint of the theory of systems M.: Norma, 2021. 264 p.
10. Rossinskiy B.V. Reflections on the reform of the executive federal authority system // Administrative law and Procedure. 2019. No. 10. P. 38–42.
11. Rossinskiy B.V. Implementation of administrative reform concepts // Courier of the Kutafin Moscow state law university. 2018. No. 1 (41). P. 31–38.
12. Rossinskiy B.V. Formation and development of the state system for ensuring road safety. Moscow, 1992, 388 p.
13. Umanskaya V.P. Philosophy of management in the administrative science and in the life of Boris Vulfovich Rossinskiy // Administrative Law and Procedure. 2016. No. 5. P. 44–49.

УДК 342.95

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-226-234

Анисифорова Марьям Владимировна
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института МВД
России,
преподаватель кафедры административ-
ного права и процесса Московского госу-
дарственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
E-mail: marianisiforova@mail.ru

Anisiforova Maryam Vladimirovna
Leader Research Scientist of the Re-
search Center No. 4 of the National Re-
search Institute of the Ministry of the
Interior of the Russian Federation,
Lecturer at the Department of Adminis-
trative Law and Procedure, Moscow
State Law Academy named after O.E.
Kutafin,
Candidate of Law
E-mail: marianisiforova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Введение: статья посвящена изучению проблемных вопросов, связанных с организацией практической работы при документировании административных правонарушений в сфере незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, а также растений и частей растений, их содержащих, уполномоченных в рассматриваемой сфере деятельности сотрудников полиции.

Материалы и методы: материалами исследования послужили правовые акты, регламентирующие вопросы противодействия незаконному обороту прекурсоров наркотиков. При подготовке научной статьи преимущественно использовались формально-юридический и системно-структурный методы исследования.

Результаты исследования: обобщение опыта правоприменительной деятельности уполномоченных должностных лиц МВД России позволило выявить общие проблемы, возникающие при составлении соответствующих протоколов об административных правонарушениях, и представить перечень необходимых для составления обоснованного материала по такому административному делу процессуальных документов с указанием конкретных требований к их оформлению.

Выводы и заключения: обоснован вывод о необходимости обеспечения единообразного применения административного законодательства и полного, обоснованного документирования рассматриваемых правонарушений по статье 6.16.1 КоАП РФ.

Ключевые слова: прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ; растения, содержащие прекурсоры наркотиков; административная ответственность; документирование административных правонарушений; статья 6.16.1 КоАП РФ.

PECULIARITIES OF DOCUMENTING BY POLICE OFFICERS ADMINISTRATIVE OFFENSES ASSOCIATED WITH ILLEGAL TRAFFIC OF DRUG PRECURSORS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Introduction: the article is devoted to study of problematic issues related to the organization of practical work in documenting administrative offenses in the sphere of trafficking drug precursors and psychotropic substances, as well as plants and parts of plants containing them, authorized in this sphere of activity of police officers.

Materials and Methods: the materials of the study were legal acts regulating the issues of countering the illicit trafficking of drug precursors. When preparing a scientific article, formal legal and systemic and structural research methods were mainly used.

Results of the Study: generalization of the experience of law enforcement activities of authorized officials of the Ministry of Internal Affairs of Russia made it possible to identify common problems arising in the preparation of appropriate protocols on administrative offenses, and provide a list of procedural documents necessary for compiling substantiated material on such an administrative case, indicating specific requirements for their execution.

Findings and Conclusions: the conclusion is substantiated that it is necessary to ensure unitary application of administrative legislation and complete, substantiated documentation of the offenses under consideration under article 6.16.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: precursors of drugs and psychotropic substances, plants containing drug precursors, administrative responsibility, documentation of administrative offenses, article 6.16.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.

В связи с упразднением специализированного компетентного органа исполнительной власти по борьбе с несанкционированным оборотом наркотиков¹ и возобновлением работы соответствующих самостоятельных подразделений в системе органов внутренних дел главным субъектом деятельности по пресечению таких правонарушений в настоящее время является МВД России.

В качестве определяющих полномочий ведомства для целей настоящего исследования следует рассматривать его координационные функции, осуществляемые при организации исполнения законодательства об обороте наркотиков и их прекурсоров другими исполнительными органами системы публичной власти [5, подпункт 29 пункта 11]. По смыслу новой формулировки части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации в такую систему включены органы государственной власти (федеральные и региональные), а также муниципальной (органы местного самоуправления). Для целей

---

¹ Понятие «наркотики» используется в статье в качестве собирательной категории, включающей в себя наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства и психотропные вещества.

координации юрисдикционной деятельности образованы специальный орган — Государственный антинаркотический комитет, возглавляемый министром внутренних дел России, а в субъектах Российской Федерации — антинаркотические комиссии¹. При этом обеспечение вопросов координирования антинаркотической деятельности также возложено на одно из структурных подразделений центрального аппарата МВД России — Главное управление по контролю за оборотом наркотиков.

Наряду с реализацией ключевых, организационных полномочий для целей противодействия нелегальному обороту запрещенных на территории Российской Федерации средств и веществ сотрудники полиции имеют широкие юрисдикционные полномочия по выявлению и документированию соответствующих административных правонарушений. Для этих целей они в пределах своей компетенции получают, обрабатывают, анализируют и используют всю информацию о состоянии немедицинского потребления и незаконного оборота наркотиков в стране [3]. При этом, исходя из их функциональной компетенции, именно сотрудники МВД России составляют протоколы об административных правонарушениях в соответствии с частями 1 и 2 статьи 6.16.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Конкретный перечень уполномоченных в этой сфере лиц представлен в прил. 1 к приказу МВД России от 30 августа 2017 года № 685 (далее — приказ МВД России № 685).

Следует указать на то, что, помимо сотрудников полиции, полномочиями по составлению соответствующих протоколов обладают:

- должностные лица органов, выполняющих функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения (пункт 18 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ);
- должностные лица военной полиции Вооружённых сил России (пункт 109 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ).

Однако на подразделения органов внутренних дел (полиции), являющиеся основным субъектом обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации, приходится наибольшая нагрузка.

Ввиду незначительного практического опыта применения рассматриваемой статьи и маленького количества составленных в соответствии с ней протоколов (144 административных правонарушения соответствующей категории выявлено за период с 2015 по 2019 г.) является актуальным изучение проблемных вопросов, касающихся документирования таких правонарушений.

Под документированием предлагается понимать законную, целенаправленную деятельность уполномоченных должностных лиц по фиксации в установленном порядке информации об объективных и субъективных признаках, характеризующих действие

---

¹ О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (вместе с «Положением о Государственном антинаркотическом комитете», «Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации»): указ Президента Рос. Федерации от 18 окт. 2007 г. № 1374. [Электронный ресурс]: URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117406&rdk=11> (дата обращения 10.04.2021).

(бездействие) как административное правонарушение, на материальных объектах, обеспечивающих ей юридическую силу.

Реально возникающие сложности при документировании данной категории правонарушений в настоящее время не совсем очевидны, поскольку практика противодействия незаконному обороту прекурсоров (технических и биохимических [4, с. 52]) только формируется.

Для того, чтобы избежать возвращения материалов дел для устранения недостатков из судов, сотрудникам полиции при составлении протоколов об административных правонарушениях в соответствии со статьей 6.16.1 КоАП РФ рекомендуется исключить случаи:

- составления процессуальных документов неправомочными лицами;
- неполноты исследования события административного правонарушения (места, времени, способа и других обстоятельств его совершения);
- недостаточного изучения сведений о подозреваемом в совершении публичного проступка лице, возможных предпосылках повторного совершения им правонарушения (например, наличие диагноза «наркомания», отсутствие легальных источников дохода);
- допущения существенных, установленных в части 2 статьи 28.2 КоАП РФ, и, в том числе, несущественных недостатков процессуальных документов¹.

При производстве по подобным административным делам требуются особые правовые навыки по составлению протоколов изъятий, отбора образцов для проведения исследований, назначения экспертиз и т. д.

Собранный материал дела об административном правонарушении по статье 6.16.1 КоАП РФ, который впоследствии передаётся для рассмотрения по существу в суд, как правило, должен включать в себя:

1. Протокол об административном правонарушении с исчерпывающим описанием события такого правонарушения.

Данный документ фиксирует фактическую информацию, касающуюся совершения публичного проступка в соответствии со статьей 6.16.1 КоАП РФ. Он составляется должностным лицом органа внутренних дел, названном в приказе МВД России № 685.

Лицо, привлекаемое к административной ответственности, в момент составления протокола об административном правонарушении имеет право знать, каким образом квалифицировано совершённое им деяние.

Несоблюдение требований к содержанию протокола об административном правонарушении признаётся существенным недостатком протокола и является основанием для вынесения определения о возвращении такого протокола и иных материалов дела составившему его должностному лицу².

Обязательными сведениями, подлежащими занесению в протокол об административном правонарушении, являются:

- дата и места его составления;

---

¹ Иначе говоря, тех, что могут быть восполнены субъектов административно-юрисдикционной деятельности при рассмотрении дела об административном правонарушении по существу.

² См. часть 2 статьи 28.2 КоАП РФ.

должности, Ф. И. О. составившего его лица;
подозреваемое в совершении административного правонарушения лицо;
событие публичного проступка; и др.

2. Рапорт сотрудника полиции о выявлении факта совершения административного правонарушения. Рапорт должен содержать описание фактических обстоятельств, при которых были выявлены признаки административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.16.1 КоАП РФ.

3. Протокол о доставлении лица, в действиях которого усматриваются достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. Физическое лицо принудительно препровождается для составления протокола об административном правонарушении в служебное помещение органа внутренних дел, после чего оперативным дежурным незамедлительно выясняются основания доставления, устанавливается личность доставленного, а также регистрируется данный факт доставления.

По результатам доставления должен быть составлен протокол либо сделана запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Содержание лица в помещении для задержанных не может составлять более трёх часов с момента доставления. Подробный порядок разбирательства сотрудников полиции с такими лицами урегулирован в соответствии с приказом МВД России от 30 апреля 2012 года № 389¹.

4. Протокол об административном задержании лица по факту наличия в его действиях признаков события административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.16.1 КоАП РФ.

Обнаружение в действиях гражданина признаков состава административного правонарушения в соответствии со статьёй 6.16.1 КоАП РФ является исключительным случаем, при котором к нему может быть применено административное задержание.

Перечень уполномоченных на осуществление административного задержания должностных лиц приведён в приказе МВД России № 685.

При применении к лицу ограничивающих его права и свободу мер сотруднику полиции надлежит разъяснить причину и основания административного задержания, права и обязанности задержанного.

Поскольку в качестве одного из видов административных наказаний за совершение правонарушений в соответствии со статьёй 6.16.1 КоАП РФ предусмотрен административный арест, гражданин может быть задержан в административном порядке на срок до 48 часов.

Началом административного задержания считается момент фактического доставления правонарушителя в орган внутренних дел, а в случае, если лицо находится в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления.

В содержательной части протокола об административном задержании должны быть конкретно и полно отражены мотивы задержания.

---

¹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан [Электронный ресурс]: приказ М-ва внутр. дел России от 30 апр. 2012 г. № 389. Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Протокол изъятия¹.

Цель мероприятий в виде личного досмотра, досмотра транспортного средства и др. заключается в сборе доказательств по делу об административном правонарушении, обнаружении орудий совершения правонарушения либо предметов административного правонарушения, например, лицензий, разрешений, товаросопроводительных документов, производственного оборудования, медицинских шприцов, ампул, упаковок лекарственных препаратов и непосредственно самих использованных или готовящихся к использованию прекурсоров наркотиков.

Такие мероприятия, как правило, осуществляют должностные лица, уполномоченные на административное задержание и доставление, и на практике их проведение обычно сопутствует этим процессуальным мерам. Условием законности их проведения по общему правилу является участие в них понятых либо применение видеозаписи. Однако применительно к каждому из мероприятий имеются свои процессуальные особенности, установленные статьями 27.7—27.10 КоАП РФ.

Учитывая характерный для рассматриваемого вида административного правонарушения предмет противоправного посягательства, особое внимание при проведении подобных мероприятий следует уделять фиксации и изъятию следов такого правонарушения (которые могут находиться на пробирках, шприцах, весах, упаковочном материале), следов химических веществ на одежде и в карманах одежды. Среди предметов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по делу об административном правонарушении по статье 6.16.1 КоАП РФ, также рассматриваются различные блокноты, записные книжки, тетради, содержащие записи с описанием методик изготовления различных наркотиков, указанием количества и стоимости сбытых прекурсоров наркотиков, запросы по соответствующей тематике в сети Интернет и др. Отсюда следует, что в принципе любой документ, доказывающий обстоятельства совершенного административного правонарушения, может стать вещественным доказательством [5, с. 162], в т.ч. имеющей электронную правовую природу. Например, информация о готовящемся административном правонарушении в области незаконного оборота прекурсоров может иметь форму существования в виде файловой среды, однако при таком формате доказательство должно отвечать требованиям относимости, достоверности и допустимости [2, с. 17]

6. Справка об исследовании и заключение эксперта.

В целях установления принадлежности изъятого вещества к запрещённому в свободном обороте на территории Российской Федерации прекуратору наркотического средства или психотропного вещества, определения его природы, вида и количества (веса, объёма), концентрации, изъятое направляется на исследование и экспертизу в соответствующее экспертное учреждение.

---

¹ В данном случае речь идет о протоколе личного досмотра, протоколе досмотра вещей, находящихся при физическом лице, протоколе осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, протоколе досмотра транспортного средства, протоколе изъятия вещей и документов.

Учитывая, что правонарушитель может сам находиться в состоянии наркотического опьянения, подлежат исследованию образцы смывов и соскобов с ладоней, срезы ногтевых пластин для определения подногтевого содержимого.

7. Объяснение лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении.

Подозреваемое в совершении административного правонарушения лицо имеет право на дачу объяснений, т. е. оно вправе сообщить любые имеющиеся отношение к делу сведения как в устной, так и письменной формах.

При опросе лица важно установить:

у кого, где и при каких обстоятельствах приобретались прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ;

цель приобретения прекурсоров наркотиков, лиц, которым они передавались;

подробные данные о сбытчике (оптовом сбытчике) прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ;

по какой технологии, с использованием какого оборудования, каких приспособлений и кем изготавливались наркотические средства и психотропные вещества;

места нахождения помещений, территорий, используемых в качестве лабораторий для производства наркотиков;

данные об иных лицах, принявших участие в незаконном обороте прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ;

какие виды запрещенных средств и веществ употребляет, в каких количествах, как давно; и др.

Также выяснению подлежат имеющиеся у задержанного лица контакты лиц, которые могут быть причастны к незаконному обороту прекурсоров наркотиков (адреса электронной почты, группы, почтовые адреса, профили в социальных сетях), наличие переписки и её содержание, фотографии и видеофайлы, относящиеся к совершённому правонарушению, данные местоположения и маршруты движения, сайты в сети Интернет, которые посещал задержанный, содержащие информацию о способах изготовления наркотических средств и психотропных веществ.

Проведение подробного опроса подозреваемого в совершении правонарушения по статье 6.16.1 КоАП РФ лица позволит не только расширить и укрепить доказательственную базу по делу, но и получить сведения о возможных крупных очагах наркопреступности, и в ходе отработки полученной информации разыскать сбытчиков и приобретателей прекурсоров наркотиков, установить иные каналы их незаконного оборота.

8. Объяснения понятых, свидетелей.

Понятым является лицо, которое принимало участие при процедуре фиксирования факта совершения административного правонарушения и может подтвердить или опровергнуть её подлинность и законность.

В свою очередь, свидетелем признаётся лицо, обладающее значимой информацией о наличии или отсутствии юридических фактов, установление которых послужит основанием для привлечения к административной ответственности.

У понятых и свидетелей, правовой статус которых определён положениями КоАП РФ, при проведении опроса следует выяснить подробно все вопросы, касающиеся события совершённого административного правонарушения. И в данном случае с точки

зрения определения их процессуальной правосубъектности будут иметь значение возраст и здоровье лица (прежде всего, психическое). Понятые опрашиваются относительно формы их участия при проведении сотрудниками органов внутренних дел (полиции) мероприятий в отношении задержанного лица, порядка и хода их проведения, обстоятельств изъятия в ходе таких мероприятий веществ, предметов и документов, действий уполномоченных должностных лиц при этом и т. д. К ним предъявляются особые требования, касающиеся возраста и пола. Свидетели дают правдивые объяснения относительно всех известных им и значимых по конкретному делу фактических обстоятельств, а также могут представить подробную личностную характеристику задержанного лица.

Следует отметить, что граждане, привлекаемые в качестве понятых или свидетелей, не должны иметь юридического интереса, хотя у свидетелей может быть — фактический, связанный с наличием родственных, свойских связей и т. д.

9. Объяснения сотрудников полиции, принимавших участие в пресечении незаконной деятельности лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении.

Сотрудники органов внутренних дел (полиции), принимавшие участие в пресечении административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.16.1 КоАП РФ, также подробно опрашиваются обо всех обстоятельствах проведенных для целей выявления и пресечения административного правонарушения мероприятий.

10. Акт медицинского освидетельствования.

Учитывая особенности мотивации виновных в таких правонарушениях лиц, обязательным является проведение их медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического). Сама по себе данная мера административно-процессуального обеспечения имеет большое значение при реализации мер административного принуждения, и, тем более, её роль усиливается при условии совершения публичных проступков, сопряжённых со сферой незаконного оборота наркотиков.

В результате медицинского освидетельствования могут стать известны факты совершения иных административных правонарушений наркотической направленности. Однако предварять применение данной меры должно фактическое установление сотрудником органов внутренних дел (полиции) признаков нахождения гражданина в «опьяненном состоянии».

11. Сведения, характеризующие личность подозреваемого в совершении административного правонарушения по статье 6.16.1 КоАП РФ гражданина.

Пригодным дополнительным материалам по делам, возбуждённым в соответствии со статьёй 6.16.1 КоАП РФ, могут быть справки, содержащие информацию о постановке или снятии с учёта задержанного гражданина у врача-нарколога и врача-психиатра; характеристика с места жительства (работы); справка о наличии судимости, а также о привлечении такого лица к административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Составленные согласно требованиям законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях процессуальные документы, а также иные приобщённые к материалам административного дела доказательства должны быть согласованы друг с другом, оформлены надлежащим образом без нарушения закона уполномоченными должностными лицами системы МВД России при исполнении ими своих слу-

жебных обязанностей. Можно сказать, что все реализуемые сотрудниками полиции меры административного принуждения направлены на обеспечение законности поведения участников правоотношений [1, с. 64], складывающихся в связи с оборотом прекурсоров.

Именно сотрудникам органов внутренних дел (полиции), на которых приходится значительная юрисдикционная нагрузка, в том числе по пресечению рассматриваемой группы административных правонарушений, надлежит компетентно и оперативно осуществлять противодействие незаконному обороту прекурсоров наркотиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Административное принуждение: учебное пособие / отв. ред. Л.В. Стандзонь. – Москва : Проспект, 2021.
2. Анисифорова М.В., Машугина Е.В., Андреянов М.В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях: монография / М.В. Анисифорова, Е.В. Машугина, М.В. Андреянов; под науч. ред. А.П. Шергина. – Москва : ИНФРА-М, 2020.
3. Афанасьева О. Р. Комментарий к Федеральному закону от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный) / О. Р. Афанасьева, Э. Ю. Бадалянц, В. С. Болотин и др. [Электронный ресурс]. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Бегма К.С., Шапошникова Л.И., Аверина Ю.М. Прекурсоры в химической технологии. Регламентирования их использования и реализации УК РФ // Успехи в химии и химической технологии. ТОМ XXXI. 2017. № 15.
5. Калинина Л. А. Административная ответственность: учеб. пособ. — М.: Норма, 2009. — 495 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Administrative coercion: textbook / отв. ed. L.V. Standzon. - Moscow: Prospect, 2021.
2. Anisiforova M.V., Mashugina E.V., Andreyanov M.V. Theory and practice of using electronic evidence in proceedings on cases of administrative offenses: monograph / M.V. Anisiforova, E.V. Mashugina, M.V. Andreyanov; under scientific. ed. A.P. Shergin. - Moscow: INFRA-M, 2020.
3. Afanasyeva O. R. Commentary to the Federal Law of January 8, 1998 No. 3-FZ "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances" (itemized) / O. R. Afanasyeva, E. Yu. Badalyants, V. S. Bolotin and etc. [Electronic resource]. - Access from the consultant Plus legal system.
4. Begma KS, Shaposhnikova LI, Averina Yu.M. Precursors in chemical technology. Regulating their use and implementation of the Criminal Code of the Russian Federation // Advances in chemistry and chemical technology. VOL. XXXI. 2017. No. 15.
5. Kalinina LA Administrative responsibility: textbook. manual. - M .: Norma, 2009.– 495 p.

УДК 342.95

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-235-244

Власов Павел Евгеньевич

начальник 2 отдела научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: pv_strelec@mail.ru

Vlasov Pavel Evgenievich

Head of the 2nd Department of the research center No. 5 National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: pv_strelec@mail.ru

Машугина Евгения Викторовна

ведущий научный сотрудник 3 отдела научно-исследовательского центра № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: mashugina.prokudina@yandex.ru

Mashugina Evgenia Victorovna

Leading Research Scientist of the Research Center No. 4 of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Law
E-mail: mashugina.prokudina@yandex.ru

ДОПИНГ В СПОРТЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: на основе анализа законодательства, регулирующего правоотношения в сфере спорта, антидопингового законодательства, действующих норм административного и уголовного кодексов, в статье анализируются вопросы определения субъектов, относящихся к «специалистам в области спортивной медицины».

Материалы и методы: нормативную основу составляют Конституция Российской Федерации, административное, уголовное законодательство в сфере противодействия склонению или использованию в отношении спортсмена запрещенных в спорте веществ и (или) методов, постановления Правительства Российской Федерации, ведомственные приказы. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, также использовались формально-юридический и системно-структурный методы исследования.

Результаты исследования позволили определить субъектов административных правонарушений и преступлений, относящихся к «специалистам по спортивной медицине», а также выявить проблемы правоприменительного характера, требующие дальнейшего научного разрешения и законодательной регламентации.

Выводы и заключения: системный анализ действующего законодательства в сфере допинга позволил определить конкретных специалистов по спортивной меди-

цине, являющихся специальными субъектами административных правонарушений, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: допинг, специалист в области физической культуры и спорта, специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта, нарушение допингового законодательства, ответственность.

DOPING IN SPORTS: PROBLEMS OF DETERMINING SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES

Introduction: based on the analysis of anti-doping legislation, legislation regulating legal relations in the field of sports, the current norms of the administrative and criminal codes, the article analyzes the issues of defining subjects related to “specialists in the field of sports medicine”.

Materials and Methods: the normative basis consists of the Constitution of the Russian Federation, administrative and criminal legislation in the field of countering the use of substances and (or) methods prohibited in sports against an athlete, Resolutions of the government of the Russian Federation, and departmental orders. The methodological basis of the research is the General dialectical method of scientific knowledge, as well as various logical and cognitive research methods and techniques.

Results of the Study: made it possible to identify subjects of administrative offenses and crimes related to "specialists in sports medicine," as well as to identify law enforcement problems that require further scientific resolution and legislative regulation.

Findings and Conclusions: a systematic analysis of the current legislation in the field of doping allowed us to determine the specific individuals that are “experts in sports medicine”, administrative and criminal liability for which, if they commit illegal actions, provided in article 6.18 of the code of administrative offences, article 230.1 of the criminal code and article 230.2 of the criminal code.

Keywords: doping, specialist in the field of physical training and sports, specialist in sports medicine, other specialist in the field of physical training and sports, doping rule violation, responsibility.

Согласно статистическим данным, количество выявленных нарушений антидопингового законодательства в национальных спортивных организациях с каждым годом растет¹. Большинство препаратов, запрещённых в спорте, являются лекарствами от тяжёлых заболеваний: например, анаболические стероиды созданы для лечения забо-

---

¹ Данные Ассоциации Российского антидопингового агентства «РУСАДА» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusada.ru> (дата обращения: 02.10.2020).

леваний, сопровождающихся истощением, а эритропоэтин (ЭПО) применяется для лечения анемии при тяжелой степени почечной болезни.

Участившиеся случаи нарушений антидопинговых правил предопределило ужесточение в 2015 году антидопинговых мер, предусмотренных Всемирным антидопинговым кодексом ВАДА (WADA — World Anti-Doping Agency). Ратификация общероссийских антидопинговых правил Министерством спорта Российской Федерации (далее — Минспорт России)¹ на основе антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, потребовало криминализации преступных действий, посягающих на правоотношения в сфере спорта, нарушающих антидопинговые правила, что определило внесение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) статьи 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и статьи 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»². За нарушение антидопингового законодательства также предусмотрена административная ответственность по статье 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Административная практика, а также выявление и расследование рассматриваемых преступлений по настоящее время незначительны. Одним из краеугольных камней, препятствующих реализации административных и уголовных составов, является отсутствие должной правовой регламентации указанных в нормах специальных субъектов — конкретных лиц, которые могут совершить правонарушения или преступления в сфере допинга [1, с. 4—6]. Проблемы, связанные с определением субъектов рассматриваемых преступлений и правонарушений не раз являлись предметом научных дискуссий [2, с. 88; 3; 4; 5; 6, с. 307; 7].

Так, например, в ходе расследования одного из уголовных дел установлено, что подозреваемый К. был принят на работу на должность инструктора физкультурно-оздоровительной организации (ФОК «Ласточка»), а фактически выполнял функции тренера. В соответствии с действующим законодательством он не является тренером, не относится к категории иных специалистов в области физической культуры и спорта и к специалистам в области спортивной медицины.

Иначе говоря, лицо, фактически не являющееся субъектом рассматриваемых преступлений и административных правонарушений, может совершить действия, нарушающие антидопинговое законодательство, однако привлечение данного лица к уголовной или административной ответственности в таком случае практически невозможно.

Поскольку законодательно на данный момент существующий пробел не устранен, попробуем разобраться, кто конкретно может быть субъектом рассматриваемых админи-

---

¹ Об утверждении общероссийских антидопинговых правил: приказ Минспорта России от 9 авг. 2016 г. № 947 (в ред. от 17.10.2016) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): федер. закон от 22 нояб. 2016 г. № 392-ФЗ // Рос. газ. — 2016. — 24 нояб.

стративных правонарушений и преступлений. Для этого сначала определим существо рассматриваемых правоотношений.

В соответствии с пунктом 2 статьи 26 федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Закон о спорте) предотвращение допинга в спорте и борьба с ним осуществляются в соответствии с общероссийскими антидопинговыми правилами, утвержденными федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта, и антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями.

Общероссийские антидопинговые правила, утвержденные приказом Минспорта России от 9 августа 2016 г. № 947 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил», устанавливают, что антидопинговые правила являются специфическими спортивными правилами и процедурами, нацеленными на всеобщее и скоординированное применение правил борьбы с допингом и отличаются по своей сути от уголовного и гражданского процесса (пункт 1.2).

Действие данных правил распространяется как на соревновательный, так и на внесоревновательный периоды. При этом перечни запрещенных к использованию в спорте субстанций и методов, утвержденные приказом Минспорта России от 21 ноября 2019 г. № 964 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»¹, устанавливают запреты на использование конкретных субстанций или методов всегда (как в соревновательный, так и во внесоревновательный периоды), отдельно только в соревновательный период и по видам спорта².

Исключением использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования, когда такое деяние не является нарушением антидопингового правила, являются ситуации их терапевтического использования. Так, согласно пунктам 3 и 3.1 статьи 26 Закона о спорте «использование или попытка использования, назначение или попытка назначения запрещенной субстанции в отношении спортсмена, либо применение или попытка применения в отношении его запрещенного метода ... не является нарушением антидопинговых правил, если на момент их совершения имелось разрешение на терапевтическое использование запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, выданное в соответствии с Международным стандартом по терапевтическому использованию запрещенных субстанций Всемирного антидопингового агентства, либо существовали предусмотренные этим Международным стандартом обстоятельства, позволяющие выдать такое разрешение после совершения указанных действий».

---

¹ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2019. 20 дек. (дата обращения: 13.04.2021).

² Перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2017 № 339 (ред. от 29.04.2019) «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2017. — № 14. — Ст. 2074.

За нарушение антидопинговых правил российским законодательством предусматривается:

- уголовная ответственность (в частности, статьи 230.1, 230.2 УК РФ);
- административная ответственность (статья 6.18 КоАП РФ);
- спортивная ответственность (в соответствии с Законом о спорте и общероссийскими антидопинговыми правилами);
- гражданско-правовая ответственность (в форме возмещения убытков в соответствии со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также пени, штрафы и неустойки);
- ответственность, предусмотренная Трудовым кодексом Российской Федерации (далее — ТК РФ) (дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров, являющихся работниками).

Субъектами преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ являются — тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. В качестве субъекта, помимо приведенных выше, за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.18 КоАП РФ, указан спортсмен.

Согласно статье 2 Закона о спорте, спортсмен — физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях; спортсмен высокого класса — спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов.

Тренер — физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов.

Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров закреплены в главе 54.1 ТК РФ. В частности, согласно статье 348.2 данного кодекса, обязательным условием, включенным в трудовой договор со спортсменом и (или) тренером, является их обязанность не допускать нарушения общероссийских антидопинговых правил и антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, в частности для тренера — принимать меры по предупреждению нарушения антидопинговых правил спортсменом и (или) спортсменами. Кроме того, статьями 348.11 и 348.11—1 предусмотрены дополнительные основания прекращения трудового договора с указанными субъектами — признанное соответствующей антидопинговой организацией нарушение общероссийских антидопинговых правил и (или) антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями.

Перечень «иных специалистов в области физической культуры и спорта» утвержден приказом Минспорттуризма России от 16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации».

Следует обратить внимание на то, что в статье 6.18 КоАП РФ установлена ответственность за «Нарушение установленных законодательством о физической культуре

и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним». При этом субъектом правонарушения является непосредственно сам спортсмен, который использовал или пытался использовать, а также распространяющий запрещенную субстанцию и (или) запрещенный метод. В части 2 статьи 6.18 КоАП РФ указаны специальные субъекты, аналогичные предусмотренным в статьях 230.1 и 230.2 УК РФ. При этом, если в настоящее время ответственность по части 2 статьи 6.18 КоАП РФ предусмотрена за распространение допинговых субстанций (препаратов), то до вступления в силу изменений в нормы КоАП РФ (до 1 июня 2019 г.) фактически единственным признаком, позволяющим отграничить составы преступлений, предусмотренные статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, от административного правонарушения являлся вид субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Применительно к статье 6.18 КоАП РФ их перечень закреплен в приказе Минспорта России от 21 ноября 2019 г. № 964 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», к статьям 230.1 и 230.2 УК РФ перечень утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 «Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Определения понятия «специалист по спортивной медицине» действующее законодательство не содержит. Однако анализ нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере допинга, позволяет достаточно четко определить круг лиц, относящихся к такой категории, являющихся субъектами административных правонарушений, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 КоАП РФ, и преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ.

Исходя из буквального толкования закона, в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее — Минздрав России) от 20 августа 2001 г. № 337 «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию спортивной медицины и лечебной физкультуры» (извлечения), приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (далее — Минздравсоцразвития России) от 15 августа 2011 г. № 916н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта», приказом Минздрава России от 1 марта 2016 г. № 134н (в ред. от 21.02.2020) «О Порядке организации оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом (в том числе при подготовке и проведении физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий), включая порядок медицинского осмотра лиц, желающих пройти спортивную подготовку, заниматься физической культурой и спортом в организациях и (или) выполнить нормативы испытаний (тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», приказом Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н (в ред. от 09.04.2018) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел “Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения”» к числу специалистов по спортивной медицине могут быть отнесены лица с высшим медицинским или физкультурным образованием по специальности «ле-

чебное дело» или «педиатрия»), или средним медицинским или физкультурным образованием, освоившие в соответствии с квалификационными требованиями программу подготовки по лечебной физкультуре либо прошедшие специальную подготовку по лечебному массажу и получившие сертификат специалиста. Например, к ним относятся: врач по лечебной физкультуре, врач по спортивной медицине, инструктор-методист по лечебной физкультуре, инструктор по лечебной физкультуре, медицинская сестра по массажу.

Указанные «специалисты по спортивной медицине» принимают непосредственное участие в работе по медико-биологическому обеспечению спортсменов олимпийских сборных и сборных команд России по отдельным видам спорта и их резерва, осуществляемой Госкомспортом России и Центром спортивной медицины Олимпийского комитета России совместно со специализированными лечебно-профилактическими учреждениями Минздрава России.

В соответствии с пунктом 9 приказа Минздрава России от 1 марта 2016 г. № 134н медицинская помощь спортсмену оказывается врачом по спортивной медицине медицинской организации независимо от организационно-правовой формы, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую выполнение работ (оказание услуг) по «лечебной физической культуре и спортивной медицине».

Кроме того, в спортивных диспансерах (отделениях, кабинетах) медицинская помощь лицам, занимающимся физической культурой и спортом, оказывается в соответствии с существующими порядками оказания медицинской помощи по отдельным её профилям, заболеваниям или состояниям (группам заболеваний) и на основе стандартов медицинской помощи с учетом клинических рекомендаций (протоколов лечения), разрабатываемых и утверждаемых медицинскими профессиональными некоммерческими организациями, в соответствии со статьями 37, 76 федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» иными специалистами (травматолог, хирург, врач функциональной диагностики, кардиолог и др.), не являющимися специалистами по спортивной медицине.

Такие специалисты не могут быть субъектами административных правонарушений, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 КоАП РФ, и преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ.

Специалисты по спортивной медицине — это медицинские работники, на которых нормативными правовыми актами Минздрава России возлагаются обязанности соблюдения требований спортивного (антидопингового) законодательства.

Определяя субъекта рассматриваемых преступлений как специального, законодатель акцентировал внимание на том, что специалисты по спортивной медицине имеют реальную возможность склонить или использовать в отношении спортсмена запрещенные в спорте субстанции и (или) методы, а также то, что данные лица заинтересованы, и нацелены на достижение спортсменом высоких спортивных результатов.

Действуя в преступных целях, для подавления воли спортсмена и дальнейшего склонения к использованию им запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, тренер может по надуманным причинам не допустить спортсмена к соревнованиям (исключить из внесоревновательного процесса — отстранить от тренировок, например, как

«неперспективного», или «нуждающегося в дополнительном реабилитационном периоде»), сделать игроком второго плана и т. д. Для достижения тех же преступных целей любой специалист по спортивной медицине, например, врач по лечебной физкультуре, может «не рекомендовать» к допуску спортсмена к соревнованиям по медицинским показателям (ложной интерпретации результатов проведенных тестирований, в соответствии с которыми якобы требуется проведение дополнительных медицинских процедур (лечения), что, в свою очередь, требует ограничений тренировочного процесса, влекущих невозможность подготовки спортсмена к выступлению на ближайших соревнованиях). Путем разъяснений о ложном отсутствии вреда для здоровья (побочных эффектов) либо, наоборот, о «пользе» препарата (например, более быстрой реабилитации, в случае использования такового) врач по лечебной физкультуре может рекомендовать спортсмену ту или иную субстанцию и (или) метод, запрещенные в спорте.

Вряд ли любой врач — работник спортивного диспансера, отделения, кабинета (хирург, травматолог, врач функциональной диагностики, кардиолог) — может оказать на спортсмена необходимое ему (врачу) воздействие в целях склонения спортсмена к использованию данных препаратов, а равно использовать в отношении спортсмена против его воли запрещенных в спорте субстанций и (или) методов.

Исключение могут составить ситуации, когда врач находится в сговоре с тренером либо тренер путем оказания определенного давления на врача рекомендует последнему «убедительно предложить» конкретному спортсмену использовать запрещенную в спорте субстанцию или метод.

Здесь же необходимо отметить, что существует позиция, при которой специалистами по спортивной медицине необходимо признавать врачей, в обязанность которых входит наблюдение за питанием и самочувствием спортсмена, оказание ему первой медицинской помощи при травмах и дальнейшее лечение последних (травм), фармакологическая подготовка спортсмена к увеличению функциональных возможностей и адаптации к большим физическим нагрузкам [8].

Однако, анализируя перечень иных специалистов в области физической культуры и спорта, в соответствии с которым субъектом рассматриваемых правонарушений и преступлений может быть, например, дежурный по спортивному залу (или начальник водной станции, специалист по подготовке спортивного инвентаря), т. е. лица, не имеющие непосредственного отношения к правоотношениям в сфере допинга, а также то, что в спортивных диспансерах (отделениях, кабинетах) медицинская помощь лицам, занимающимся физической культурой и спортом может быть оказана медицинскими работниками, не являющимися специалистами по спортивной медицине, но которые в силу доступа к допинговым препаратам могут склонить спортсмена к использованию запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, полагаем целесообразным на законодательном уровне распространить административную и уголовную ответственность, в том числе на медицинских работников специализированных (спортивных) медучреждений (диспансерах, отделениях, кабинетах), не являющихся специалистами по спортивной медицине.

Подобную аналогию, думается, можно применить и к лицам, например, занимающим должности, не включенные в список иных специалистов в области физической

культуры и спорта, но фактически выполняющим функции включенных в такой список лиц, или, как в вышеприведенном примере — «фактически выполняющего функции тренера».

Отсутствие законодательного определения понятия «специалист по спортивной медицине» порождает проблемы применения норм административно-деликтного и уголовного законодательства, в частности крайне затрудняется процесс доказывания наличия преступного умысла на совершение преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, в том числе группой лиц по предварительному сговору (например, тренера и специалиста по спортивной физкультуре) [1, с. 6]. Указанные проблемы, безусловно, требуют дальнейшего научного осмысления и соответствующего законодательного разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Власов П. Е. Расследование преступлений, связанных с использованием запрещенных субстанций или методов в отношении спортсмена: науч.-практ. пособ. / П. Е. Власов, А. А. Орлова. — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. — С. 4—6.
2. Машугина Е. В. К вопросу о реализации института ответственности за противоправное поведение в области соблюдения антидопинговых правил // Административное право и процесс. — 2019. — № 3. — С. 45—49.
3. Федоров А. В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. — 2017. — № 11. — С. 38—43 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Федоров А. В. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена допинга // Российский следователь. — 2017. — № 12. — С. 34—39 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Чеботарев А. В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3. — С. 76—97.
6. Хиневич К. И. Криминологическое исследование личности специалиста по спортивной медицине (врача) // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 5. — С. 162—165.
7. Сулейманова С. Т., Сомов Д. В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журнал. — 2017. — Т. 5. — № 3 (19) [Электронный ресурс]. — URL: <http://esj.Pnzgu.ru> (дата обращения: 13.04.2021).
8. Пешков Д. В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ // Инновационная наука: междунар. науч. журн. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 13.04.2021).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vlasov P. E. Investigation of crimes related to the use of prohibited substances or methods in relation to an athlete: scientific and practical. manual. / P. E. Vlasov, A. A. Orlov. — M., 2018. — P. 4-6.
2. Mashugina E. V. To the question about the implementation of the responsibility for wrongful conduct in respect of anti-doping rules // Administrative law and process. — 2019. — No. 3. — P. 45-49.

3. Fedorov A.V. Criminal liability for inciting to the use of doping // Russian investigator. - 2017. - No. 11. - p. 38-43 [Electronic resource]. - Access from the Internet.- legal system "Consultant Plus".
4. Fedorov A.V. Criminal liability for the use of doping in relation to the athlete // Russian investigator. - 2017. - No. 12. - p. 34-39 [Electronic resource]. - Access from the Internet.- the legal system "Consultant Plus".
5. Chebotarev A.V. Legal responsibility for violation of anti-doping rules in Russia: problems and prospects // Right. Journal of the Higher School of Economics. — 2019. — No. 3. - pp. 76-97.
6. Khinevich K. I. Criminological study of the personality of a specialist in sports medicine (doctor) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - 2019. - No. 5. - pp. 162-165.
7. Suleymanova S. T., Somov D. V. Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports // Nauka. Society. State: electron. scientific journal. - 2017. - Vol. 5. - No. 3 (19) [Electronic resource]. - URL: <http://esj.Pnzgu.ru> (accessed: 13.04.2021).
8. Peshkov D. V. On the question of the qualification of the crime provided for in Article 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Innovative Science: International Scientific Journal. - No. 9 [Electronic resource]. - URL: <http://cyberleninka.ru> (accessed: 13.04.2021).

УДК 342.951

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-245-254

Куцкель Максим Вячеславович

адъюнкт

Сибирского юридического
института МВД России

E-mail: makc-95-09@mail.ru

Kutskel Maksim Vyacheslavovich

Postgraduate student of Siberian Law

Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

E-mail: makc-95-09@mail.ru

ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

Введение: в статье рассмотрены подходы к содержанию административной ответственности. Конкретизировано содержание административной ответственности за незаконный оборот наркотиков (ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Обосновывается целесообразность выделения иных, помимо административного наказания, структурных элементов содержания административной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Материалы и методы: нормативная основа статьи включает в себя Конституцию Российской Федерации, законодательство об административных правонарушениях, нормативные акты, регламентирующие оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, правовые позиции высших судебных инстанций, а также решения судов общей юрисдикции. Представлены результаты анкетирования 282 граждан и 224 сотрудников органов внутренних дел. Методологической основой являются диалектический метод научного познания, методы сравнения, анализа, толкования и интерпретации.

Результаты исследования: в ходе проведенного анализа структурных элементов административной ответственности за незаконный оборот наркотиков выявлено несоответствие наказаний, закрепленных в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), общественным и правоприменительным потребностям. Раскрыта значимость официального признания деяния лица административным правонарушением, а также негативные последствия, наступающие для лица, его совершившего.

Выводы и заключения: вопреки традиционному подходу, помимо административных наказаний, элементами содержания административной ответственности за незаконный оборот наркотиков выступают официальное признание деяния лица административным правонарушением, а также негативные последствия правового характера. Обоснована необходимость внесения изменений в санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ.

Ключевые слова: содержание, административная ответственность, незаконный оборот наркотиков, правонарушение, правовые последствия.

ISSUES RELATING TO THE CONTENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR DRUG TRAFFICKING

Introduction: the article considers approaches to the content of administrative responsibility. The content of administrative responsibility for illegal drug trafficking is specified (Article 6.8 of the Administrative Code of the Russian Federation). The expediency of allocating other structural elements of the content of administrative responsibility for illegal drug trafficking, in addition to administrative punishment, is justified.

Materials and Methods: the normative basis of the article includes the Constitution of the Russian Federation, legislation on administrative offenses, normative acts regulating trafficking of drugs, psychotropic substances and their analogues, legal positions of the highest judicial instances. The results of the questionnaire of 282 citizens and 224 law enforcement professionals are presented. The methodological basis is the dialectical method of scientific knowledge, methods of comparison, analysis, interpretation.

Results of the Study: During the analysis of the structural elements of administrative responsibility for drug trafficking, it was revealed that the penalties stipulated in the sanctions of Part 1 and Part 2 of Article 6.8 of the Administrative Code of the Russian Federation do not correspond to the public and law enforcement needs. The significance of the official recognition of a person's act as an administrative offense, as well as the negative consequences that occur for the person who committed it, is revealed.

Findings and Conclusions: contrary to the traditional approach, in addition to administrative penalties, the elements of the content of administrative responsibility for drug trafficking are the official recognition of the person's act as an administrative offense, as well as the negative consequences of a legal nature. The necessity of making changes to the sanctions of Part 1 and Part 2 of Article 6.8 of the Administrative Code of the Russian Federation is justified.

Keywords: content, administrative responsibility, drug trafficking, offense, legal consequences.

До настоящего момента неоднозначным остается спектр противоправных деяний, входящих в сферу незаконного оборота наркотиков. Законодательство Российской Федерации¹, отдельные международные договоры², а также некоторые исследователи данной сферы [7, с. 121] рассматривают незаконный оборот наркотиков как разную совокупность противоправных деяний, зачастую, включая в данное понятие потребление наркотиков в немедицинских целях, а также элементы сферы легального оборота наркотиков. Полагаем, что необоснованное расширение сферы незаконного оборота наркотиков, включение в нее дополнительных элементов не соответствуют терминологии, используемой в национальных законодательных актах и международных соглашениях, ввиду чего в настоящем исследовании, посвященном содержанию административной от-

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2021).

² О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах. Модель: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 27-6 от 16 нояб. 2006 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902050850> (дата обращения: 29.03.2021).

ветственности, под незаконным оборотом наркотиков будет пониматься совокупность противоправных деяний, охватываемых ст. 6.8 КоАП РФ.

Согласно традиционному подходу, получившему наибольшую популярность среди советских административистов, административная ответственность выражается в применении уполномоченным субъектом административного наказания к лицу, совершившему правонарушение [8, с. 212; 6, с. 40; 4, с. 11; 2, с. 10; 15, с. 71]. Подобный подход, как и любая научная теория, не лишен недостатков. Обратим внимание на точку зрения Н. Н. Цуканова: «Содержание административной ответственности нельзя сводить только к административному наказанию, ввиду возможности привлечения к ответственности одного лица с наложением административного штрафа на другое лицо» [12, с. 206]. Помимо этого, в правоприменительной практике присутствуют случаи оспаривания постановлений по делам об административных правонарушениях, затраты на которые в разы превышают назначенный административный штраф. Указанные аргументы позволяют предположить, что в содержании административной ответственности существуют и иные элементы, способные оказывать определенное воздействие как на образ жизни, права и обязанности, так и на сознание и поведение лица, способствующие достижению профилактических целей.

Интересна точка зрения авторского коллектива Сибирского юридического института МВД России, который под содержанием административной ответственности понимает совокупность негативных последствий правового характера, наступающих для лица, привлеченного к ней, и выражающихся в: 1) официальном признании действия (бездействия) виновного лица административным правонарушением; 2) административных наказаниях; 3) иных негативных последствиях правового характера [1, с. 13].

Данный подход к содержанию административной ответственности раскрывает совокупность последствий, наступающих для виновного лица, которые, как видится, позволяют проследить использование правовых средств в целях оказания превентивного воздействия на виновного.

I. Официальное признание компетентными органами деяния административным правонарушением, а лица, его совершившего, виновным. Несмотря на первоначальную абстрактность, официальное признание является одним из наиболее серьезных негативных элементов административной ответственности. Вступившее в законную силу постановление суда, признающее виновным в совершении конкретного административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ, определенное лицо, может повлечь самые разнообразные последствия, напрямую не указанные в самом постановлении. Например, при поступлении на службу в правоохранительные и судебные органы, кандидат проходит проверку, в рамках которой происходит сбор и изучение характеризующего материала, а также соответствие кандидата установленным законом требованиям. Помимо общего требования, заключающегося в запрете поступления на службу в случае неоднократного привлечения лица к административной ответственности в судебном порядке, наличие информации о виновности лица в противоправном деянии, связанном с незаконным оборотом наркотиков, явно способно негативно отразиться на трудоустройстве. Кроме того, совершение лицом рассматриваемого правонарушения зачастую является основанием для его увольнения.

Отметим, что подобные последствия являются в большей части уникальными, их наступление возможно только при совершении узкого круга правонарушений, связанных с наркотиками. Думается, что мотивом такого регулирования рассматриваемой сферы послужила необходимость противодействия наркоугрозе на международном и, в особенности, на национальном уровне. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, совместно с федеральным законом от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», устанавливает генеральные цели, задачи и средства улучшения наркоситуации в государстве и противодействия незаконному обороту наркотиков. Одним из таких средств, безусловно, является закрепление ответственности за незаконный оборот наркотиков. Следует заметить, что для привлечения лица к административной ответственности по ст. 6.8 КоАП РФ, в отличие от преступного деяния, предусмотренного ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), не установлены минимальные размеры предмета правонарушения — наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Думается, что отсутствие минимального порога направлено на выражение крайне негативного, нетерпимого отношения государства к незаконному обороту наркотиков, даже в ничтожно малых размерах.

Помимо этого, индикатором нетерпимости государства в указанной сфере выступает особое содержание ч. 4 ст. 53 указанного выше федерального закона, устанавливающего обязанность компетентных должностных лиц пресекать выявленные правонарушения и преступления в сфере оборота наркотиков и принимать меры по привлечению виновных к ответственности. Казалось бы, в отношении преступных деяний данная формулировка выглядит вполне обычной. Однако КоАП РФ не устанавливает принципа неотвратимости административного наказания. Его наличие можно констатировать лишь в случаях прямого указания в законе [13, с. 101], ввиду чего можно предположить, что опасность деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, причем даже подпадающих под действие административного законодательства, близка к деяниям террористического¹ либо экстремистского² характера, в которых также прямо зафиксирован принцип неотвратимости.

II. Административное наказание, согласно ст. 3.1 КоАП РФ, является мерой государственной ответственности, применяемой с целью предупреждения совершения новых правонарушений виновным, а также иными лицами. Содержащиеся в санкции статьи 6.8 КоАП РФ наказания, такие как административный штраф, административный арест и административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина, безусловно, способны оказать необходимое воздействие. Однако зачастую эффективность их применения вызывает обоснованные сомнения.

За последние годы количество пресекаемых административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, остается относительно стабильным.

---

¹ О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», п. 4 ч. 1 ст. 2. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

² О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, п. 7 ч. 1 ст. 2. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

За 2020 год сотрудниками органов внутренних дел пресечено 17 тыс. 750 правонарушений, что на 7,2 % меньше данных аналогичного периода 2019 года и на 9,6 % меньше 2018 года. Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации¹, наиболее часто назначаемым наказанием за рассматриваемое правонарушение является административный штраф. Так, за 1 полугодие 2020 года из 6 тыс. 514 поступивших на рассмотрение дел административный штраф был назначен в 3 тыс. 878 случаях. При этом общая сумма наложенных штрафов составила 15 млн 949 тыс. 801 рубль, из которых исполнено 32,4 % (5 млн 167 тыс. 972 руб.). За 2019 год исполнено 34,2 % штрафов, назначенных по постановлению суда за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ. Вышеизложенное подтверждает тезис А. М. Субботина о том, что «большие суммы наложенных административных штрафов компенсируются крайне низким процентом исполнения указанных наказаний, что не позволяет реализовать их превентивную функцию» [10, с. 391].

Иной точки зрения придерживаются граждане, без должного обоснования считающие необходимым ужесточить административную ответственность за незаконный оборот наркотиков. Проведенное нами анкетирование 282 граждан показывает, что 74,4 % респондентов поддерживают ужесточение ответственности, связывая её с увеличением размеров штрафа.

Исследователи административной ответственности отмечают, что за последние десятилетия наблюдается тенденция увеличения размеров административных штрафов, в отдельных случаях рост происходит в «геометрической прогрессии» (в 10—12 раз) [14, с. 200]. Несоразмерность назначаемого административного штрафа с имущественным положением виновного являлась предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации, признавшего допустимым назначение административного штрафа в размере ниже установленного минимального².

Повышение размеров административного штрафа за правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, автору настоящей статьи видится нерациональным ввиду следующих обстоятельств.

Во-первых, лица, совершающие незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта НС и ПВ, преимущественно являются наркозависимыми (о чем они добровольно сообщают сотрудникам полиции). Как верно отмечает Н. Н. Цуканов: «Лицо, страдающее от наркозависимости, сознательно употребляет вещества, подрывающие его здоровье. Даже очевидная перспектива скорой смерти не рассматривается наркоманом в качестве мотива для отказа от наркопотребления» [11, с. 101].

---

¹ Статистические данные, представленные на сайте Судебного департамента Верховного суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

² По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 17 янв. 2013 г. № 1-П, п. 4.1. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2021).

Во-вторых, лица, продолжительное время потребляющие наркотические средства, зачастую имеют проблемы со здоровьем, не позволяющие им иметь постоянный законный заработок. Оплатить административный штраф в таких условиях практически невозможно, на что и указывают исследователи [11, с. 101; 15, с. 201; 9, с. 182]. Желание виновного оплатить административный штраф за правонарушение может повлечь за собой совершение иных противоправных деяний, в числе которых могут быть преступления как имущественного характера, так и непосредственно посягающие на личную безопасность граждан [3, с. 50].

С учетом сказанного наиболее целесообразным выглядит не повышение размера административного штрафа, а дополнение санкции статьи 6.8 КоАП РФ альтернативным наказанием в виде обязательных работ, определяемых органом местного самоуправления. Думается, что назначение такого наказания наркозависимому лицу является более перспективным при условии отсутствия постоянного места работы, наличии проблем со здоровьем, препятствующих исполнению ареста, а также принимая во внимание исключительность административного ареста как такового. Инициативу закрепления альтернативного наказания в виде обязательных работ поддержали 60 % опрошенных нами сотрудников органов внутренних дел.

Практику назначения виновным лицам общественно полезных работ рассмотрим на примере ст. 228 УК РФ. За 2018 год 9,1 % осуждённых назначались наказания в виде обязательных либо исправительных работ, в 2019 году данный показатель составил 9,5 %, а за первую половину 2020 года — 4,4 %. Процент лиц, совершивших преступление повторно, по сравнению с 2018 годом, в настоящее время снизился на 8,4 %, что на фоне общего роста количества преступлений на 1,6 % и снижения количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на 5 % показывает целесообразность применения данных наказаний¹.

Таким образом, отметим нецелесообразность увеличения размеров административного штрафа за правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ. Вместе с тем видится рациональным закрепить обязательные работы в качестве альтернативного наказания в санкции ч. 1 и ч. 2 рассматриваемой статьи.

Санкцией ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ предусмотрено наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Исходя из законодательной конструкции санкции, можно сделать вывод о её кумулятивном характере, что предусматривает назначение наказания в совокупности штраф с выдворением либо арест с последующим выдворением.

В соответствии со ст. 3.10 КоАП РФ, административное выдворение предполагает контролируемое принудительное или добровольное действие виновного по пересечению границы Российской Федерации. Помимо прочего, правовым послед-

---

¹ Данные представлены на сайте Судебного департамента Верховного суда Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>; Форма отчетности 1-МВ-НОН «Сведения о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и лицах, их совершивших за январь-декабрь 2018, 2019, 2020 гг.»

ствием данного вида наказания является невозможность возвращения в Российскую Федерацию в течение пяти лет¹.

Безусловно, административное выдворение является одним из самых строгих наказаний, содержащихся в ст. 3.2 КоАП РФ. Ввиду этого его применение должно носить исключительный характер. Конституционный суд России в постановлении № 5-П от 17.02.2016 подтвердил избирательность применения выдворения, указав на конкретные условия, влияющие на выбор наказания. К числу таковых указанным судом отнесено семейное положение, а именно проживание супруга на территории Российской Федерации. Вместе с тем правоприменительная практика вызывает сомнения в исполнении указанных положений.

За 2020 год к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, привлечено 254 иностранных гражданина. Наказание в виде выдворения назначено 44 лицам, из которых фактически выдворено 14. Близкие показатели имеются и за 2019 год, когда было привлечено 270 иностранных граждан, 77 назначено выдворение и 15 фактически выдворено².

Зачастую наказания, предусмотренные в ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ, связанные предлогом «с», назначаются самостоятельно. Например, в 42 % случаев наказанием выступал исключительно административный штраф, в 6 % — административный арест, а выдворение со штрафом либо арест с выдворением применялись в 21 % и в 31 % случаев. Наибольший интерес вызывают случаи назначения административного ареста с выдворением в случае наличия смягчающих обстоятельств (38 % случаев) либо только административного штрафа при наличии отягчающих обстоятельств (2 % случаев).

Например, постановлением Пестречинского районного суда Республики Татарстан иностранный гражданин признан виновным в совершении незаконного хранения и перевозке наркотического средства «Каннабис (марихуана)» массой 0,030 грамма. Принимая во внимание характер и обстоятельства правонарушения, а также личность виновного, который «вину признал, раскаялся в содеянном, семейное положение, наличие на иждивении двоих малолетних детей, что судья признает смягчающими ответственность обстоятельствами, а также отсутствие отягчающих ответственность обстоятельств»³, судом назначено наказание в виде административного ареста сроком на пять суток с последующим выдворением за пределы Российской Федерации. Представляется, что подобное решение явно не охватывается рамками избыточного принуждения, недопустимость которого не раз провозглашалась Конституционным судом Российской Федерации⁴.

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федер. закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ, п. 2 ст. 27. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2021).

² Форма отчетности 1-АП «Сводный отчет по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за январь — декабрь 2020 г.

³ Постановление Пестречинского районного суда Республики Татарстан от 1 окт. 2019 г. № 5-101/2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ См. напр.: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 14.02.2013 № 4-П; постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 17.11.2016 № 25-П и др.

Вышеизложенное позволяет говорить об отсутствии единообразной практики назначения наказаний, предусмотренных ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ. Основной причиной наличия подобной проблемы, как нам видится, является несоответствие конструкции санкции статьи социальной действительности, потребностям общества, судебной системы. Ввиду сказанного считаем необходимым внести изменения в санкцию ч. 2 ст. 6.8 КоАП РФ, изложив её следующим образом: «влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей и (или) административное выдворение за пределы Российской Федерации и (или) административный арест на срок до пятнадцати суток».

II. Еще одним элементом административной ответственности за незаконный оборот наркотиков являются негативные последствия правового характера. Специфичность рассматриваемого нами вида административной ответственности отражается на правовых последствиях её наложения на виновное лицо.

Наиболее значимые негативные последствия, предусмотренные законодательством, наступают за повторное совершение правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков. Повторность, как обстоятельство отягчающее ответственность, согласно п. 2 ч. 1 ст. 4.3 и ст. 4.6 КоАП РФ, наступает в случае совершения однородного правонарушения в течение года со дня окончания исполнения постановления по делу об административном правонарушении. При этом в случае повторного совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ, лицо может быть лишено права на приобретение, разрешения на хранение и ношения оружия в соответствии с ч. 1 ст. 26 федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», лишено удостоверения частного охранника на основании ч. 4 ст. 11.1 федерального закона от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Важно учесть, что даже впервые совершённое правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, может повлечь утрату лицом статуса беженца и временного убежища на территории Российской Федерации¹.

Вопросы установления повторности совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ, а также перспективные направления развития регулирования негативных последствий правового характера как элемента содержания административной ответственности за незаконный оборот наркотиков уже являлись предметом нашего внимания [5]. В соответствии со сказанным отметим, что до настоящего времени считаем актуальными полученные ранее выводы.

Таким образом, наглядно продемонстрированная многоплановость последствий привлечения лица к административной ответственности за незаконный оборот наркотиков не позволяет отождествлять последнюю исключительно с наложением наказаний. Емкое и в то же время детально проработанное в законодательстве содержание рассматриваемой нами ответственности, включающее в себя комплекс негативных последствий (официальное признание деяния административным правонарушением, административное наказание, иные негативные последствия правового характера), позволяет говорить

---

¹ О беженцах [Электронный ресурс]: федер. закон от 19 февр. 1993 г. № 4528-1, ст. 9, 12. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2021).

о возможности оказания эффективного воздействия на виновного с целью предотвращения совершения новых правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Административная ответственность за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков: учеб. пособ. / Под общ ред. д-ра юрид. наук Н. Н. Цуканова; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. — 180 с.
2. Бартыков И. Ф., Административные правонарушения, рассматриваемые в судебном порядке / И. Ф. Бартыков, П. С. Дагель, П. Ф. Елисейкин и др. — М., 1964. — 162 с.
3. Болотин В. С. Административная ответственность в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 220 с.
4. Галаган И. А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1971. — 43 с.
5. Куцкель М. В. Актуальные вопросы определения объекта правонарушения, предусмотренного статьей 6.8 КоАП РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (36). — С. 164-169.
6. Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. — М., 1961. — 187 с.
7. Назарук М. В. Административная ответственность за незаконные приобретение, хранение, потребление наркотических средств или психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 216 с.
8. Сизов И. Ю. К вопросу о содержании административной ответственности за нарушение правил дорожного движения / Полиция и общество: пути сотрудничества (к 300-летию российской полиции) // Сб. мат-в всерос. науч.-практ. конф. Воронежский институт МВД России — Воронеж, 2018. — С. 212-218.
9. Слободчук С. В. Административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками. дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2005. — 235 с.
10. Субботин А. М. Превентивная функция административных наказаний // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 2 (34). — С. 390-391.
11. Цуканов Н. Н. Статья 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как средство противодействия незаконному наркопотреблению // Сибирское юридическое обозрение. — 2017. — № 4. — С. 99-104.
12. Цуканов Н. Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел: моногр. / Н. Н. Цуканов; науч. ред. Ю. П. Соловей. — Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. — 288 с.
13. Цуканов Н. Н. Принцип публичности производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел / Н. Н. Цуканов // Полицейское право. — 2007. — № 2. — С. 99-102.
14. Юнусов В. В. Совершенствование механизма изменения размера административного штрафа в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. — 2019. — № 1 (36). — С. 200-206.
15. Якуба О. М. Административная ответственность. — М., 1972. — 152 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES.

1. Administrative responsibility for offenses related to drug trafficking: training manual / Under the general ed. doct. jurid. N. N. Tsukanova; "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". - Krasnoyarsk, 2020. — 180 p.
2. Bartykov I. F., Dagal P. S., Eliseikin P. F., Kuklin V. A., Nesterov A. I. Administrative offenses considered in court. M., 1964. – 162 p.
3. Bolotin V. S. Administrative responsibility in the sphere of trafficking drugs and psychotropic substances. diss. ... Ph. D. in Law... 12.00.14., Moscow, 2004. — 220 p.
4. Galagan I. A. Theoretical problems of administrative responsibility in Soviet law: Abstract of the dissertation. ... Dr. jurid. M.: All-Union Research Institute of Soviet Legislation, 1971. — 43 p.
5. Kutskel M. V. Actual issues of determining the object of an offense provided for in Article 6.8 of the Administrative Code of the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №3 (36). — P. 164-169.
6. Lunev A. E. Administrative responsibility for offenses. M., 1961. — 187 p.
7. Nazaruk M. V. Administrative responsibility for illegal acquisition, storage, consumption of drugs or psychotropic substances. diss. ... Ph. D. in Law... 12.00.14. M, 2018. — 216 p.
8. Sizov I. Yu. On the issue of the content of administrative responsibility for violating traffic rules / Police and society: ways of cooperation (to the 300th anniversary of the Russian police) / Collection of materials of the All-Russia scientific and practical conference. Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh. 2018. — P. 212-218.
9. Slobodchuk S. V. Administrative responsibility for drug-related offenses. dis. ... kand. Yurid. nauk., Belgorod, 2005. — 235 p.
10. Subbotin A.M. Preventive function of administrative punishments // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2016. №2(34). — P. 390-391.
11. Tsukanov Nikolay Nikolaevich Article 6.9 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses as a means of countering illegal drug use // Siberian Legal Review. 2017. №4. — P. 99-104.
12. Tsukanov, N. N. Theory and practice of proceedings in cases of administrative offenses carried out by internal affairs bodies: monograph / N. N. Tsukanov; scientific ed. by Yu. P. Solov'ev. - Krasnoyarsk, 2012. — 288 p.
13. Tsukanov, N. N. The principle of publicity of proceedings on cases of administrative offenses in Internal Affairs bodies/ N. N. Tsukanov // Police law. - 2007. - № 2. P. 99-102.
14. Yunusov V. V. Improving the mechanism for changing the size of the administrative fine in the Russian Federation. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. №1 (36). P. 200-206.
15. Yakuba O. M. Administrative responsibility. M., 1972. 152 p.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-255-263

Новичкова Елена Евгеньевна

доцент кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД Восточно-
Сибирского института МВД России
E-mail: enovichkova2@mvd.ru

Novichkova Elena Evgenievna

Associate Professor of the Department of
Administrative Law and Administrative
Activities of the Department of Internal
Affairs, East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: enovichkova2@mvd.ru

Пестов Роман Аркадьевич

доцент кафедры административного
права Ростовского юридического ин-
ститута МВД России
E-mail: 79185927828@ya.ru

Pestov Roman Arkadievich

Associate Professor of the Department
of Administrative Law, Rostov Law
Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
E-mail: 79185927828@ya.ru

ПОВТОРНОСТЬ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Введение: современное общество, находясь на пути реформирования общественных отношений, постепенно уходит от общепринятых моральных принципов совместного существования, что порождает совершение отдельными категориями граждан всё новых противоправных и антиобщественных деяний. Причинами совершаемых деяний, противоречащих требованиям законодательства и общепринятых норм совместного существования, являются очевидные нравственные изменения социума, разрушение моральных ценностей, мнимая, а в некоторых случаях фактическая вседозволенность и безнаказанность. Всё чаще наблюдается совершение административных правонарушений повторно, в средствах массовой информации, социальных сетях часто отражается системность совершения таких правонарушений, как, например, управление транспортным средством в состоянии опьянения. Так, за 2020 год только по г. Иркутску к административной ответственности привлечено 3937 водителей за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования; 558 преступлений совершено водителями, ранее привлеченными к административной ответственности (ст. 264.1 УК РФ), следовательно, 14 % нарушителей повторно допускают управление транспортом в состоянии опьянения¹.

¹ Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: мвд.рф (дата обращения: 15.01.2021)

Кроме правонарушений в сфере безопасности дорожного движения чаще всего повторно совершаются правонарушения в сфере общественного порядка, общественной безопасности, в области незаконного оборота наркотических средств. Учитывая уровень общественной опасности перечисленных правонарушений, необходимо четкое нормативное закрепление порядка привлечения к ответственности нарушителей за повторное (неоднократное) совершение противоправных деяний, в целях исключения уклонения их от наказания.

При внешне достаточном нормативном регулировании повторного привлечения к ответственности применение норм, регламентирующих повторность совершения правонарушений, довольно часто представляется проблематичным. Вопросы в правоприменительной практике возникают при выявлении правонарушений, совершаемых повторно, чему способствует недостаточно законодательное закрепление самого понятия повторности совершения административного правонарушения, недостаточно ясна последовательность привлечения к ответственности при квалификации деяний с административной преюдицией в отдельных случаях.

Материалы и методы: основой исследования является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), судебные акты, отраслевые научные работы. Методологическую основу составляют методы анализа, описания.

Результаты исследования: внесены предложения по внесению изменений в административное законодательство, направленные на устранение несоответствий порядка квалификации составов повторных административных правонарушений.

Выводы и заключения: в качестве выводов авторы приходят к единому мнению о необходимости кодификации норм, касающихся повторного совершения административных правонарушений, законодательного закрепления понятия повторности и неоднократности правонарушений, внесении изменений в отдельные нормы КоАП РФ в целях устранения двусмысленности их толкования.

Ключевые слова: административное правонарушение, повторное привлечение к ответственности, административная преюдиция, неоднократное совершение правонарушения, административная ответственность.

REPETITION IN ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW

Introduction: Modern society, being on the path of reforming social relations, is gradually moving away from the generally accepted moral principles of coexistence, which gives rise to the commission of new illegal and antisocial acts by certain categories of citizens. The reasons for the acts committed that contradict the requirements of legislation and generally accepted norms of coexistence are obvious moral changes in society, the destruction of moral values, imaginary, and in some cases, actual permissiveness and impunity. More and more often, the commission of administrative offenses is observed repeatedly, in the media, social networks often reflect the systematic nature of the commission of such offenses as, for example,

driving while intoxicated. So in 2020, only in the city of Irkutsk, 3,937 drivers were brought to administrative responsibility for driving a vehicle in a state of intoxication, or who refused to undergo a medical examination; 558 crimes were committed by drivers who were previously brought to administrative responsibility (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), therefore, 14% of offenders repeatedly admit driving in a state of intoxication. In addition to offenses in the field of road safety, offenses in the field of public order, public safety, and illegal drug trafficking are most often repeated. Given the level of public danger of the listed offenses, it is necessary to clearly establish the procedure for bringing violators to justice for repeated (repeated) committing of illegal acts, in order to exclude their evasion from punishment.

With outwardly sufficient normative regulation of repeated prosecution, the application of norms regulating the repetition of offenses is quite often problematic. Questions in law enforcement practice arise when re-committing offenses is detected, which is facilitated by insufficient legislative consolidation of the very concept of repeated committing of an administrative offense, the sequence of prosecution is not clear enough when qualifying acts with administrative precedence in individual cases.

Materials and Methods: the research is based on the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, judicial acts, branch scientific works. The methodological basis is formed by methods of analysis and description.

Results of the Study: proposals were made to amend the administrative legislation aimed at eliminating inconsistencies in the procedure for qualifying the composition of repeated administrative offenses.

Findings and Conclusions: as conclusions, the authors have come to a consensus about the need to codify the norms regarding the repeated commission of administrative offenses, legislative consolidation of the concept of repetition and repetition of offenses, amendments to certain norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in order to eliminate the ambiguity of their interpretation.

Keywords: administrative offense, repeated prosecution, administrative prejudice, repeated offenses, administrative responsibility.

Вопросы повторности в административно-декликтном праве рассматриваются в контексте проблем, возникающих при возбуждении дела об административном правонарушении, порядка производства по делу, процессуальных сроков.

Повторное совершение противоправных деяний как юридический факт встречается довольно часто, ответственность за повторное совершение некоторых правонарушений законодателем закреплена самостоятельными нормами. Законодательство об административных правонарушениях предусматривает возможность привлечения к административной ответственности с применением более строгого наказания в случае совершения правонарушения повторно.

Повторное совершение административного правонарушения, в соответствии с нормами КоАП РФ, возможно рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, повторность является обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, повторное совершение одно-

родного административного правонарушения является отягчающим обстоятельством в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Заметим, что по ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию с момента вступления постановления в законную силу до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Однако А. С. Телегин и Н. В. Тиунова отмечают, что «при назначении наказания за совершение нового проступка отягчающим обстоятельством будет расцениваться по отношению к правонарушению, совершённом со дня вступления постановления в законную силу и до окончательного его исполнения» [6, с. 634].

КоАП РФ также выделяет обстоятельство, позволяющее считать административное правонарушение совершённым повторно — деяние должно быть однородным по отношению к предыдущему, кодекс же понятие и признаки однородности не закрепляет.

Обращаясь к судебным разъяснительным актам, «однородным считается правонарушение, имеющее единый родовой объект посягательства, независимо от того, установлена ли административная ответственность в одной или нескольких статьях КоАП РФ»¹. Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), составы административных правонарушений, включённых в одну главу Особенной части КоАП РФ по одному родовому признаку, являются однородными правонарушениями. В качестве примера определения однородного деяния Пленум ВС РФ предлагает считать таковыми ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ и ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ².

К иному мнению приходит Пленум Высшего арбитражного суда при разъяснении однородного административного правонарушения: «однородными считаются правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена одной статьей Особенной части КоАП РФ»³, исходя из толкования которого, однородным может быть признано лишь административное правонарушение, квалификация которого не выходит за рамки одной статьи.

Различия в судебных разъяснительных актах дает основание считать необходимым законодательное закрепление понятия повторности совершения административного правонарушения и понятия однородного деяния. Обращаясь к авторам, указанным выше, «признаки однородного административного правонарушения, обозначенные Пленумом ВС РФ, должны быть закреплены в статье 2.1 КоАП РФ» [6, с. 635].

На данное несоответствие обращает внимание М. Н. Кобзарь-Фролова, утверждая, что возникновение противоречий толкования нормы судами высшей инстанции порождает условия использования таковых «заинтересованными лицами» [3, с. 499].

---

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 // Бюллетень ВС РФ. — 2005. — № 6.

² Там же.

³ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 02.06.2004 № 10 / Бюллетень ВС РФ. — 2004. — № 1.

Автор также приводит факты недостаточного осмысления понятия повторности в административно-процессуальном праве по причине отсутствия законодательного толкования дефиниции и справедливо приводит в качестве выводов исследования тот факт, что «законодатель не только не приводит дефиниции „повторность“, но и допускает нормативно установленные противоречия в порядке привлечения физического лица к административной ответственности при совершении правонарушения повторно в период действия срока наказания» [3, с. 499].

Обращаясь всё же к разъяснениям Пленума ВС РФ, где однородным правонарушением рекомендовано считать составы, включённые в одну главу, отметим, что отдельные главы Особенной части КоАП РФ содержат несколько видов родовых объектов — например, глава 6 объединяет такие родовые объекты, как здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, общественную нравственность, что говорит о необходимости разделения составов по отдельным главам Особенной части КоАП РФ по одному виду родового объекта.

На отсутствие единого подхода в определении повторности в качестве квалифицирующего признака обращает внимание В. О. Бежанов, автор проводит анализ дефиниции с точки зрения грамматики и приходит к выводу о том, что объединение составов Общей части КоАП РФ по отдельным областям общественных отношений не исключает значительный разброс составов в самих главах, следовательно, «говорить о едином родовом объекте посягательства представляется некорректным» [1, с. 83].

Во-вторых, повторность в административном законодательстве является самостоятельным квалифицирующим признаком состава административного правонарушения. КоАП РФ содержит достаточное количество статей, содержащих в качестве квалифицирующего признака повторность совершения.

В практике применения административно-процессуального права уполномоченными должностными лицами возникают проблемы при квалификации повторно совершённых административных правонарушений. Действующий КоАП РФ содержит более ста составов, предусматривающих ответственность за «повторное» совершение административного правонарушения и 27 составов, предусматривающих ответственность за «аналогичное» правонарушение по отношению к иному составу одной статьи. Однако, КоАП РФ не содержит определения понятия «аналогичное правонарушение». Пленум ВС РФ по вопросам квалификации правонарушений даёт разъяснения, приводя в качестве примера часть 2 статьи 5.27 КоАП РФ: «под аналогичным правонарушением следует понимать совершение такого же, а не любого другого нарушения (например, первый раз должностное лицо не произвело расчет при увольнении работника, а позднее — при увольнении другого работника)»¹.

Недостаточно прозрачной остается позиция закона о повторном привлечении к административной ответственности за делящееся административное правонарушение в случаях, когда нарушитель не исполняет возложенных на него обязанностей в виде наказания за совершённое деяние административного характера. Особенности исчисле-

---

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г.

ния сроков повторного привлечения к административной ответственности освещались ранее, однако проблема правоприменения сохраняется до настоящего времени. Обзор законодательства и судебной практики (вопрос № 21) содержит разъяснения по вопросу повторного привлечения к административной ответственности за совершение длящегося правонарушения. Так, ВС РФ полагает, что повторное привлечение к административной ответственности за одно и то же правонарушение возможно, «если лицо, привлечённое к административной ответственности, не исполняет возложенные на него законом или иным нормативным актом обязательства, или делает это ненадлежащим образом. При этом следует учитывать характер возложенных на него обязанностей и срок, необходимый для его исполнения»¹. При этом не указано, как определяется «срок, необходимый для исполнения» возложенных обязанностей. Исходя из разъяснений, данный срок может определяться как должностным лицом, установившим факт совершения административного правонарушения повторно, так и должностным лицом, органом, судьей, уполномоченным рассматривать дело, следовательно, решение будет носить субъективный характер [4, с. 391].

На пороге введения нового кодифицированного закона об административных правонарушениях необходимо отметить, что проект нового КоАП РФ² содержит порядка 90 составов, предусматривающих ответственность за повторное совершение административных правонарушений. Кроме квалифицирующего признака «повторное совершение...» кодекс содержит статьи, в которых диспозиция сформулирована как «повторное совершение в течение года...» и «повторное совершение в течение последних 12 месяцев...», следовательно, повторность в данном случае образует самостоятельный состав. Однако недостаточно ясна позиция законодателя в различии данных признаков, отсутствует единая концепция определения срока, в течение которого определяется повторность.

Аналогично действующему закону повторное совершение правонарушения расценивается и какотягчающее обстоятельство (ст. 3.6 проекта КоАП РФ). Недостаточно урегулированным и в данном законе остается вопрос исчисления сроков повторного привлечения к административной ответственности. Законодатель при подготовке проекта КоАП РФ оставил неизменным порядок определения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. В новой версии данный срок также определяется со дня вступления постановления в законную силу и до истечения одного года со дня окончательного исполнения данного постановления, что не решает проблем правоприменения при определении повторности совершения правонарушений. На неопределенность такого срока указывает Э. Л. Сидоренко, задавая вопрос: «с какого времени начинает исчисляться этот срок: с момента вынесения постановления или его вступления в юридическую силу»? Автор обращает внимание на отсутствие однозначного решения вопроса в судебной практике [5, с. 61—62].

---

¹ Обзор законодательства и судебной практики ВС РФ за 4 квартал 2006 года, утверждённый постановлением Президиума ВС РФ от 07.03.2007.

² Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059).

Наряду с повторностью в административно-деликтном праве возникают споры о том, как оценивать противоправные действия, совершённые более одного раза, т. е. совершённые неоднократно. В 2019 году в структуру ст. 20.1 КоАП РФ были внесены новые составы (ч.ч. 3—5), где ч. 4 предусматривает ответственность за «повторное совершение», а ч. 5 — за «аналогичное правонарушение, совершённое более двух раз». Налицо неоднократность как один из квалифицирующих признаков. Понятие неоднократности КоАП РФ не раскрывает, однако соотношение таких составов, как ст. 14.10 КоАП РФ (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)) и ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) с аналогичной диспозицией, но содержащая в качестве конструктивного признака — неоднократное совершение деяния отражает необходимость законодательного закрепления неоднократности в действующем законодательстве.

Заметим, что, кроме отсутствия четкого разграничения понятий «повторного» и «неоднократного» правонарушения, открытым остается вопрос квалификации и определения наказания за совершение правонарушений более двух раз. Законодатель не предусматривает ужесточения наказания за совершение последующих административных правонарушений даже в пределах установленных законом сроков.

В настоящее время всё больше статей КоАП РФ содержит возможность изменения ответственности за повторное совершение противоправных деяний, что является следствием декриминализации уголовного права, в результате которого появляются составы с административной преюдицией и криминализации административного права, порождающего составы УК РФ, предусматривающего ответственность за совершение противоправных деяний более одного раза.

Законодателем всё чаще вводятся нормы, предусматривающие ответственность иного вида за совершение противоправных деяний второй раз, в уголовном законодательстве появляются статьи, предусматривающие уголовную ответственность за совершение отдельных действий, квалифицируемых как административное правонарушение за совершение таковых впервые. Так, за нанесение побоев, причинивших физическую боль, в КоАП РФ в 2016 году внесена статья, предусматривающая административную ответственность (ст. 6.1.1), тогда как за повторное совершение подобных действий ответственность наступает в соответствии с уголовным законодательством (ст. 116.1 УК РФ); продажа алкогольной продукции несовершеннолетнему (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ) совершенная повторно влечет уголовную ответственность (ст. 151.1 УК РФ).

Понятие неоднократности совершения деяний возникало лишь при квалификации преступлений. УК РФ включает ряд составов, предусматривающих ответственность за неоднократное совершение противоправных действий, совершение проступков дважды и более двух раз. Как уже было замечено, КоАП РФ не раскрывает понятия неоднократности, а также не содержит составов, которые прямо указывали бы на неоднократность как один из квалифицирующих признаков.

На обязательное закрепление понятийного аппарата указывают А. Н. Добров и С. А. Баранова, обращая внимание на необходимость «унификации норм с преюдициальными составами преступлений, а также для единообразного подхода к конструированию

нию указанных норм», предлагая «законодательно закрепить понятие административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации» [2, с. 207].

В заключение считаем возможным обратиться к исследованию А. Н. Доброва и С. А. Барановой, полагающих, что в целях кодификации норм, касающихся повторного привлечения к ответственности с ужесточением ответственности, «при конструировании преюдициальных составов преступлений необходимо: при использовании в качестве критерия количества совершённых аналогичных деяний четкое обоснование двух-, трехкратной преюдиции, учет реального состояния динамики и роста преступности и иных необходимых факторов; при использовании в качестве критерия периода, в течение которого совершается аналогичное противоправное деяние, придерживаться единообразия и данный период приравнивать к сроку, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию» [2, с. 208].

Также полагаем, что в целях приведения законодательства в соответствие и недопущения двусмысленности его толкования необходимо:

— дополнить КоАП РФ нормой, разрешающей повторное привлечение к ответственности за деящееся правонарушение, соответствующими разъяснениям Пленума ВС РФ;

— внести в административное законодательство понятие неоднократности (более двух раз) совершения правонарушения и предусмотреть административную ответственность;

— предусмотреть единый подход к конструированию составов с повторностью совершения административных правонарушений как одного из квалифицирующих признаков;

— унифицировать конструкцию норм административного и уголовного законов, предусматривающих ответственность за повторное (неоднократное) совершение деяний;

— конкретизировать срок, закрепив его на законодательном уровне, в течение которого возможно привлекать за совершение деящих административных правонарушений повторно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бежанов В. О. Особенности применения повторности как квалифицирующего признака административного правонарушения // Вестник ГРПУ. — 2013. — С. 82—88.

2. Добров А. Н., Баранова С. А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 2 (93) — 2020. — С. 202—208.

3. Кобзарь-Фролова М. Н. Проблемы назначения административных наказаний за правонарушения, совершенные физическим лицом повторно // Уголовно-исполнительное право. — Т. 12 (1—4). — № 4. — С. 498—501.

4. Новичкова Е. Е. Вопросы повторного привлечения к административной ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. — 2020. — С. 387—391.

5. Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера // Общество и право. — № 1 (55). — 2016. — С. 62—66.

6. Телегин А. С. Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. — № 4 (46) 2019 г. — С. 628—647.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bezhanov V. O. Features of the use of repetition as a qualifying sign of an administrative offense // Bulletin of the GRRU. - 2013. - p. 82-88.
2. Dobrov A. N., Baranova S. A. Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — № 2 (93) — 2020. — P. 202-208.
3. Kobzar-Frolova M. N. Problems of assigning administrative penalties for offenses committed by an individual repeatedly // Criminal Enforcement law. - Vol. 12 (1-4). — No. 4. - pp. 498-501.
4. Novichkova E. E. Questions of repeated involvement in administrative responsibility // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: collection of articles on the materials of the international scientific and practical conference-2020. - pp. 387-391.
5. Sidorenko E. L. Features of qualification of crimes of a pre-traditional character // Society and Law. — № 1 (55). — 2016. — Pp. 62-66.
6. Telegin A. S. Tiunova N. V. Repetition of the commission of an administrative offense // Bulletin of the Perm University. — No. 4 (46) 2019-pp. 628-647.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности

материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 2 (97) 2021

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л.Е. Ким
Редактор-переводчик: О.Ю. Полонская
Дизайн обложки: М.А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
ул. Лермонтова, 110